НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСКОГО ПСА

КОРГИ

по имени Генри

Добрая книжка
о большом приключении
маленькой собаки

Джорджи Кроули

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Захватывающая история современной британской писательницы и любительницы собак Джорджи Кроули о псе породы корги по имени Генри. Он живет в обычной семье в пригороде Лондона, но волею случая попадает в Букингемский дворец и становится одним из питомцев королевы.

- Джорджи Кроули
  -
  -
  - День первый
    - Генри
    - Эми
    - Генри
    - Эми
  - День второй
    - Генри
    - Эми
  - День третий
    - Генри
    - Эми
    - Генри
  - День четвертый
    - Эми
    - Генри
    - Эми
  - День пятый
    - Генри
    - Эми
    - Генри
  - День шестой
    - Генри
    - Эми
    - Генри
  - День седьмой
    - Генри
    - Эми
    - Генри
  - День восьмой
    - Эми
    - Генри
    - Эми

- День девятый
  - Генри
  - Эми
  - Генри
- День десятый
  - Генри
  - Эми
  - Генри
- День одиннадцатый
  - Генри
  - Эми
  - Генри
- День двенадцатый
  - Генри
  - Эми
  - Генри

- notes
  - 1
  - 2

Джорджи Кроули
Корги по имени Генри

Джорджи Кроули живет в Хартфордшире с мужем и шестью собаками. Все свободное время она гуляет за городом или читает о предмете своего живейшего интереса: королевской семье.

Каждой семье и ее любимцам, на Рождество

День первый
Суббота, 14 декабря

Генри

С людьми вечно нужен глаз да глаз. О, я не говорю, что они того не стоят. Но просто не представляю, как бы они справлялись без нас, собак.

Взять, к примеру, моих Уокеров.

С того момента, как я щенком попал в их дом, мы жили впятером. (Окей, вшестером, если включать Кошку. Я обычно не включаю.) Джим, Эми, Джек, Клэр и я, Генри. (Ладно, еще и Соки. Если без нее никак.)

Так было до Ночи фейерверков пять недель назад. (Дата запомнилась хорошо, ведь все произошло под грохот и вспышки света.) Я спрятался под стул в спальне Джима и Эми (любое здравомыслящее существо в Ночь фейерверков поступило бы так же) и потому видел, как Джим запихивал одежду и разные вещи в сумку. И слышал, как Эми, рыдая, спрашивала его почему.

Порой мне кажется, что, возможно, она понимала в происходящем не больше моего.

Одно я знал точно: той ночью Джим ушел и больше не вернулся. Это было не так, как в те дни, когда он уходил на работу, а я скучал по нему, и даже не так, как когда они уезжали в отпуск и отдавали меня в питомник.

На этот раз все было иначе. И ни капельки мне не нравилось.

После ухода Джима я свернулся на кровати рядом с Эми, и та плакала, пока не заснула. Только когда ее всхлипы стихли, я, убедившись, что она спит, решился спуститься вниз и проверить остальных. Джек и Клэр еще не возвращались, они смотрели фейерверк на ближайшем школьном стадионе. Не побоявшись грохота и огней, я удостоверился, что дети в порядке, и отправился в свою корзину подумать о случившемся – и о том, как мне все исправить.

Тогда-то Соки выскользнула из-за дивана и посмотрела на меня своим высокомерным донельзя взглядом, как только кошки умеют.

– Что ж, допрыгался, – сказала она.

Я ничего не понял, а объяснять Соки не стала. Но с того момента я пытался выяснить, что произошло, искал причины случившегося – и способы сделать нашу жизнь лучше.

На следующее утро Эми усадила Джека и Клэр перед собой и все им объяснила. Я, конечно, тоже слушал, но сумел понять только то, что Джим ушел, а нам нужно помогать друг другу и вместе преодолевать сложности.

Что ж. С этим никаких проблем! Я стал помощником, о

котором только можно мечтать.

Первым делом я решил проведывать Джека и Клэр во время сна. Иногда, когда я заходил в комнату Клэр, а она плакала, я запрыгивал к девочке на кровать и оставался с ней до тех пор, пока она не успокаивалась или не засыпала. (Вообще-то, на кровать мне нельзя, но я решил, что сейчас особые обстоятельства. К тому же у Клэр *очень* удобно.)

Кроме того, я взял за правило помогать поддерживать чистоту и порядок в доме и подъедал кусочки еды, которые падали на пол. Позже, решив, что такой помощи *недостаточно*, стал запрыгивать на стулья в кухне и очищать тарелки, которые семья иногда оставляла на столе. После моего облизывания посуда всегда оставалась очень чистой.

Эми была куда меньше благодарна за мои труды, чем я рассчитывал, и через какое-то время Джек взял в привычку убирать все тарелки в посудомойку сразу после еды. Поэтому я начал искать новые способы помочь.

Меня сильно тревожило, что я теперь гораздо реже гуляю. Джек иногда брал меня побродить по парку, но обычно встречался там с приятелями, и я сидел рядом, с пристегнутым поводком, ожидая, пока он наговорится. Клэр разрешалось самостоятельно водить меня только до местного магазина и обратно, и все запахи уже были знакомыми на пути, поэтому я немного скучал. К тому же иногда следом шастала и Соки – я всегда подозревал, что она – любимица Клэр.

У Эми, судя по всему, времени выходить вообще не оставалось. Но я знал, что после прогулок она всегда чувствует себя лучше, поэтому теперь, стоило кому-нибудь открыть входную дверь, я срывал поводок с крючка в прихожей и убегал, а Эми приходилось за мной гоняться. Поймав меня, она пристегивала поводок к ошейнику, и мы возвращались домой, оба хорошенько размявшись и подышав свежим воздухом. Эми никогда не выглядела особенно довольной, но я знал, что прогулки действительно полезны для нее.

В целом, в доме Уокеров уже не было так светло и радостно, как я привык, – и Джим ни разу не приходил. Несмотря на все мои усилия, семья страдала.

Пока однажды утром все не изменилось.

С сосредоточенным видом Эми вихрем слетела по лестнице и, запихнув вещи в свою сумку, принялась делать кучу сэндвичей. Что-то случилось – узнать бы что.

– Джек! Где твой голубой рюкзак? – крикнула она в направлении второго этажа.

Я прижался к столику у входной двери и наблюдал оттуда.

– А можно мне взять планшет? – спросила Клэр, держа его в руках.

– Конечно же, нет, – ответила Эми. – Может, возьмешь новую книгу, которую тебе купила бабушка?

– Какой голубой рюкзак? – Джек появился наверху лестницы в одной пижаме.

– Джек! Ты не одет! – Эми побагровела.

– Потому что я не хочу идти, – сказал Джек. – Я же тебе говорил.

– Что ж… жаль. Мы едем все вместе. Нас ждет настоящее приключение.

Приключение. Мне нравится, как звучит это слово!

– А сейчас быстро найди рюкзак!

– Какой рюкзак? – снова спросил Джек. – И почему я должен идти? Возьми с собой Клэр.

– Я беру вас обоих, – сказала Эми. – Теперь иди и отыщи рюкзак, который я купила тебе, когда вы ездили на вручение премии герцога Эдинбургского, и *оденься*.

Джек какое-то время смотрел на мать со второго этажа. Я знал этот взгляд. Джек раздумывал, стоит ли и дальше испытывать ее терпение.

Видимо, решил, что не стоит.

– Тот рюкзак – красный, – проворчал он, но все равно отправился в свою комнату, чтобы собраться.

Я задумался – собраться для чего? Эми не говорила. Она сказала, что приключение ждет всех – это включая меня? Надеюсь, что да. А если нет… что ж, может, я сорву поводок и побегу следом! Я не собираюсь пропустить, возможно, самое веселое для нас событие за последние недели!

– Хм. Интересно. – Соки умывалась, сидя недалеко от меня на своем обычном месте, рядом с батареей. – Что, по-твоему, тут происходит?

– Мы куда-то собираемся, – сказал я, провожая взглядом Эми, которая металась между кухней и коридором, собирая вещи.

– Это ясно. – Соки водила пушистым хвостом из стороны в сторону по деревянному полу. – Но куда?

– Это будет приключение.

Я не мог скрыть радостного волнения в голосе.

Соки закатила глаза и направилась в сторону кухни.

– Ску-у-ка.

Кошки. Ничего они не понимают в приключениях.

Эми снова показалась в прихожей. Клэр шла за ней хвостиком.

– Был бы у меня свой телефон, я бы могла играть в поезде, –

сказала она. – Мне ведь *уже* двенадцать, понимаешь? У всех моих друзей есть мобильные, понимаешь?

– Мы договорились, что обсудим телефон, когда тебе исполнится тринадцать. – Эми даже не обернулась к дочери для ответа.

Учитывая, сколько раз они спорили, я не особо удивился.

– Но ведь мне *почти* тринадцать.

– Тебе исполнилось двенадцать в октябре. Два месяца назад.

– А телефон стал бы *прекрасным* подарком на Рождество, – продолжила Клэр, глухая к попыткам матери использовать логику против нее.

Со вздохом Эми повернулась к дочери.

– Клэр, мы уже это обсуждали. Ты же знаешь, что нынешнее Рождество будет немного… другим. И, боюсь, о таких дорогих подарках не может быть и речи.

Клэр помрачнела. Такое выражение не раз появлялось у нее на лице, когда она собиралась пристегнуть мне поводок и изо всех сил тащить меня в сторону магазина. Я, как и все собаки, люблю погулять, но когда Клэр разобидится, времени наслаждаться прогулкой просто нет.

– Ладно, – сказала она, скрестив руки на груди. – Значит, я просто попрошу папу.

Эми, резко погрустнев, отвернулась. Мне сразу захотелось прижаться к ней и утешить.

– Так и сделай.

Эми уже закончила укладывать свою сумку и красный рюкзак Джека, который тот скинул со второго этажа, а напряжение по-прежнему висело в воздухе. Клэр уселась за стол на кухне, так, чтобы видеть прихожую, и не сводила с матери сердитого взгляда. Соки прошла мимо скрещенных ног Клэр, свисавших со стула, но та даже не наклонилась погладить кошку.

Я сел рядом с поводком. Нам действительно нужно это приключение. Всем нам.

– Ладно, – сказала Эми решительным голосом. – Всё, одеваемся. Пора выходить!

Джек протопал вниз по лестнице и сдернул с вешалки пальто. Клэр тоже натянула свой красный пуховик, а Эми застегнула пуговицы на своем старом пальто с капюшоном и…

Да! Она сняла с крючка мой поводок и пристегнула к ошейнику!

Мне сразу стало тепло и спокойно. Куда бы мои люди ни шли, они хотели, чтобы я пошел с ними. А это – самое главное.

– Будем надеяться, что тебя возьмут и обратно, – промурлыкала Соки, скользнув мимо нас вверх по лестнице.

Ее слова я оставил без внимания. *Конечно*, они возьмут меня домой.

Я – неотъемлемая часть этой семьи. Посмотрим правде в глаза: без меня они все пропадут.

Эми

«Все-таки я хорошо придумала», – решила Эми, наконец-то увидев вдалеке указатель, который искала.

Сомнения не оставляли ее, даже когда поезд уже въезжал на вокзал Виктория. Почти всю поездку Джек молчал – впрочем, он молчал уже шестую неделю с тех пор, как Джим ушел. Дни шли, а отец не возвращался, и сын совсем замкнулся в себе. У Эми порой получалось вытянуть из него несколько слов. Но с Джимом он вообще не говорил – вешал трубку каждый раз, когда тот звонил.

Клэр – ее жизнерадостная, улыбчивая девочка – тоже стала другой за эти дни. Она препиралась по каждому поводу, жаловалась на любую, даже малейшую перемену в привычном распорядке… а перемен хватало. Даже Генри после ухода Джима стал вредничать. Бедный корги, кажется, решил напоминать домашним о своем присутствии, создавая проблемы. До ухода Джима Генри вел себя идеально. А теперь Эми постоянно приходилось сгонять его с кроватей или носиться за ним по улице, когда он в очередной раз сбегал. Она даже назначила Джека ответственным за посуду, чтобы Генри больше не подъедал остатки еды прямо с тарелок.

Все равно Эми не могла винить песика за то, что тот стал беспокойным, может, даже немного напуганным. Вся семья такой стала. Теперь все очень изменилось.

С уходом Джима они лишились и его зарплаты. Он все еще выплачивал половину ипотеки и предложил давать деньги на детей, но Эми отказалась. Зачем соглашаться? Он тогда почувствует себя лучше, будет считать, что делает достаточно для семьи.

А это совсем не так.

Семья нуждалась в *нем*. Не в его деньгах.

Но раз Джима нет – значит, Эми сделает все сама. Все.

Докажет Джиму, что им лучше без него. Это принесет ей больше радости, чем если она заедет по его глупому лицу. Наверное.

Ее друзья, конечно, не раз высказывались на тему ухода Джима – по большей части отпускали едкие комментарии о том, как банален его поступок и что он не ценил, что имел. Все они хотели как лучше, Эми понимала, и ей даже было немного легче от мысли, что эти люди на ее стороне. Но самый полезный совет она получила откуда совсем не ждала – от нового врача в хирургии, где работала медсестрой. Доктор Фитцджеральд только-только переехал в этот район и, по слухам, сам недавно

развелся. Эми несколько раз видела, как он выгуливал своего далматинца в парке около клиники, но до последнего месяца они редко общались. Через неделю после того, как Джим ушел, Фитцджеральд просунул голову в рабочий кабинет Эми и спросил, в порядке ли она.

Эми натянула улыбку и попыталась сделать вид, что все в порядке, но он сразу же ее раскусил.

– Вам будут давать кучу советов, – сказал доктор, вежливо улыбаясь. – Некоторые, возможно, окажутся хорошими, а некоторые, скорее всего, будут ужасны. Но я могу сказать только одно: вы – единственная, кому придется жить с этим, когда все закончится и остальные забудут об этом. Дела снова пойдут своим чередом, и он по-прежнему останется отцом ваших детей, что бы ни сделал. А вы – собой, даже если сейчас так не кажется. Поэтому оплакивайте свою потерю, злитесь, сколько захотите, но все-таки сосредоточьтесь на долгосрочной перспективе.

Долгосрочная перспектива. До нее еще так далеко, но Эми все равно попыталась. Попыталась представить будущее, где жизнь не такая тяжелая, где она снова счастлива – как и ее семья.

В этом и смысл сегодняшнего дня. Начать долгий путь здесь и сейчас. Создавая для семьи счастливое будущее, которого так хотелось.

А какое место подойдет для этого больше, чем «Зимняя страна чудес»?

– Как вам? – спросила Эми, когда они вышли на своей станции и, вдыхая свежий декабрьский воздух, направились в сторону Гайд-парка.

Генри, к счастью, спокойно шел рядом – и когда они двигались по тротуару, и когда были в толпе. Сегодня ей совсем не до его проказ!

Джек и Клэр немного отставали, медленно волоча ноги, поэтому увидели табличку после Эми. Но когда увидели…

– Мам! Мы туда? Правда?

Эми улыбнулась. На миг Клэр снова говорила своим прежним, солнечным голосом. Господи, как же не хватало этих звуков.

Впереди бурлила толпа, люди стекались к огромным ярко раскрашенным воротам. «Страна чудес» сияла даже при свете дня, рождественская музыка наполняла воздух. Огромное колесо обозрения вдали нависало над всем парком. Эми почувствовала дрожь приятного волнения от самого вида этого места, и даже Генри залаял от возбуждения.

Да, она точно *хорошо* придумала.

– «Зимняя страна чудес»? – Джек старался сделать вид, что

ему все равно, но Эми слишком хорошо его знала. Она чувствовала искорку восторга, спрятанную глубоко-глубоко. – Мы за тем сюда и приехали?

– Ага!

Она улыбнулась детям, и, когда те улыбнулись в ответ, у нее потеплело на сердце. Эми протянула им карту, которую распечатала накануне.

– Куда отправимся первым делом?

Джек и Клэр вместе разглядывали схему и, перебивая друг друга, показывали на свои любимые аттракционы. Они хотели побывать здесь в прошлом году и в позапрошлом, но Джим всегда говорил, что тут слишком шумно, слишком много рекламы. Ему хотелось взять семью кататься на лыжах, но они не могли себе позволить поездку на четверых – плюс питомники для Генри и Соки.

Вход в «Зимнюю страну чудес», к счастью, был бесплатным. Конечно, внутри было множество *потенциальных* трат, поэтому-то Эми и спланировала поездку так тщательно. Она отложила деньги для двух главных развлечений – гигантского колеса обозрения и катка у сцены – и заранее купила билеты. А взяв с собой Генри, она должна была остаться с ним, и, таким образом, у нее был законный повод не тратиться на билеты для себя. Эми скопила достаточно, чтобы дети могли выбрать еще по одному аттракциону, и захватила деньги, предназначавшиеся для Рождества, которые бабушка подарила заранее – на случай, если этого ребятам не хватит.

Они рано пообедали в поезде тем, что взяли из дома, чтобы не пришлось втридорога покупать еду в продуктовых лавках, а после прогулки по украшенной к Рождеству Оксфорд-стрит Эми планировала поужинать в недорогом итальянском ресторане, который запомнила со времен, когда они с Джимом еще не были женаты. Если сделать крюк, чтобы взглянуть на Букингемский дворец, то получится насыщенный, полный впечатлений день – и у Эми еще останутся деньги, чтобы купить продукты для рождественского ужина.

«Все идет неплохо», – сказала она себе.

К счастью, дети, кажется, не заметили, что их аттракционы были самыми дешевыми. Клэр была очарована рождественским базаром с его яркими огнями, и даже Джек, кажется, был тронут музыкой и восхищен видами, открывавшимися с колеса обозрения. Генри держался у ее ног, несколько раз Эми чуть не споткнулась о него, но, вообще-то, вел себя хорошо – тоже плюс.

На мгновение ей показалось, что событий последних месяцев вообще не было.

Только вот Джима не было рядом.

Глядя на огромное колесо, крутившееся на фоне темнеющего лондонского неба, Эми всего на секунду представила другую жизнь, ту, где Джим никогда не нанимал Бонни секретаршей. Никогда не влюблялся в нее. Не решался в одночасье разрушить почти двадцатилетний брак.

Она встряхнула головой. Нет смысла жить прошлым. Ей нужно сосредоточиться на будущем – и сделать его идеальным для детей, пусть Джима и нет рядом.

Эми не хотелось, чтобы Джек и Клэр ненавидели своего отца: никому не полегчает, если ситуация станет еще напряженней. И доктор Фитцджеральд прав – Джим остается их отцом, пускай с разводом все решено окончательно. Однако, как бы Эми ни старалась оставаться в рамках приличия, она не могла не думать, что с ней обошлись нечестно. Джек перестал разговаривать с Джимом из-за его измены и оттого, что, припертый к стенке, отец выбрал Бонни. А Клэр… Эми даже не знала, насколько хорошо дочь понимает, что произошло. В конце концов, Джим еще не знакомил детей со своей новой подругой.

Но так не могло длиться вечно. Скоро в их жизнь войдет новый человек, положение вещей изменится и с этим придется считаться. Дети должны будут отмечать некоторые праздники с Бонни. Эми с Джимом в следующем году составят расписание, кому когда забирать ребят, кому наслаждаться с ними Рождеством и кому отдуваться в День подарков, кто отвечает за развешивание чулок в сочельник…

В этом году, однако, дети принадлежат только ей. И Эми хотела извлечь из этого максимум удовольствия. Все-таки Джеку почти восемнадцать – может, это его последнее Рождество с семьей. Поэтому она намеревалась сделать праздник волшебным для них обоих. Подарить им последний год, когда на Рождество можно быть ребенком.

Даже если придется сделать это одной.

Генри прижался к ее ноге, она наклонилась погладить его, и тут колесо обозрения остановилось.

– Мы справимся, правда, малыш? – прошептала Эми, наблюдая, как Джек и Клэр выходят из кабины.

Генри у ее ног опустил голову на вытянутые лапки. Она была уверена, что по крайней мере он никуда не денется.

Приятно все же, когда есть хотя бы *один* мужчина, на которого можно положиться.

Даже если он – корги.

Генри

Должен признать, в этом местечке, «Зимней стране чудес», было куда больше интересных запахов, чем у нас дома в Редхилле. Дома пахло другими собаками, детьми, машинами, мусорными баками и порой белками из местного парка. Здесь – жареными каштанами (по крайней мере, продавец, мимо которого мы прошли, громко уверял, что это они) и всевозможными сладостями вперемешку с резким запахом льда и холодного воздуха. Еще по всему парку носился аромат радостного волнения – он исходил даже от Джека, Клэр и Эми, и это было хорошим знаком.

Клэр заныла, когда пришла пора уходить, но не закатила скандала, к которым мы привыкли в последнее время. Положив руку на ее худенькое плечико, Эми пообещала, что впереди еще много интересного, и девочка снова взбодрилась.

– Ну а теперь куда, мам? – спросил Джек, почти без обычных угрюмых ноток в голосе.

Я сел у его ног и завилял коротким хвостиком в знак одобрения. Люблю, когда мои Уокеры счастливы, и сейчас в первый раз за несколько месяцев вижу их такими.

Может, теперь у нас все снова станет хорошо? – Думаю, мы прогуляемся мимо Букингемского дворца. – Эми аккуратно свернула карту «Страны чудес» и убрала в сумку. – Или пройдем через Сент-Джеймсский парк, чтобы поглядеть на пеликанов. А потом, когда стемнеет, вернемся на метро на Оксфорд-стрит и полюбуемся на рождественские украшения. Что думаете?

Клэр уткнулась головой маме в руку.

– Здорово.

– Отлично! – просияла Эми.

Я, довольный, семенил рядом с ней, пока мы петляли между деревянных киосков и катавшихся на коньках детей, воздух звенел смехом и радостью. Сегодня в самом деле очень хороший день – и мне определенно нравятся звуки Сент-Джеймсского парка!

По опыту я знаю, что парки – это места, где можно убегать и догонять, выискивать новые запахи и охотиться на белок. В нашем, неподалеку от дома, Эми никогда не волновалась – знала, что мне тут все известно и ей не надо следить за мной слишком внимательно. Кроме того, мы всегда встречали там интересных людей: соседа с йоркширским терьером, нового врача с таким смешным щенком-далматинцем, поселившегося в нашем городе месяц назад. В парке часто можно было наткнуться даже на

школьных друзей Клэр или приятелей Джека. Мы всегда останавливались поболтать, и, кажется, в последний месяц или два, такие встречи и разговоры повышали настроение моей семьи.

Хоть я и *превосходный* слушатель и утешитель (не то что Соки, которая исчезает при первом же всхлипе), иногда моим людям нужно общаться и с другими людьми.

Я оказался прав: Сент-Джеймсский парк – великолепное место. Эми спустила меня с поводка, и я бегал, где хотел. Наступать на землю, даже холодную, промерзшую, было куда приятнее, чем на жесткий асфальт, по которому мы пришли сюда, поэтому я наслаждался свободой и просто носился повсюду.

– За пеликанами не гоняться! – крикнула мне Эми, вместе с детьми отправившись следом.

Я обернулся и гавкнул. *Что* это, вообще, такое – пеликаны? Как я могу обещать не гоняться за ними, если не знаю, кто это? Вдруг они похожи на белок? Гоняться за белками я люблю больше всего. На втором месте, с небольшим отставанием, у меня голуби. Но я сдвину первых двух с пьедестала, если пеликаны окажутся даже лучше…

Люди держались ровных дорожек, а я бегал зигзагами по парку, в основном по травке, не упуская их из виду. Джек бросал мне палки, я приносил их, и нам было очень весело. Мы дошли до озера, и я как раз раздумывал, не слишком ли сейчас холодно, чтобы немножко поплескаться, когда Клэр указала на остров посередине.

– Смотри! Мам! Там пеликаны!

Я вскинул голову, навострил уши и вгляделся вперед. Парк оставался зеленым даже в разгар зимы, и озеро не замерзло, поэтому здесь все еще водились некоторые представители дикой природы. Я уставился туда, куда показывала Клэр – она говорила об огромных смешных птицах, видимо живших в парке.

Громадных, грязновато-белого цвета и с острыми клювами, причем с какими-то мешками под ними.

Стоит отметить, птицы были крупнее меня.

Я отошел на шаг или два от берега. Эти существа выглядели так, словно могли с легкостью целиком проглотить голубя или белку. Я не хотел, чтобы они попробовали свои силы на корги.

– А кому они принадлежат? – спросила Клэр, все еще не сводившая глаз с огромных птиц.

Мне мучительно захотелось погоняться за воробьями и дроздами на заднем дворе нашего дома в Редхилле. Они вот – птицы что надо. Знают свое место в животной иерархии.

– Ну Сент-Джеймсский парк – королевский, – медленно сказала Эми. – Значит, думаю, они принадлежат королеве.

Я не мог отделаться от мысли, что у королевы очень своеобразный вкус.

– Первые пеликаны были подарены королю Карлу Второму в тысяча шестьсот шестьдесят четвертом году русским послом.

Мы с удивлением посмотрели на Джека, а тот продемонстрировал свой телефон.

– Сила интернета. Ладно, пойдемте, а то холодно! Куда сейчас?

– Мы увидели пеликанов – давайте проверим, можно ли одним глазком взглянуть и на их владелицу, – предложила Эми. – Утром я прочитала в газете, что сегодня, уже скоро, она уезжает из дворца. Кто знает – может, нам повезет.

Я сомневался, можно ли назвать везением встречу с хозяйкой жутких птиц, но Клэр запрыгала на месте и захлопала в ладоши, так что, может, это я чего-то не понимал.

Мы направились вдоль озера к концу парка. Эми не надела на меня поводок, и я был ей благодарен. Но все равно не отходил далеко – во всяком случае, до тех пор, пока не убедился, что пеликаны нас больше не видят.

Я бы не расстроился, если бы больше никогда не оказался в этом парке. Мне гораздо больше нравился парк рядом с нашим домом, со всеми знакомыми людьми и собаками, и прелестными пухлыми белочками, за которыми можно гоняться.

В дальнем конце этого парка мы увидели массу народа, столпившуюся у высокой ограды. Морозный воздух звенел от болтовни. Эми быстро повела нас вперед по широкой дороге. Я пытался осмотреться, чтобы понять, где мы, но видел одни только ноги – худые, толстые, в широких черных штанах и ботинках, в джинсах, колготках. Всюду ноги, больше я ничего не видел.

– Ворота открываются! – воскликнула Клэр, и вдруг моя троица помчалась вперед к ограде.

Я не отставал, лавируя меж ног, чтобы не потерять семью.

– За мной, Генри, – сказал Джек, оглянувшись на меня.

Я вдруг понял, что поводок на меня все еще не надели, а Уокеры слишком заняты, продираясь сквозь толпу, чтобы вспомнить об этом сейчас.

Вдруг голоса стали громче. В просвете между ногами я разглядел, как из ворот выехал мотоцикл с мигавшими фарами. Следом длинная черная машина, тоже с горящим светом, – при ее появлении восторженные крики и возгласы просто оглушили меня, толпа словно с катушек съехала – хуже, чем в Ночь фейерверков. Я отпрянул назад – но там оказалось еще больше ног, и звук шел отовсюду, такой громкий, что я не знал, куда деваться.

Вот бы спрятаться дома под подушку, в своей корзине. Вот бы обнять свою игрушку-мышку. Вот бы Джек погладил меня по голове и пообещал, что скоро все стихнет.

Правда, я знал, что не скоро. Лондон шумел весь день – сначала поезд, потом толпа в «Зимней стране чудес», пронзительно кричащие во время кормежки пеликаны. Но в этой гуще народа мне пришлось хуже всего, пришла пора смыться отсюда.

Тихонько скуля, я повернул назад и стал выбираться из толчеи и шума. Можно подождать Уокеров и там – они найдут меня, как только все закончится.

Там было чуть тише, но мне по-прежнему хотелось прикрыть уши лапами и спрятаться. Я пробежал немножко дальше, безопасности ради, и нашел кусты, где мог укрыться. Только я уселся на травку, мимо пролетел большой толстый голубь. Я осторожно пригляделся к нему и, чтобы отвлечься от шума, стал раздумывать, как бы его поймать. Сосредоточился на добыче, и гул толпы стих.

Птица, не подозревая, что на нее идет охота, подлетела ближе. Еще ближе. Пока я почти не…

В идеально выверенный момент я бросился вперед – и голубь в панике вспорхнул в небо. У меня на глазах он перелетел над моим убежищем и приземлился с другой стороны.

Слишком просто.

Кусты были гуще, чем лес ног, но гораздо тише и куда меньше наступали мне на лапы. Я быстро продрался сквозь ветки, остановившись только на секунду, когда вдруг наткнулся на два высоких металлических бруса, преграждавших путь.

Просунул голову между ними, поерзал плечами – те тоже пролезли, а за ними – спина и задние лапы.

Я вылетел с другой стороны как пробка, продравшись сквозь последние ветви и успев увидеть, как голубь взмахивает крыльями и перелетает на лужайку чуть поодаль.

Можно продолжать охоту.

Голуби действительно глупые птицы. Кажется, им никогда не приходит в голову, что, если они улетят достаточно высоко или далеко, я вообще не смогу их поймать. Они просто несколько раз взмахивают крыльями, слегка поднимаются в воздух и приземляются в паре шагов.

Как я и сказал: глупые. Но от этого играть только веселее.

Я помчался за птицей со счастливым лаем. Сюда почти не доносились громкие крики и восторги – кстати, а где я? Похоже на другой парк, вроде того, с пеликанами, где куча деревьев и зелени. Значит, все в порядке. Парки – это всегда хорошее место

для собак, и Уокеры точно найдут меня тут, как только закончат то, чем там они заняты у ворот. Вряд ли я мог уйти слишком далеко.

В конце концов голубь догадался взлететь на дерево и остаться там, но я не возражал. Это значило, что я могу получше изучить новый парк – держась подальше от пеликанов, конечно.

Я чудесно провел время, исследуя дорожки и клумбы, деревья и кусты. Но скоро даже у меня, должен признаться, устали лапы. И, что еще хуже, стало смеркаться. Эми ничего не говорила об ужине? Да, когда стемнеет, мы все должны пойти смотреть на украшения, где-то на Оксфорд-стрит, и хорошо поужинать.

Жалко будет пропустить такое.

Темнота сгущалась, я, зевая, побежал туда, откуда пришел, к большому зданию, рядом с которым стояли Уокеры – как там Эми его называла? К дворцу. Букингемскому дворцу. Хотя, должен признать, с этого ракурса он выглядел немного иначе. Как минимум не было никаких больших ворот и оград. Но раз здание то же, значит, Уокеры должны быть где-то рядом, разве нет?

Только вот толпы с этой стороны дворца не было. Как и охранников в смешных шляпах. Вообще никого.

Кажется, я оказался ближе к дворцу, чем когда мы стояли с той стороны. Надо понять, как обойти его, – и все дела. Вернуться к Уокерам. Я же пролез через куст? Значит, придется сделать это снова.

Если б только я помнил через *какой*.

– Что ты делаешь тут, снаружи?

От сварливого голоса за спиной я испуганно подскочил. Я обернулся так быстро, что чуть не цапнул себя за толстенький хвост, и поймал на себе сердитый взгляд незнакомца в черном костюме и белой рубашке.

– Ты, наверное, новенький. Я думал, Ее Величество забрала тебя с собой, но, видимо, ошибся. Нет, ты просто получил возможность бегать, где хочешь, путаться у всех под ногами и оставлять «подарочки», а нам придется притворяться, как сильно мы тебя любим. И других троих. Честное слово. Не думал, что во дворце появятся новые животные. Но нет, Она просто не могла устоять перед корги в беде, да?

Он вздохнул и открыл дверь во дворец.

– Думаю, это не твоя вина. Пойдем. Давай-ка вернем тебя на твое место.

На последних словах я вскинул уши. Часть о Ее Величестве и подарочках была совершенно бессмысленна, но возвращение меня на свое место, к Уокерам, – это *именно* то, чего я хотел. Поэтому я послушно юркнул за дверь и приготовился следовать за ворчуном

в костюме туда, где меня ждали мои Уокеры.

Однако, едва я перешагнул порог, у меня округлились глаза. Я не особенно понимал, что значит «дворец» – кроме очевидного «очень большой дом». Но комната, в которую мы зашли, нисколечко не походила на нашу прихожую. Начнем с того, что здесь не было лестницы, на каждой ступеньке которой валялись вещи, ждавшие своего водворения в спальни хозяев. Не стоял стол с телефоном и записной книжкой, которую так здорово жевать. Ни вешалки, ни обувницы, ни горы ботинок.

Ни крючка для поводка.

Зато здесь прямо от дверного проема начиналась громадная комната, с темно-красным ковром, множеством красных стульев и диванов (на которые, подозреваю, мне нельзя) и гигантскими высокими колоннами из ослепительно-белого камня. На стенах висели огромные портреты людей в странных одеждах. А в центре стояла исполинская ель, украшенная плюшевыми красными коронами.

Она выглядела так внушительно, что мне захотелось спрятаться за тяжелыми красными с золотом занавесками. Только вот в этом случае я бы никогда не вернулся к своей семье.

– Ну, давай, иди, – сказал ворчун, подгоняя меня вперед. – Если не поторопишься, пропустишь свой ужин, а он бешеных денег стоит.

Он прав. Эми *не* обрадуется, если из-за меня мы опоздаем и пропустим ужин. И мне тоже будет не очень весело лишиться еды. (Мне ведь так и не удалось *съесть* голубя. И я ужасно набегался. Так корги и умереть с голоду недолго.)

Проблема только в том, что я не представлял, куда мне идти.

Ворчун снова тяжело вздохнул.

– Точно. Ты же новенький. Наверное, еще не знаешь, где тут что. Тогда пойдем. Я покажу дорогу.

Я думал, что он выведет меня к другой двери наружу, но вместо этого мы отправились через еще более впечатляющие комнаты к широкой лестнице с золотыми перилами и золочеными стенами. У ее основания стояла белая статуя рядом с громадными, богато украшенными часами. Вокруг перил обвивались длинные зеленые гирлянды, с которых свисали блестящие елочные шары.

Это место ни капельки не похоже на дом Уокеров.

– Ладно, теперь наверх.

Ворчун махнул рукой в сторону лестницы. Я остался сидеть внизу, переводя взгляд с него на ступеньки. Уокеры же не могут быть там, верно?

– Ну же. Наверх!

Тут я вспомнил обучающие занятия для щенков, куда меня водил Джим, и, услышав команду ворчуна, вскочил и стал взбираться по лестнице.

Тот шел за мной, пока мы поднимались. Я все думал, что ждет меня наверху.

Надеюсь, семья.

Коридоры наверху были так же роскошно отделаны и украшены к празднику. Я вдруг понял – Эми в этом году еще даже не ставила елку. Может, потому что это обычно делал Джим.

Я был рад возможности идти за ворчуном; без него я бы вмиг потерялся.

– Вот так.

Он потянулся к ручке тяжелой красной двери, перед которой мы остановились. На ней висела табличка.

Читаю я не очень-то хорошо. Выучил всего несколько слов: Генри, собака, еда и корги.

Тут точно говорилось что-то о корги.

Дверь открылась, и на меня уставились три собаки.

Я уставился в ответ.

Думаю, другое слово на табличке значило «комната».

Эта комната была полна корги.

Во что же я такое ввязался?

Эми

– Мы видели королеву!

Ладно, всего лишь кусочек шляпы мельком и, может, ухо корги, когда большая черная машина выехала из дворца, но Клэр все еще прыгала на месте так, словно побывала на личной аудиенции.

– А я все заснял, – добавил Джек, выключив камеру на телефоне. – Бабушке понравится.

– Точно понравится, – согласилась Эми.

Ее мама, бабушка Фрида, была большой фанаткой всего, связанного с королевской семьей. Джек только что обеспечил себе лучшие рождественские подарки на всю жизнь в обмен на запись в полторы минуты, из которых Ее Величество видно максимум полсекунды.

Эми просто не могла *спланировать* этот день лучше. Дети были в восторге и счастливы, она – расслабилась впервые за несколько месяцев, сейчас они отправятся смотреть на праздничные украшения, потом поужинают, и все будет хорошо, пройдет как по маслу. Самое волшебное Рождество, на которое она могла надеяться.

Доктор Фитцджеральд прав. Так и надо – думать о будущем.

– А где Генри? – нахмурился Джек.

Эми почувствовала, как все спокойствие и расслабленность вмиг испарились, и она разом вернулась к пугающему настоящему.

– В смысле? Он был прямо тут…

Эми посмотрела себе под ноги, где спокойный и довольный Генри находился весь день. Она проверила поводок, и, несмотря на холод, ее ладонь вспотела. На поводке не было собаки. Она ведь отпустила Генри, чтобы тот мог побегать по Сент-Джеймсскому парку, а затем…

– Я забыла пристегнуть его обратно.

Сердце Эми колотилось так сильно, что ей показалось – оно может вырваться из груди.

– Но… он, наверное, где-то рядом. Он не стал бы просто убегать.

Не стал бы? Генри посещал обучающие занятия для щенков, и ему всегда хватало ума держаться поблизости в людном месте – обычно он хотел удостовериться, что не пропускает никаких угощений. Но такое событие, как сегодня, когда все шумят и толкаются, еще и в незнакомом месте… не говоря о том, что в последнее время он завел привычку выскакивать за дверь, когда

кто-нибудь открывал ее. Вдруг песик снова дал деру?

Но куда он убежал?

– Он может оказаться *где угодно*, – с отчаянием проговорил Джек.

Нужно было быть бдительней. Осторожней. Внимательней. Как она могла забыть о поводке? Как могла забыть о *Генри*, пусть даже смотрела на отъезд королевы?

Она подвела его. Подвела свою семью. Какой идиоткой она была, когда думала, что справится со всем сама.

Эми охватило отчаяние, она растерянно оглянулась вокруг, надеясь, что увидит хоть что-то – его пушистый толстенький хвостик или улыбку.

Ничего.

Нет. Эми встряхнула головой. У нее нет времени на отчаяние. Нужно снова быть родителем. Разобраться со всем.

В конце концов, теперь она должна этим заниматься в одиночку.

– Давайте его искать. Звать, – сказала Эми, придумывая план. – Генри всегда приходит, когда слышит свое имя. Давайте разделимся. Джек, ты иди по этой стороне ограды, а мы с Клэр – по этой.

Толпа рассеялась, насколько это вообще возможно у Букингемского дворца, и теперь за зеваками стало видно здание. Не отпуская Клэр далеко – не хватало кроме собаки потерять еще и ребенка, – Эми пошла вдоль ограды, окликая Генри.

– Если бы он выбежал наружу, на дорогу, мы бы его уже увидели, – сказала Клэр, идя следом. – Значит, он где-то рядом. Правда?

– Конечно же, – сказала Эми с куда большей уверенностью, чем чувствовала на самом деле. – Генри, даже когда убегает в парк, всегда останавливается, чтобы проверить, успеваю ли я следом. Он не ушел далеко. Уверена, мы очень скоро его найдем.

Через три часа поезд вез их домой, Эми обнимала Клэр за плечи, ее сердце разрывалось от слез дочери. Джек сидел напротив и молча смотрел в окно. Он не взглянул ей в глаза с момента, как они поняли, что Генри потерялся.

Полицейский, с которым они говорили, старался помочь, но не дал им никакой надежды. Лондон – такой большой город. Генри может быть где угодно.

– Генри чипирован, – с отчаянием сказала Эми.

– Если объявится, нашедшие хотя бы будут знать, кому он принадлежит, – сказал полицейский, очевидно стараясь не делать акцент на слове «если».

– Его могли украсть, – внезапно сказал Джек, отправляя Клэр

в сторонку с новым приступом рыданий. – Корги – популярная порода. Кто-то похитил его, пока мы смотрели на королеву.

– Это значит, мы его никогда больше не увидим! – Клэр метнула осуждающий взгляд на мать.

Эми не могла ее винить. Ведь была виновата сама. Поздравляя саму себя за идеальный, волшебный день, проведенный без Джима, она забыла, что действительно важно только одно – время, которое они проводят друг с другом.

И с Генри.

Он, наверное, так испуган: он один в городе или с чужими людьми. Не понимает, что произошло, куда они подевались. Знает только, что они не с ним. Оставили его.

Не важно, простят ли ее дети – она сама себя никогда не простит.

Джек смотрел в окно, в холодную зимнюю ночь. Хотя он ничего не сказал, Эми знала, что ему больно не меньше, чем Клэр. Генри на самом деле – *его* собака, его и Джима. Джим принес Генри, когда тот был еще щенком, Джеку, которому только исполнилось десять. С тех пор отец и сын вместе дрессировали Генри, выгуливали, присматривали за ним. Но теперь Джим ушел и переложил заботу о Генри на остальных.

Сначала Джек вроде бы нормально воспринял уход отца, но неделя шла за неделей, и сын все больше замыкался в себе. Он всегда говорил, что станет ветеринаром, узнавал, где лучше пройти подготовку, куда пойти работать, чтобы набраться необходимого для дальнейшего обучения опыта. Уже два года Джек очень усердно трудился, твердо решив получить работу своей мечты. Но за последние несколько недель словно забыл, что когда-то это вообще имело для него значение.

Но Генри… Генри всегда оставался важен для всех них. Как бы он ни расстраивал ее порой, Эми знала, что Генри любит их с бесконечной преданностью, как это свойственно собакам. Хотя ей и не нравилось, что он забирается на кровати, она знала, что Клэр спит с Генри под боком. Не только Клэр – Эми сама несколько раз за последние шесть недель просыпалась и находила Генри свернувшимся рядом, согревавшим ее – раз Джима не было.

А Джек… пусть Джек не рассказывал ей, что чувствовал, она знала: иногда, думая, что его никто не слышит, он разговаривал с Генри. С кем ему говорить теперь?

Эми смотрела на сына, прислонившегося головой к стеклу, его темные волосы спадали на лоб – и ее сердце сжималось при виде него. Ее мальчик уже почти взрослый – но не настолько, чтобы не нуждаться в родителях.

Не нуждаться в отце. И в собаке.

Эми на секунду прикрыла веки и откинула голову на спинку кресла. Всего миг, чтобы погоревать, поверить, что все потеряно.

Затем открыла глаза, выпрямилась и снова собралась с духом.

Окей, она заявила о пропаже Генри и удостоверилась, что полицейским известно о его чипе. Обыскала территорию, звала его и пыталась приманить собачьими лакомствами. Поговорила с каждым понимавшим ее речь туристом возле Букингемского дворца, спрашивала, не видели ли они пса.

Сделала все, что можно было сделать на месте. Значит, следующий вопрос – что можно сделать дома для возвращения Генри? В этом году у семейства Уокер уже достаточно потерь. Эми не откажется без боя от еще одного члена семьи.

– Ладно, дети, – сказала она, подождала, пока те поднимут глаза, и продолжила: – Теперь нам нужен план.

День второй
Воскресенье, 15 декабря

Генри

Проснувшись, я не сразу понял, где нахожусь. Корзина, в которой я спал, была слишком мягкой, слишком удобной для моей, старенькой. А комната слишком тихой – из кухни не орало радио, и Джек не топал вниз по лестнице.

Совсем не как дома.

Я открыл глаза, и все события вчерашнего дня промелькнули в моей голове.

Ворчун оставил меня в Комнате корги, и я почти сразу понял, почему он ошибся. Он решил, что я отсюда, из дворца, и поэтому отправил туда, где живут остальные собаки, – вместо того, чтобы привести обратно к семье, как я надеялся.

Где же сейчас они, мои Уокеры? Ушли без меня? Или все еще ждут, ищут?

А вдруг они решили, что я *нарочно* сбежал, ушел от них, как Джим? Я надеялся, они знают – я люблю их слишком сильно, чтобы когда-либо поступить так.

Провести ночь во дворце – очень большое приключение для довольно маленькой собаки, но я уже соскучился по своей обычной жизни и семье. Как знать, в какие неприятности они попадут, если я не буду за ними приглядывать?

Кто проследит, чтобы Эми каждый день ходила на прогулку? Кто устроится рядом и посмотрит с ней романтические фильмы в пятницу вечером? Кто доест за Клэр остатки ужина, которые та тайком, пока Эми не видит, бросает под стол? Или побудет с ней ночью, когда ей грустно и утешить может только пушистое мягкое создание под боком? С игрушечными мишками она не спит (обычно) – уже не по возрасту, а вот со мной – пожалуйста. И, главное, кто выслушает Джека, когда тот рассказывает, как скучает по папе? Я знал, что открывать другим свои чувства он не хочет. Но с кем-то же ему нужно говорить. Ему нужен *я*.

Им всем нужен.

Но, кажется, Уокерам придется справляться самим еще какое-то время. Пока я не улажу это недоразумение и не найду путь домой.

Ну а пока, раз я попал *во дворец*… лучше использовать этот шанс по полной. Скорее всего, совсем скоро кто-нибудь поймет, что случилось, и Эми приедет забрать меня домой. Да, волноваться не о чем.

Во всяком случае, пока.

Потягиваясь в своей супермягкой корзине, я оглядел остальную комнату.

Учитывая колоссальные размеры дворца, не стоило, наверное, удивляться тому, что Комната корги оказалась не менее роскошной, – но я удивился. Каждая собака спала в собственной плетеной корзине, для чего-то немного приподнятой над полом. Я задумался, чью же постель одалживаю – и когда владелец вернется и уличит меня.

Ну конечно! Как только это произойдет, во дворце поймут, что совершили ошибку, и меня отвезут к Уокерам. Это всего-навсего вопрос времени.

Впрочем, если люди могут не догадываться, что у них не тот питомец, собаки гораздо умнее. И я не сомневался – они раскроют правду куда быстрее.

Насколько я мог судить по тому, что видел вчера, во дворце живут еще три собаки – один корги, как я, и двое похожих на корги, но не совсем. У них более вытянутые морды и тела и лапы куда короче, чем мои. Я хотел спросить их про породу, но, учитывая, как удивленно они смотрели на меня прошлым вечером, решил придержать вопрос до тех пор, пока мы не познакомимся лучше.

Но дворцовые собаки, видимо, не любят ждать. Выпрямившись в своей корзине, я увидел, что они смотрят прямо на меня и во взгляде у них нет никакого дружелюбия.

– Так. Ты, значит, та новая собака, – сказал корги, выплюнув слово «новая», как черствое собачье печенье.

– Э-э, в некотором роде.

Нужно разведать обстановку, прежде чем выкладывать правду о своем необычном появлении.

– Ты же вроде как поехал с Ней в путешествие, – заметила другая собака. – Особое обращение и все такое.

Разве вчерашний ворчун не говорил, что, по его мнению, мне полагалось уехать с Ее Величеством?

– Планы изменились, – сказал я, размышляя, насколько это может быть правдой.

– Значит, не такое уж и особое, – откликнулась третья собака. – Что ж, нам стоит привыкнуть к твоему присутствию. Я – Кэнди. Это – Вулкан, а это, – она кивнула в сторону корги посередине, – Уиллоу.

Кэнди выглядела дружелюбной, и я решил попытаться вытянуть из нее побольше информации.

– Отличные имена, – сказал я. – Всегда приятно встретить других корги. Кэнди, какой ты породы?

– Мы с Вулканом – дорги, – объяснила та. – Наполовину таксы, наполовину корги.

Это объясняло их близость к земле.

– Обыкновенно, когда кто-то представляется, стоит ответить такой же любезностью, – заметила Уиллоу очень высоким и сильным голосом.

Почти как у *Соки*.

– Чем-чем ответить? – спросил я, не совсем поняв ее вопрос.

Вулкан закатил глаза.

– Именем. Будет невежливо, если ты не назовешь свое, раз узнал наши.

– Ох, извините. Генри, – сказал я машинально. – Приятно познакомиться.

Уиллоу резко подняла голову и шагнула ближе, чтобы получше изучить меня.

– Так, значит, Генри? А нам сказали, нового пса зовут Монти.

Ох. Прокололся.

Я улыбнулся широкой собачьей улыбкой и решил выкрутиться за счет своего обаяния – способ, который сработал с Эми, когда она нашла ту странную певчую птичку мертвой в саду за домом.

– Это довольно смешная история на самом деле.

Я как можно забавнее пересказал вчерашние события. К сожалению, Уиллоу, Кэнди и Вулкан не нашли их особо смешными.

– Так ты самозванец, – сказал Вулкан, направив на меня свой длинный нос.

– А то и диверсант, – добавила Кэнди.

Если вначале она казалась самой дружелюбной, то сейчас совсем наоборот. Взгляд стал холодным, а толстенький хвостик даже и не думал шевельнуться.

– Я предпочитаю считать себя, скорее… нежданным гостем, – сказал я, стараясь обернуть все в шутку.

– Мы не пускаем не пойми кого в Букингемский дворец, знаешь ли, – сказал Вулкан.

Он был самым мрачным из всех и с самыми короткими лапами. Может, у него синдром маленькой собаки? – подумалось мне. – Нужда чувствовать себя важнее, чем ты есть на самом деле.

И не стоит забывать, что он – королевский питомец. А это уже немало.

Кэнди и Вулкан повернулись к Уиллоу, возможно ожидая распоряжений. Корги, не похожая на остальных, явно возглавляла их группу – и это логично. Наша порода всегда отличалась лидерскими качествами и здравым смыслом.

Я очень надеялся, что Уиллоу встанет на мою сторону. Но мое присутствие, кажется, радовало ее не больше, чем Вулкана.

– Что ж, полагаю, все прояснится, когда Она вернется и

выгонит тебя на улицу, где тебе и место, – фыркнула Уиллоу. – До тех пор… кажется, у нас и правда *незваный* гость.

Кэнди и Вулкан тоже фыркнули, отвернулись от меня, и вся собачья троица двинулась к корзинам. Уиллоу ясно высказала свое мнение – и другие согласились с ним.

Ух, сколько новых друзей у меня во дворце. Все собаки ненавидят, а Она, кем бы она ни была, вышвырнет отсюда в два счета.

Кажется, я был нежеланным, незваным и, что хуже всего, – не мог вернуться домой к семье.

Что ж. Может, они знают, какой собакой я *не являюсь*, но, конечно, даже не подозревают, каким корги *являюсь*.

Потому что я из тех корги, что не сдаются просто так. И скоро они об этом узнают.

– Спорим, вы, милашки, готовы позавтракать, да?

Я поднял голову с лап и увидел светловолосую девушку с пакетом собачьего корма на пороге Комнаты корги.

Спасительница!

Кому вообще сдались эти избалованные дворцовые животные? Мне нужно, чтобы именно человек понял правду. Я поскакал девушке навстречу, надеясь, что мне как-нибудь удастся заставить ее понять, что я здесь быть не должен. Что мне надо домой.

Та улыбнулась, наклонилась и погладила меня по шерстке.

– Ты, наверное, наш новенький! Слышала, ты все-таки решил остаться во дворце с нами. Хорошее решение. Как тебя зовут, еще раз?

Приподняла жетон, висящий на моем ошейнике, и прочитала вслух.

– Генри. Очень по-королевски. Очень подходящее имя. А я – Сара. Сара Морган. Рада познакомиться, Генри.

Она протянула ладонь, и я поднял лапу навстречу, довольный, что Джек когда-то настоял, чтобы я научился этому трюку с пожатием. Значит, я не совсем чужак здесь, хотя все в Букингемском дворце и кажется мне новым и странным – а у Уиллоу свои представления о том, как корги должен себя вести, которым, я, скорее всего, никогда не смогу соответствовать.

Сара достала с полки четыре миски серебристого цвета и поставила на пол перед нами.

– Так, насколько я знаю, для кормления есть четкие правила, – улыбнулась она. – Но, боюсь, я тоже тут новенькая, и придется вам простить меня, если ошибусь.

Она насыпала сухой мясной корм в первую миску. Он выглядел совсем не так, как то, чем мы ужинали вчера вечером,

но, честно говоря, я был слишком напуган и растерян, чтобы замечать, что ем. Я вообще почти не притронулся к еде – а потому сейчас умирал с голоду.

Мне хотелось подпрыгнуть к миске и сразу начать есть, но три собаки остались на местах, поэтому я тоже решил подождать. Очевидно, это – еще одно правило дворца, которого я не понимаю. Ну правда, кто станет сидеть смирно, когда еду уже положили?

Наполнив миски, Сара отошла в сторону и посмотрела на нас.

– Мне надо что-то сказать? Эм… ешьте?

Я рванулся вперед, но Вулкан и Кэнди гавкнули на меня.

– Не ты, – резко сказала Кэнди.

Я попятился, а Уиллоу изящно шагнула вперед, наклонила головку и стала есть.

Приглядевшись к мискам, я понял, что на каждой выгравировано имя – на всех, кроме моей. Может, у них еще руки не дошли написать имя отсутствующего Монти на миске – или ее увезли с ним, а эта была запасной? Я не знал.

Зато знал, что она все еще пуста. И начал подозревать, что пройдет уйма времени, прежде чем наступит моя очередь.

Так и случилось. Следующим шел Вулкан, за ним Кэнди. Оба не спешили закончить свой завтрак – может, просто чтобы поиздеваться надо мной. Наконец Сара наполнила мою миску, и собаки расступились, пропуская меня.

Я принялся уничтожать корм, а девушка рассмеялась.

– Проголодался, да, малыш?

Я бы пролаял «да», но был слишком занят едой. Она оказалась потрясающей – даже для сухого корма. С мясным вкусом, сочная, сытная, просто объедение. *То, что нужно* для голодного и потерянного корги.

Вскоре миска опустела. Я умоляюще поднял глаза на Сару. Это был мой лучший взгляд, под напором которого Эми всегда сдавалась, но Сара уже убрала пакет с кормом.

– Прости, Генри, – сказала она. – Хоть я и новенькая, но даже мне известно это правило. Одна миска корма – и до ужина больше ни крошки.

Она поставила пакет обратно на стеллаж и собрала миски.

– Увидимся позже, ребята, если мне повезет. Надеюсь, пока Ее Величество далеко, мне разрешат кормить вас и ужином. Я слышала, сегодня шеф-повар приготовит для вас кролика.

Она отвернулась и ушла, а у меня в животе заурчало, стоило только *подумать* о кролике. Мысль об ужине так меня заняла, что я не сразу заметил оставленную открытой дверь и то, как

уверенно трое собак двинулись к ней.

Это ошибка? Может, Сара не знает, что дверь нужно закрывать? Или нам действительно разрешается выходить наружу и исследовать дворец? Вряд ли – тут слишком необычно, слишком дорого, чтобы позволить четырем собакам просто бродить, где хотят. Не так ли?

Уиллоу, Кэнди и Вулкан очевидно не разделяли моих опасений. Они уже вышли через открытую дверь в коридор. Поколебавшись всего миг, я побежал вдогонку.

Я не знал, куда идти, и поэтому бесшумно следовал за остальными, пока мы не дошли до лестницы, по которой я поднимался вчера.

Вулкан оглянулся через плечо.

– И куда это ты направляешься?

– Эм… вниз? – отважился я высказать догадку.

– Ну хорошо, – сказала Кэнди, и, прежде чем я понял, что происходит, вся троица повернулась ко мне хвостами и пошла обратно по коридору в сторону Комнаты корги. У меня на глазах человек в таком же, как у вчерашнего ворчуна, костюме открыл дверь перед процессией из корги и двух дорги. Они зашли внутрь с таким достоинством, словно сами были королевскими особами, а не собаками королевы.

Человек с любопытством посмотрел на меня, очевидно ожидая, что я тоже зайду. Но я не мог. Я не пойду туда, где меня никто не ждет.

А значит, нужно просто найти – где *ждут*.

Отвернувшись от двери, я стал спускаться по лестнице – сначала передние лапы, затем задние, чтобы преодолеть широкие ступени. Может, внизу будет повеселее?

Несколько раз свернув не туда, я наконец нашел красную комнату, где был вчера, а затем и дверь, через которую вошел, но та оказалась заперта. Оглянулся по сторонам в поисках кого-нибудь, кто захотел бы мне помочь и открыть мне дверь, но никого не нашел.

Прижав нос к стеклу двери, я с тоской смотрел на сады. Как же они манили день назад. Я не мог не последовать за голубем. Даже сейчас я знал, что, если мне откроют, я вылечу наружу и буду бегать столько, сколько хватит сил. Видите ли, я – дворовая собака. И каким бы роскошным ни казался дворец, сады все равно останутся на первом месте.

Несмотря на то что они увели меня прочь от моей семьи.

Ищут ли меня Уокеры? Я ведь ушел не очень далеко. Я мечтал: вот бы они просто постучали в дверь и спросили кого-нибудь, не видели ли меня тут. Тогда ворчун осознал бы свою

ошибку и отдал меня обратно.

Соки вот обрадуется, если я так и не найдусь. Мысль о Соки вдруг заставила меня на секунду улыбнуться. Соки, беспородной кошке, понравился бы дворец. Она бы решила, что именно здесь ее место. Могла бы принимать горделивый вид не хуже королевских собак.

Соки прекрасно вписалась бы в обстановку Букингемского дворца; по-моему, у меня это никогда получится.

Нет, прочь такие мысли. Если я умудрился попасть во дворец, смогу и выбраться из него.

Я знал, что Букингемский дворец гораздо больше нашего жилища, но, пока не отправился исследовать его, даже не представлял насколько. Решив начать с первого этажа, я переходил из одной роскошной комнаты в другую, и каждая значительно превосходила в размерах любую из наших.

Куда бы я ни посмотрел, все сверкало золотом, серебром или огнями гирлянд. Ковер у меня под лапами был мягким и плотным, чаще всего насыщенного темно-красного цвета.

Все, кого я встречал, сторонились и уступали мне дорогу, словно я правда был королевским питомцем. Как бы сильно я ни хотел, чтобы они догадались, что мне тут не место, тот факт, что они *не* догадывались, придавал мне уверенности продолжать свои исследования.

Где-нибудь должна быть открытая дверь. Та, через которую я смогу сбежать и найти свою семью. Мне нужно только отыскать ее.

Бродя по дворцу, я нашел комнату, в центре которой стоял большой стол из темного дерева, заваленный блестящими серебряными штуковинами. Подойдя ближе, я увидел женщину в такой же форме, как была на Саре утром. Она спешила в другую сторону, бормоча что-то о полировке. Заинтригованный, я направился к столу.

Горы серебра походили на пиратские сокровища из фильмов, которые Джек так любил смотреть, когда был помладше; они сверкали под солнечными лучами, бьющими через окно. Наверху одного нагромождения я увидел серебряную миску вроде тех, в которые Сара сыпала нам завтрак. Склонив голову набок, я рассмотрел ее.

Маловероятно, что в ней все еще оставалась еда, на самой-то вершине. Но будет глупо не проверить. На всякий случай. Все-таки, как только я найду способ улизнуть, мне понадобится вся моя энергия, чтобы добраться до дома. А в таком случае еще немножко корма не помешает.

Запрыгнув на ближайший стул, я оперся передними лапами о

стол и пригляделся к горе серебра. Все еще слишком далеко – я не мог разглядеть, ждет ли меня хоть какая-то еда на горе сокровищ.

В фильмах Джека, чтобы заполучить сокровище, всегда нужно рисковать, но оно того стоит. Думаю, здесь такая же ситуация.

Быстро оглядевшись и убедившись, что никто не смотрит, я запрыгнул на стол и принялся осторожно карабкаться по горе серебра, стараясь добраться до миски на вершине. Аккуратно перебирался с предмета на предмет, проверяя, выдержат ли они мой вес. Не учел я только того, что серебро скользит. И грохочет.

Едва я подобрался к той недостижимой посудине, моя задняя лапа слетела на тарелку ниже, и все вдруг пришло в движение. Я хватался когтями за тарелки и блюда, но это не помогало; с невероятным шумом гора серебра, по которой я карабкался, обрушилась на пол – а я упал сверху.

Миска, к которой я стремился, приземлилась мне на голову.

Пустая.

– Что такое?!

Двое дворцовых служащих прибежали посмотреть, откуда грохот, и я решил, что лучше мне, наверное, сматываться. Промчался у них под ногами и направился туда, откуда пришел.

Может, другие собаки знают, как сбежать из дворца? Кажется, они не меньше меня хотят, чтобы я убрался.

Конечно, я и понятия не имел, где они, поэтому у меня не оставалось иного выбора, кроме как вернуться в Комнату корги и ждать.

Поднимаясь обратно по лестнице, я чувствовал, как сильно у меня отяжелели лапы. Я видел крошечную часть дворца, но уже знаю, что в этом здании есть гораздо больше интересного, чем можно посмотреть за один день.

Хорошо хоть в Комнату корги дверь была открыта, я скользнул внутрь и не нашел там никого. Залез в корзину, свернулся и стал ждать, когда кто-нибудь из собак вернется и поможет мне найти путь на свободу.

Но, пока я лежал, другая, ужасная мысль пришла мне в голову.

Уиллоу сказала, что, когда Она вернется – кем бы она ни была, но, вероятно, королевой, – меня вышвырнут на улицу в тот же миг, как поймут, что я – не настоящий Монти. Что хорошо, ведь тогда я вернусь домой.

Только… я не ориентируюсь в Лондоне и точно не найду Уокеров сам. Я знаю, что мы приехали на поезде, но как понять на котором? И даже если пойму, уверен, меня не пустят в него одного.

Мой великолепный план побега не сработает, даже если я найду открытую дверь.

Нет, я должен постараться извлечь как можно больше пользы из своего пребывания во дворце, пока Эми не найдет меня – если она вообще ищет. А если нет… что ж, я – пес-очаровашка. Может, заведу здесь друзей и мне разрешат остаться.

Значит, надо переманить на свою сторону Уиллоу и двух дорги.

Только вряд ли это возможно.

Я не успел додумать мысль, потому что в дверях появилась тень. Уиллоу.

– А где же твои приспешники? – спросил я, поднимаясь на лапы.

Уиллоу покачала головой.

– Они – не приспешники. Они – семья.

– А я нет. Я понимаю.

– Ты не… не похож на нас, – сказала Уиллоу куда деликатнее, чем раньше. – Но, видимо, ты останешься тут надолго.

– Только сейчас догадалась? – спросил я, настраивая свою внутреннюю Соки на саркастичный тон.

– Я слышала, что говорил лакей, – объяснила Уиллоу. – Тот, который придержал для нас дверь у лестницы. Он сказал, что новая собака не очень хорошо вписывается и, возможно, Ей все же стоило забрать тебя с собой.

– И что?

– И то. Я думала, люди, как мы, увидят твою невоспитанность и поймут, что ты – не Монти. Я была о них слишком высокого мнения.

– Сара не заметила, – вставил я. – С чего ты взяла, что лакей заметит?

Вероятно, вчерашний ворчун – тоже лакей. По дворцу шастают несколько таких же. Интересно, чем они занимаются.

– Просто она похожа на тебя, не так ли? – сказала Уиллоу.

– В смысле новенькая?

– В смысле… посторонняя. Не рождена для этого. Не знает, как тут все работает, пока что.

Уиллоу запрыгнула в свою корзину и немного покрутилась на месте, прежде чем сесть.

– Она или научится, или уйдет.

Как и я, дошло до меня. Если я хочу остаться здесь до тех пор, пока за мной не придут Уокеры, нужно перестать выделяться, чтобы никто не понял, что я – не Монти. А для этого – разузнать побольше об этом месте.

И я как раз знал, кто может меня просветить.

– Расскажи мне о Монти, – попросил я и спрыгнул на пол, чтобы подойти к месту Уиллоу.

Я уселся на ковер рядом с ее плетеной корзиной, немного возвышающейся над полом.

– И об этой комнате. Как вы смогли получить собственную? И почему корзины – не на полу?

По-моему, вопросы я задал совершенно справедливые, у меня их осталась еще целая куча. Но Уиллоу бросила на меня такой взгляд, словно я был самым глупым псом на свете. Каковым она меня, наверное, и считала.

– Монти попал в нашу стаю недавно, – сказала Уиллоу. – Мы не успели толком с ним познакомиться, но, учитывая его происхождение и прежних хозяев, уверена, он отлично впишется. Во всяком случае, будет понимать иерархию.

– Иерархию?

Может, я действительно так невежествен, как считает Уиллоу. Я даже не понимал, что это слово *означает*.

– Ну разумеется. Собака, которая жила тут дольше всего – в данном случае это я, – лидер. Королева, если угодно. Важность остальных оценивается в порядке появления.

– Значит, Вулкан, Кэнди, а затем – я, – догадался я. – Это объясняет очередность на завтраке и прочее. Вчера вечером я даже не заметил.

– Ты ведь опоздал, – подметила Уиллоу. – Это тоже минус в твоей характеристике. Пунктуальность – достоинство, особенно, когда дело касается ужина.

На этом мы оба сходились во мнении.

– Значит, Монти тоже был бы последним в стае? Мне казалось, это было бы логично. Соки провела с Уокерами на год дольше, чем я, и тоже всегда ясно давала понять, что считает себя лидером. Впрочем, Соки, наверное, считала бы так, даже если б я жил с ними на три года больше нее. Это ведь Соки.

Разве не странно, что я соскучился по вредной старой кошке?

– Разумеется. Вдобавок Монти на самом деле не *королевский питомец*, знаешь ли.

Уиллоу немного свесилась из своей корзины и говорила с таким видом, словно сообщала секретную информацию (например, о месте хранения лакомств).

– Несколько лет назад Она решила, что больше не возьмет новых питомцев: нашей компании Ей, очевидно, хватало – зачем тогда нужны другие собаки?

– Но Она взяла Монти.

– Да, – поморщилась Уиллоу. – Только из-за своего добросердечия. Прежний хозяин Монти был Ее другом – конечно

же, графом, – и, когда он умер, Она предложила забрать Монти. Нам Она, конечно, первым все объяснила.

– Судя по всему, Она – добрая, – сказал я.

До сих пор я не особо задумывался о королеве, но, учитывая, какой роскошью она окружила собак, думаю, так и есть.

– Она – добрейшая из людей и хозяйка, о которой мечтает каждая собака, – решительно сказала Уиллоу, словно ожидая, что я могу усомниться.

Я не стал.

– Ее мать установила такой порядок, знаешь ли.

– Ее мать?

– Королева-мать, – уточнила Уиллоу, хотя это ничего для меня не прояснило. – Полагаю, Она разглядела превосходные качества нашей породы и обеспечила королевских псов жизнью, соответствующей их статусу.

– Это когда корзины поднимают над полом?

– Это чтобы нас не продуло.

– И вам, наверное, дают разные угощения и вкусности, да? – с надеждой спросил я. Может, из моего приключения и выйдет что-нибудь толковое. – Объедки с королевского стола, собачий шоколад и все такое?

Уиллоу выглядела оскорбленной.

– Вовсе нет! Мы придерживаемся строжайшей диеты, разработанной специально для нас, для нашего хорошего самочувствия. Она бы и помыслить не могла обойтись с нами хуже.

Я поник. «Строжайшая диета» звучит не очень-то весело, если честно.

– Но это, конечно, не то, к чему *ты* привык, – сказала Уиллоу. – Полагаю, тебе приходится охотиться, чтобы добыть себе пропитание? Рыться в мусорных баках или как?

Теперь уже оскорбился я.

– Нет, конечно!

Хотя, вообще-то…

– Ну если только я захочу.

– Значит, у тебя *есть* хозяин.

– Да, конечно. Я же говорил утром – Уокеры. Уиллоу посмотрела на меня пустыми глазами.

– Моя семья. Джим и Эми, Джек и Клэр.

Корги недоуменно наклонила голову набок.

– Я решила, что они были как наши сопровождающие[1]. Которые выгуливают нас, когда Она занята.

– Они в сто раз больше чем сопровождающие, – сказал я. – Уокеры для меня – как Она для тебя.

– Я бы не стала заходить так далеко, – возразила Уиллоу.

– А я стал бы.

– Хм-м-м.

Она несколько секунд пристально рассматривала меня.

– Тогда, полагаю, ты хочешь к ним вернуться.

– Очень сильно.

Я провел беспокойную ночь, представляя, как там они без меня. Не успела ли Соки украсть мою любимую игрушку-пищалку?

– Последний раз я видел их прямо у дворца, пока мы не… разделились. Я сегодня весь день искал открытую дверь… только вот понял, что не знаю, куда идти, если найду ее. Поэтому теперь я надеюсь, что Эми будет искать меня, в конце концов поймет, что я здесь, придет и заберет.

– То есть ты должен оставаться здесь до тех пор, пока это не случится, – подвела итог Уиллоу.

– Именно.

Она вздохнула, как вздыхают все собаки.

– Что ж, в таком случае, полагаю, мне стоит разъяснить тебе здешние порядки. Посмотрим, получится ли научить тебя не *настолько* выделяться.

– Серьезно, так сильно видно, что я не отсюда? – спросил я.

Все-таки, если разобраться, одна собака не лучше другой.

Но Уиллоу рассмеялась.

– Конечно! Лишь по-настоящему особенные псы получают возможность жить жизнью королевских питомцев, знаешь ли.

И тут я понял, что в глазах Уиллоу не представляю ничего особенного.

Это показывает, как мало она меня знает, правда?

Когда наступило время ужина, я был готов. А еще голоден.

Уиллоу терпеливо (и покровительственно) разъяснила мне распорядок дня во дворце, попутно рассказав немного об истории места. Она пообещала, что завтра возьмет меня с собой, чтобы «как следует выдрессировать» – это выражение мне сразу не понравилось. Уокеры ведь уже дрессировали меня. Больно надо, чтобы какая-то светская корги указывала мне, что делать.

Затем Уиллоу добавила:

– Если хочешь быть королевским питомцем, тебе надо научиться жить совершенно по-другому, понимаешь?

Она со вздохом оглядела меня.

– Мне никогда не приходилось работать с таким сырым материалом, но, полагаю, можно испытать свои силы. Хороший учитель должен уметь обучать даже диких собак, а ты хотя бы корги.

Нас роднило только одно. Порода. Но даже ее для Уиллоу было недостаточно. Я быстро понял, что она – сноб. И ее снобизм передался остальным собакам.

– Как ты любезна, – пробормотал я.

Ну ладно. Ходить хвостиком за другими питомцами, может, хотя бы интереснее, чем когда тебя избегают и игнорируют.

– А почему бы тебе сейчас не рассказать мне об ужине?

Об очередности во время еды я знал и раньше, но теперь больше понимал о ее причинах.

– Обычно мы едим в Ее гостиной, и Она Сама нас кормит, – объяснила Уиллоу. – Но сейчас Ее нет, а значит, приходится получать еду от этой невозможной Сары.

– А Ее часто нет? – спросил я.

– Да, – ответила Уиллоу. – Но обычно Она берет нас с собой.

Я догадался, что это было больным вопросом. Собаки не привыкли, чтобы их оставляли, и сама идея того, что Новый Пес, Монти, отправился путешествовать с их любимой королевой, а они нет, очевидно пришлась им не по нраву.

Это может стать способом влиться, решил я. Способом подружиться с этими собаками. Они тоже остались одни – хотя и не по такой необыкновенной причине. Но все равно, нас роднили общие чувства.

Вот бы их оказалось достаточно.

К ужину снова пришла улыбающаяся Сара – только вот глаза у нее немного покраснели.

– Как ты осваиваешься, Генри? – спросила она и, наклонившись, погладила меня по голове.

Я ткнулся носом ей в ладонь, счастливый, что она прикоснулась ко мне. Королевские питомцы не подпускали меня близко, не давали тронуть их, а лакеи и остальные дворцовые вообще не желали приближаться ко мне во время моей прогулки по дворцу. Словно боялись, что я их укушу или еще чего-нибудь!

Но у Сары таких опасений не было. Она не поленилась хорошенько почесать мне за ушами, а когда я лег на спину, почесала и живот.

Это был самый счастливый момент за все время, которое я провел во дворце. Пускай остальные собаки смотрели на меня с неодобрением, я не переживал, что, возможно, нарушил *еще одно* правило.

Скоро в дверь постучали, и Сара сказала:

– Пора идти!

Она повела нас по коридору, недалеко от двери, за которой, по словам Уиллоу, находилась гостиная королевы. Сара и одетый в форму мужчина постелили на ковер пленку и выстроили в ряд

четыре серебряные миски – три с именами, одну без.

– Вот так ровно, Джон? – спросила Сара. – Извини, ты ведь Джон?

– Да.

Тот выровнял пленку так, что она легла идеально, параллельно стенам. Имени Сары, как я понял, он не спросил. Кэнди с Вулканом, наверное, не одобрили это.

Но я перестал волноваться по поводу этикета. Я уже чувствовал чудесный запах. Кролик, говорила Сара. Но эта еда пахла насыщеннее и вкуснее, чем любой корм, который я когда-либо нюхал.

Лакей – Джон – наполнил миски самой сочной пищей, которую я когда-либо видел. От одного вида у меня потекли слюнки. Но я уже по опыту знал, что нельзя просто нырнуть в миску и начать есть, как бы я этого ни хотел.

А что, если другие собаки съедят мою долю? Или будут так долго есть свои порции, что на меня не останется времени? От них можно ожидать чего угодно. Соки точно попыталась бы провернуть такое, а эти собаки дико напоминали мне кошку Эми. (И нет, это не комплимент.)

Эти мысли пронеслись у меня в голове, и, как ни пытался я устоять, я все-таки рванулся вперед, отчаянно стремясь к изысканной еде перед собой.

– Нельзя! – строго сказал Джон. – По порядку, пожалуйста.

Отчитанный, я поджал хвост и вернулся на место, слюна практически капала у меня с клыков. Собаки забормотали нелестные вещи у меня за спиной.

– По-моему, жестоко заставлять их ждать, – сказала Сара, когда Уиллоу с достоинством шагнула вперед, чтобы начать свое пиршество. – Они выглядят такими голодными.

Джон надменно посмотрел на нее.

– Эти собаки – самые избалованные и изнеженные в стране. Посмотри на них, да они питаются лучше меня!

– Но ты же тоже ешь во дворце, да? – невинно спросила Сара. – По-моему, кормят здесь просто потрясающе.

– Не в том дело. А в том, что… они собаки, не принцы с принцессами. А у них специально приподнятые корзины, специально разработанное меню, вся еда готовится шеф-поваром из лучших ингредиентов. Они разгуливают по дворцу, и останавливать их запрещается, даже когда они оставляют «подарочки» на коврах, которые *кое-кому* приходится убирать. А расчесывает их сама королева! Поверь. Этих собак не нужно жалеть.

– Наверное, да, – сказала Сара все еще немного неуверенно.

Вылизав миску дочиста, Уиллоу отступила, и Джон объявил очередь Вулкана. Я нетерпеливо переминался с лапы на лапу.

– Ты привыкнешь к этому, – вдруг сказал Джон Саре. – К здешней жизни, я имею в виду.

– Или уйду, – сказала она. – Я уже слышала. Тот пожал плечами.

– Наша работа, дворцовая, не похожа на другие. Кто-то рожден для этого. А кто-то… нет.

Он покосился на нее.

– Только вот у тебя же тут семейные связи, не так ли?

– Ты о моем крестном, – со вздохом сказала Сара.

– Дворецком в Виндзорском замке, насколько я слышал, – Джон поднял бровь. – Думаю, когда все схвачено, попасть сюда легче.

– Я подала заявку на должность, как и все, – оскорбилась Сара. – И много работала, чтобы получить ее, благодарю покорно.

Джон поднял руки, изображая, что сдается.

– Окей, окей. Тогда извини.

Сара снова вздохнула.

– Нет, ты извини. Я просто… некоторые девушки, они говорили то же самое. Словно я не могу стать одной из них, из-за того, кем работает мой крестный.

– Я бы не переживал из-за них, – пренебрежительно сказал Джон. – Они успокоятся.

– Возможно, – с сомнением сказала Сара.

Наконец, после Вулкана и Кэнди, наступила моя очередь есть. Я еле дождался, когда Джон подаст мне сигнал, и нырнул головой в миску. Что мне хорошие манеры или этикет? Я с голоду умираю!

Хотя этот ужин стоил ожидания. Сочные, вкусные кусочки, покрытые подливкой, не сравнимой ни с чем, что я когда-либо ел. Смакуя последний, я вспомнил слова Уиллоу о том, что королева держит рецепт от всех в тайне.

Неудивительно, что все в таком восторге от Нее. Теперь-то понятно.

Я отошел от пустой миски, уже зная, что добавки не будет. Джон, может, и считает нас избалованными, но я бы сейчас многое отдал за собачий шоколад.

Они с Сарой сложили пленку и забрали миски, чтобы вымыть, а собаки направились в нашу комнату отсыпаться после еды. Я неуверенно затрусил за ними.

– Увидимся завтра, малыши! – крикнула нам Сара.

Подняв голову, я увидел, как Джон закатывает глаза, но Сара, кажется, ничего не заметила.

Этой ночью я лежал в своей удобной, надежно защищенной от сквозняков корзине и слушал, как другие собаки храпят и сопят. У меня возникла идея.

Уиллоу, может, и потратила время на то, чтобы объяснить мне, как обстоят дела во дворце, но я не питал никаких иллюзий насчет того, что она хочет, чтобы я тут оставался. На Кэнди с Вулканом надежд еще меньше. Однако они – не единственный вариант.

Если дворцовые собаки не захотели дружить со мной, то надо просто завести друзей среди людей. Начиная с Сары.

Вдруг она поможет мне вернуться домой, к семье?

– Нет, я понимаю. Спасибо, что уделили мне время.

Завершив звонок, Эми потерла лоб, уверенная, что офицер на другом конце принял ее за полную идиотку. *Конечно*, она понимала, что Лондон – большой город и найти маленькую собаку – практически невыполнимое задание. Просто эти факты не лишали ее надежды.

Одного она не могла объяснить офицеру, которому, наверное, было бы все равно, даже найди она нужные слова: того, что Генри – не просто какая-то собака в городе, полном собак. Он особенный. Важный.

Как ей заставить службы понять, насколько опустел дом без Генри? Что Клэр прошлой ночью снова плакала, пока не уснула, но пушистого друга, который мог ее утешить, не было рядом. Что Джек замолчал насовсем – и перестал убирать тарелки в посудомойку, потому что Генри больше не покушался на них. Что сегодня утром она проснулась в холодной и одинокой постели и никто не тыкался в шею носиком, ожидая завтрака.

Эми взглянула на крючок, на котором висел поводок Генри, неиспользуемый и ненужный.

Почему она раньше не осознавала, какая дыра останется в их жизни после Генри? А теперь стало слишком поздно.

Телефон в руках Эми снова просигналил, и она села на лестницу послушать голосовое сообщение, которое пришло во время разговора с одной из множества служб Большого Лондона – их она обзванивала весь день.

Вдруг, ну вдруг кто-то перезванивал сказать, что Генри наконец-то нашелся?

Она машинально нахмурилась, услышав голос Джима. Как ни старалась она сосредоточиться на будущем, прошлое постоянно напоминало о себе.

«Эми, привет. Э-э… слушай, насчет Рождества. Я помню, мы договорились, что я заберу детей на День подарков, но у одного друга Бонни отличный домик в Альпах, и они пригласили нас на Рождество к себе, покататься на лыжах. Я решил, что ты не будешь против – помню же, как ты любишь проводить его дома с детьми, значит, все складывается как лучше, да? В любом случае, я думаю заехать повидаться с ребятами во вторник вечером. Закинуть подарки и все такое. Ладно? Окей, до встречи».

Так просто, раз – и все ее планы разрушены, проигнорированы; Джим просто решил, что она согласится со всем. Будто они все еще женаты.

Ох. Только эта мысль пришла в голову, как Эми вдруг поняла – она *рада*, что они больше не в браке. Когда Джим ушел, она была убита горем и все думала, как теперь справляться без человека, которого считала своей половинкой.

Каким-то образом за прошедшие шесть недель она пришла к мысли, что одной гораздо лучше, чем с тем, кто не хочет быть рядом.

Теперь все дороги открыты – будущее больше не предопределено.

Кроме той части, где бывший муж заезжает во вторник.

Ткнув в экран, Эми со вздохом удалила сообщение. Будущее оставим на потом. Сейчас ей надо приготовить детей к новости, что они не увидят отца все Рождество. И что увидят во вторник.

Она не знала точно, какое известие они воспримут хуже.

Снова вздохнула, посмотрела на часы. Для вина пока рановато.

– Дети? – крикнула Эми в направлении второго этажа, ожидая грохота шагов по лестнице или отклика. – Спуститесь на секунду, оба.

Надо покончить с этим. Как содрать пластырь. Или восковую полоску с очень болезненной зоны бикини.

– Генри нашелся? – спросила Клэр, слетая вниз по лестнице. – Он возвращается домой?

Эми поморщилась.

– Прости, милая, но нет. Я только что звонила разным службам, и все еще ни следа.

У Клэр вытянулось лицо, широко раскрытые голубые глаза погрустнели. Эми обняла ее за плечи и прижала к себе. Когда дочь стояла на ступеньке, а мать на полу, девочка была почти одного роста с ней.

Уже скоро она вырастет и тоже уйдет, поняла Эми. Джек уедет в университет в сентябре – по крайней мере, если соберется и снова начнет заниматься. С уходом Джима сын стал выполнять домашние задания, мягко говоря, нерегулярно.

Еще одна причина для волнений.

Джек появился наверху лестницы, у него, как обычно, был хмурый вид.

– Что случилось?

– Ничего, – сказала Эми так радостно, как могла. – Просто… можешь спуститься вниз на секунду?

Джек закатил глаза, но послушался. Эми повела их на кухню, по-прежнему обнимая Клэр.

А не осталось ли где-нибудь кексов? Разговор всегда проходит лучше, если жуешь сладости.

Она залезла в буфет, а Джек и Клэр сели за стол. Эми оглянулась на них и улыбнулась. Сидят почти как в детстве. Джек делает домашнее задание за столом, а Клэр примостилась рядышком со своими раскрасками и наклейками и спрашивает, когда уже *она* тоже сможет делать домашние задания.

Конечно, это занятие быстро утратило прелесть новизны.

Но какие бывали дни: они втроем на кухне, дети заняты своими делами, а она готовит, все ждут Джима с работы, Генри гавкает у ног, выпрашивая лакомства…

Эми схватила коробку кексов и захлопнула дверцу буфета.

Времена изменились. Она не должна об этом забывать. Даже если по-прежнему надеется, что Генри скоро вернется домой и снова будет просить угощения.

– В общем, звонил ваш отец, – сказала Эми с деланым безразличием.

Она разложила кексы по двум блюдам, покрыла взбитыми сливками из холодильника и протянула Джеку и Клэр.

Забирая свою порцию, Джек не поднял глаз на Эми.

– И? – спросил он с полным ртом, рассыпав крошки повсюду.

– И… есть несколько изменений в планах на Рождество.

Клэр встревоженно подняла голову.

– Каких? Подарков не будет?

Конечно, это ее волновало больше всего. Эми вздохнула.

– Я уверена, подарки будут. На самом деле отец может вручить их даже раньше. Он заедет во вторник.

– Отлично!

Чему Клэр радовалась больше – встрече с Джимом или возможным подаркам, Эми не знала.

Джек явно не был в восторге ни от того, ни от другого.

– Я не хочу его видеть. Нам и так надо ехать туда в День подарков. Разве этого мало?

Что ж, хотя бы эта перемена его обрадует.

– Вообще-то, с Днем подарков тоже произошли кое-какие изменения. Ваш отец собирается кататься на лыжах на Рождество, и поэтому придется нам провести больше времени вместе, прежде чем вы отправитесь к нему.

И к Бонни, как предполагала она. Хотя это еще не обсуждалось.

А стоило бы. Эми знала это. Совсем скоро.

– Великолепно. Значит, во вторник я уйду и мне вообще не придется с ним пересекаться. Идеально.

Джек засунул половину последнего кекса в рот.

– Джек… – начала Эми, но Клэр перебила ее.

– То есть на Рождество мы вообще его не увидим?

– Ты увидишь его во вторник, – ободряюще сказала Эми. – Можем сегодня упаковать для него подарки, а завтра подарить. Включим какой-нибудь рождественский фильм, и вот уже праздничное настроение…

– Ты сказала ему о Генри? – спросил Джек.

Эми покачала головой.

– Я, в общем-то, не говорила с ним. Он оставил мне голосовое сообщение.

– Значит, ты и сама не хочешь с ним разговаривать, – проницательно заметил Джек. – Как ты вообще можешь ругать меня за то, что я не хочу его видеть, если сама не хочешь?

У нее не нашлось веских аргументов в ответ, никаких. Только тысяча чувств, разрывающих сердце, ни одно из которых она не могла выразить словами.

Поэтому она сказала другую правду.

– Я все еще надеюсь, что, когда мы увидимся с папой, Генри уже вернется домой.

– Я тоже, – сказала Клэр очень тихим голосом. Джек отвернулся, и Эми увидела, как его кадык резко дернулся, когда он глотнул воздух.

– Да. И я.

– Ох, Генри, – подумала Эми. – Где же ты этой ночью?

День третий
Понедельник, 16 декабря

Генри

Я проснулся утром после глубокого собачьего сна, в котором преследовал кролика по лужам подливки.

Остальные уже встали, я выскочил из корзины и подошел к Уиллоу.

– Ну? – спросил я, легонько боднув ее в бок, чтобы привлечь внимание.

Пусть они и не самые дружелюбные собаки на свете, я не готов просто взять и оставить попытки обрести союзников среди тех, кто хотя бы понимает меня.

– Какой план? Ты говорила, что разрешишь мне сегодня провести обычный день вместе с вами, дворцовыми собаками, да?

Вздохнув, Уиллоу медленно повернулась ко мне.

– Так и быть. Но поскольку Ее тут нет, этот день будет просто бледной тенью обычного.

– Я ведь никогда не проводил времени с Ее Величеством, поэтому вряд ли вообще увижу разницу.

Я так радовался, что меня берут с собой. За прошлые дни я успел немало поломать голову, чем же занимаются другие собаки – какие у них приключения. Может, они гоняются за кроликами в садах? Или дегустируют подливку? Были ли у королевских питомцев обязанности, о которых я не знаю, например встречать важных гостей? Или особые трапезы, которые я каким-то образом проворонил, вроде послеобеденного чая с Санта-Клаусом, на который Эми раньше водила маленькую Клэр?

Я хотел знать все.

– Сначала мы позавтракаем, – сказала Уиллоу, отворачиваясь. – Надеюсь, ты помнишь, как это происходит?

Я помнил, и, когда утром новая горничная пришла нас кормить, я терпеливо ждал своей очереди. Мне не хотелось давать Уиллоу повод для внушений.

– А теперь что? – спросил я, только горничная ушла.

Уиллоу, Кэнди и Вулкан обменялись раздраженными взглядами.

– Ты так весь день будешь? – спросил Вулкан.

– Как?

– Вульгарно взволнованным, – ответила Уиллоу. – И да, я подозреваю, что будет.

Кэнди закатила глаза.

– Понимаешь, здесь, во дворце, не принято чересчур волноваться по какому-либо поводу. Кроме того, ты должен притворяться, что привык к такой жизни, забыл?

– Ох. Ясно.

Думаю, Кэнди права – мне хотелось вписаться в их компанию и не дать никому из людей заметить, что я не отсюда, до тех пор, пока Эми не найдет меня.

– Значит, как? Мне просто бродить туда-сюда с высокомерным видом?

Вулкан рассмеялся. По-моему, совершенно без повода.

Уиллоу же решила продолжить мое обучение.

– Скоро мы отправимся на утреннюю прогулку, – сказала она. – Если ждать здесь, кто-нибудь зайдет за нами и уведет.

Ждать. Одно из моих самых нелюбимых занятий.

Зато прогулка звучит здорово, поэтому я сидел смирно, пока не пришел лакей с четырьмя поводками – и какой-то странной верхней одеждой.

– Сегодня на улице холодно, – сказал он, старательно облачая сначала Уиллоу, затем Вулкана в пухлые курточки.

Они походили на костюмчики, в которые Клэр могла одеть Соки или меня, чтобы снять на видео и выложить в интернет.

Я был против.

– Нам обязательно носить эти дурацкие штуки? – шепнул я Кэнди.

Та озадаченно захлопала глазами.

– В них тепло, а за окном зима.

– Я уж лучше побегаю, чтоб согреться, – сказал я.

Но, видно, судьба моя была предопределена. Очень скоро я снова очутился в дворцовом парке, на этот раз в нелепой курточке.

– Давайте быстро, – ежась, сказал лакей, ведя нас по дорожке.

Я надеялся, что это новый шанс изучить местность – побегать на свободе, насладиться всякими интересными запахами. Однако другие собаки степенно держались дорожки, наступая на траву, только чтобы сделать свои дела. Мы вмиг вернулись к дверям дворца.

– Это все? – спросил я.

Уиллоу посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– Холодно. Конечно же, нам не хочется оставаться снаружи слишком долго.

Я с тоской поглядел через окно на сады. Сколько голубей я не погонял. Сколько пленительных запахов не ощутил. Все простаивает без дела.

Может, следующий пункт дня корги будет поинтереснее.

– Ну, теперь что?

Я пошел по лестнице следом за Кэнди.

Она казалась самой спокойной из собачьей троицы. Уиллоу

требовала, чтобы я непременно делал все так, как лучше по *ее* мнению, а Вулкану не терпелось избавиться от меня как можно быстрее. Зато Кэнди, хотя и шла у других на поводу, казалась чуть-чуть дружелюбнее.

А именно дружелюбия мне сейчас и не хватало.

– Теперь? – удивилась Кэнди. – Обычно мы проводим время с Ней, пока Она занимается своими делами: сидим рядышком, когда Она что-то изучает, или ходим с Ней на встречи и прочее. Днем пьем с Ней чай, иногда Она даже дает нам печенье. Может расчесать нас или снова выгулять перед ужином. Примерно так.

Однако Кэнди упустила очень важную деталь.

– Но Ее здесь нет.

– Да, – несчастным голосом согласилась собака. – Ее нет.

Мне вспомнились Эми, Джек и Клэр, – я понимал чувства Кэнди, но не хотел, чтобы она грустила, и потому легонько боднул ее.

– А что вы делаете, когда Ее нет?

Шедшая рядом Уиллоу ответила:

– Ведем себя так, как Она от нас ожидает.

– Занимаясь чем? – спросил я, идя следом за ней к Комнате корги.

Ответ, видимо, был – *практически ничем*.

Без королевы во дворце собаки совершенно не знали, что делать.

– Может, покажешь мне дворец как следует? – предложил я.

Уиллоу покачала головой.

– Через какое-то время все залы выглядят одинаково.

– Ну мы можем поискать кухню. Вдруг получится узнать рецепт той великолепной подливки, которую нам давали на ужин?

Такой сувенирчик точно стоит привезти домой из дворца.

– Зачем нам это? – Вулкан направил на меня свой длинный нос. – Они и так готовят для нас, кормят. Какой смысл вообще знать из чего?

– Ладно.

Вздохнув, я опустил голову на лапы и стал наблюдать, как остальные сворачиваются у себя в корзинах, видимо, чтобы снова вздремнуть.

Я надеялся, что сегодняшний день выйдет интереснее.

Значит, если я хочу развлечения, придется найти его самостоятельно.

– Куда ты направляешься? – сонно спросила Уиллоу, когда я прошел мимо ее корзины.

– Тот лакей сказал вчера вечером, что нам можно гулять по

всему дворцу, где захотим, да?

– Именно так, – кивнула Уиллоу.

– Ну тогда, – сказал я, поднимая голову, чтобы принюхаться к запахам в коридоре, – я иду, куда захочу. Я собираюсь изучить каждый дюйм дворца, открыть все его секреты и найти приключения!

Вулкан некрасиво фыркнул в ответ. Я проигнорировал его.

– Кто со мной? – спросил я, обращаясь к Кэнди отдельно.

Если есть собака, которая скорее остальных решится искать со мной приключения, то это – Кэнди, королевская дорги.

Но Кэнди посмотрела на Вулкана и Уиллоу, закативших глаза, а затем снова на меня. С виноватым видом похлопала ресницами и устроилась поудобнее в корзине.

– Ладно.

Я могу найти приключения и сам.

– Не ждите меня.

С этими словами я, бесстрашный исследователь, шагнул в коридор. Я не вернусь до тех пор, пока не осмотрю каждую комнату дворца. (Или пока снова не наступит время поесть. Смотря что случится раньше.)

Конечно, ставя перед собой эту цель, я не совсем понимал, сколько всего еще не видел во дворце. Места, где я уже побывал, видимо, были только началом – входом в кроличью нору, так сказать. (Кроличьи норы всегда кажутся интересными, пока не поймешь, что они уходят гораздо глубже, чем ты думал, и самих кроликов не достать. Конечно, к этому моменту мордочка у тебя застрянет накрепко, а Соки будет сидеть рядом на траве и хохотать до упаду.)

Я проходил коридор за коридором, одну за другой громадные комнаты, стены которых были увешаны огромными картинами в золотых рамах. И всюду были рождественские украшения, сверкавшие, как снежинки на солнце.

Людей я встречал немного – в основном лакеев в форме как у Джона вчера и у ворчуна накануне. Попытался подружиться с несколькими – тихонечко подходил к ним, но обычно они отпрыгивали и чертыхались, когда я пытался приблизиться. Зато выучил несколько новых слов. (Об их значении было просто догадаться!)

Смешно, но каждый обругавший меня лакей оглядывался, словно проверял, не услышал ли кто.

В длиннющей комнате, где на покрытых красным бархатом стенах висел ряд огромных картин, я наткнулся на новых людей – маленький светловолосый мальчик катался на деревянном велосипедике по кремовому ковру с узорами, а его маленькая

сестренка неуклюже топала следом. Далеко, на другом конце комнаты, стояла, смеясь, их мать, темные волосы которой обрамляли красивое лицо.

С виду очень милая семья. Я задумался, не нужен ли этой троице питомец, на случай если Уокеры так и не вернутся за мной.

Но тут мальчик на велосипедике понесся ко мне, и я сбежал в другую комнату, чтобы меня не задавили.

Она оказалась самой роскошной из всех, что я видел раньше. Сверху донизу отделанная красным и кремовым, великолепная донельзя – все в ней впечатляло размерами. Огромные хрустальные люстры с белыми свечами висели под потолком по всей длине комнаты с обеих сторон, плюс еще одна, самая большая, в центре.

В дальнем конце располагалось возвышение с тремя покрытыми красным ковром ступеньками, на нем стояли два изящных стула с красными подушками, золотыми ножками и золотой вышивкой на красных же спинках. Позади висела бордовая бархатная штора.

Я оглянулся по сторонам. Кажется, меня никто не видит, а эти стулья выглядят особенно удобными.

Уиллоу ведь *сказала*, что во дворце нет мест, куда нам нельзя. Это же включает предметы мебели, да?

Я забрался по ступенькам, лапы уже начали гудеть от долгой ходьбы. Думаю, никто не станет возражать, если я немножко отдохну на одном из этих больших стульев…

Погружаясь в сон, я услышал, как кто-то удивленно фыркнул со стороны дверей. Открыл один глаз и заметил на другом конце комнаты рыжего мужчину.

– Бабушка в самом деле позволяет вам, собакам, править здесь, да?

Я согласно просопел в ответ и тут же заснул.

Внепланово вздремнув, я проснулся оттого, что в животе урчало. Спрыгнул со стула и отправился дальше – надеюсь, на этот раз нос вел меня к еде. Лакей Джон говорил, что пищу для собак готовят на кухне – включая легендарную подливку. В этом дворце столько необычных комнат – таких, как Комната с большими стульями или Комната с картинами, не говоря о Комнате корги, – но даже я знаю, как выглядит кухня.

И мне нужно просто найти ее.

К счастью, у корги исключительно чувствительный нюх. Даже во дворце таких размеров я могу двигаться по запаху. (Запах кролика со вчерашнего ужина – очень запоминающийся.)

Нюх привел меня на новую лестницу, не ту, по которой я уже

ходил, – эта превосходила ее в размерах раза в два, если не больше. Она была такой же величественной, как и Комната с большими стульями.

С площадки, где я стоял в благоговении, видно было, что лестница раздваивается и две закругленные части ведут вниз. Украшенные золотом перила изгибались, а ковры, само собой, были красными. И тут висело еще больше громадных портретов. Я задумался, жили ли здесь когда-то люди с картин – и куда они подевались. Комнат во дворце точно хватило бы на всех.

Я размышлял над этим вопросом, пока взбирался по лестнице, все еще преследуя изумительный аромат кролика. Может, это люди, жившие тут в разные годы? Семья королевы, наверное. Как портреты, которые Эми повесила дома над лестницей.

С мыслями об Эми и *моей* семье я вошел в еще одну огромную комнату и остановился, созерцая.

По обе стороны лестницы и на ее вершине стояли три огромные ели – не меньше пятнадцати собак в высоту, – украшенные гирляндами и красными с золотом коронами.

Я подошел к ближайшему дереву и запрокинул голову, чтобы рассмотреть лучше.

Много лет подряд за несколько недель до Рождества Джим брал с собой Джека и Клэр и уходил куда-то, а Эми готовила кексы к их приходу. Они всегда возвращались с пушистой зеленой елкой и ставили ее в гостиной, я суетился у их ног, пока Джим разматывал гирлянды, а Клэр объедалась кексами.

Но даже самая большая из тех елок и в подметки не годилась здешним.

В этом году Эми принесла из супермаркета искусственную и пару упаковок кексов. Джек отказался наряжать елку, а Клэр заявила, что ей не нравятся магазинные сладости, поэтому елка так и лежала в коробке, когда они уехали в Лондон на следующий день.

Я поднял взгляд выше и заметил кое-что еще – большую гроздь белых ягод с зелеными листьями. Омела. Эми всегда вешала ее над входной дверью на Рождество, и Джим целовал ее под ней каждый раз, когда уходил и возвращался домой.

Давно ли они перестали так делать? В прошлом году? В позапрошлом? Я не помнил.

Интересно, как Уокеры справляются там без меня.

Надеюсь, лучше, чем я без них.

Нет. Я не буду ныть. Я буду исследовать. Искать приключения.

И, кроме того, запах елки заглушал запах из кухни, поэтому я

продолжил путь к еде.

Зачем горевать на пустой желудок?

Эми

Утром понедельника жизнь вошла в привычную колею – или настолько привычную, насколько это возможно сейчас, когда рядом ни Джима, ни Генри. Для Эми день начался со звона будильника – она проснулась, нащупала выключатель и только потом вспомнила, что Генри не здесь и его не нужно выгуливать.

Она откинулась обратно на постель, стараясь радоваться тому, что можно поспать лишних полчаса. Но без пушистого друга, делавшего утро светлее, все переменилось.

Началась последняя школьная неделя, а это означает, что придется пережить рождественские концерты, задания, дружеские споры из-за подарков, эти бесконечные поборы для школы – денег, продуктов и алкоголя. Выйдя из спальни через двадцать минут, Эми запнулась о Соки на пути в ванную и прикусила язык, чтобы не выругаться. Громко.

Хоть кто-то наслаждался отсутствием собаки. Когда Генри был дома, Соки старалась держаться подальше, чтобы не встретить песика. А сейчас кошка все время путалась под ногами.

– По-моему, она скучает по Генри, – сказала Клэр, наклоняясь, чтобы погладить Соки – вместо того чтобы надеть плащ и быть готовой отправиться в школу.

– По-моему, она злорадствует, – ответил Джек. – Рада, наверное, что осталась единственным домашним животным.

– По-моему, на улице холодно, а она любит сидеть дома у батареи, – сказала Эми. – А нам пора выходить, поэтому поторапливайтесь оба!

В конце концов они собрались, и Эми пришлось через пробки развозить их по разным школам: Клэр – в местную среднюю и Джека – в колледж для старшеклассников неподалеку.

Благополучно доставив детей в школу и колледж, где, она надеялась, Джек хоть в этот раз отсидит все занятия, Эми помчалась в свою клинику, чтобы попытаться пережить еще один день.

Проблема была в том, что сосредоточиться на пациентах, которым она пыталась помочь, по мере приближения первого перерыва становилось все труднее.

Нужно позвонить Джиму. Нужно сказать ему о Генри. И обязательно сделать это, прежде чем он приедет домой и поймет, что Генри нет.

Конечно, она хотела поговорить с Джимом и о других вещах, но это могло подождать, пока они не разберутся с насущной проблемой.

– Эми? Есть секунда? – доктор Фитцджеральд заглянул в ее кабинет во время короткого перерыва между пациентами.

«Вечно он какой-то растрепанный, – подумала Эми мимоходом, – как безумный профессор». Но она присутствовала на нескольких его приемах и знала, что в том, что касается вопросов медицины, он предельно собран. Кроме того, пациенты любили его и доверяли ему. А это многое значит.

– Конечно.

Эми откатилась на стуле от стола и повернулась к Фитцджеральду.

– Что такое, доктор?

– Пожалуйста, зовите меня Люк.

Он неуверенно протянул ей бумаги.

– На меня почему-то повесили бронирование стола для хирургии на рождественский ужин.

Эми усмехнулась.

– Привилегия новичков.

– И я, конечно, весьма польщен, – иронично сказал Люк. – Но вы же идете, да?

Эми поморщилась.

– Не уверена…

– Ох, да ладно. Пожалуйста! Ради меня! Если ужин провалится, мне, наверное, придется уволиться и перейти в другую хирургию, просто чтобы пережить такой позор. А мне тут нравится. Квартира в пяти минутах от работы, да и Дейзи любит гулять в парке через дорогу.

– Дейзи – ваш далматинец? – спросила Эми. – Я несколько раз видела, как вы выгуливали ее, когда выводила Генри во время обеденного перерыва. Она великолепна.

– Спасибо. А Генри… он ведь корги, да?

– Да. – Улыбка Эми померкла. – Только… он потерялся. Мы взяли его в Лондон в субботу, и он сбежал.

Люк ужаснулся.

– Ох, Эми! Очень сочувствую. Я могу как-нибудь помочь? Расклеить объявления, звонить, чем угодно?

– Как вы добры ко мне. – Эми почувствовала, что на глазах выступили слезы.

Кажется, уже давно с ней никто так не разговаривал.

– Я просто знаю, насколько больно терять своего питомца, – сказал он. – При разводе… жена забрала собаку себе. Тогда я и завел Дейзи. Но как бы сильно я ее ни любил, она не заменит прежнюю собаку. В общем, серьезно: я сделаю что угодно, только попросите.

– Спасибо.

– И я внесу вас в список на рождественский ужин, – сказал Люк, пятясь из комнаты, чтобы пропустить мать с ребенком. – Будете знать, что впереди ждет что-то хорошее, это полезно!

Не поспоришь.

Через десять минут Эми помахала на прощанье рыженькому малышу, который только что пострадал от ее уколов. (И его заплаканной маме, удерживавшей его и наблюдавшей за процессом.) Только они ушли, Эми сверила расписание на стойке регистрации, чтобы убедиться, что у нее есть время на перерыв – и позвонить Джиму. Она не хотела сознаваться себе в том, что надеется на какую-нибудь экстренную ситуацию или случайного пациента, которые дали бы ей повод не звонить. Но их не было.

Со вздохом она отправилась обратно за стол и уставилась на мобильный.

Нужно сказать ему. Ведь в самом деле, какое право он имеет злиться? Она, может, и потеряла собаку, но он первый ушел от них.

Ей вообще не пришлось бы везти всех в Лондон, если бы Джим не сбежал с Бонни.

А значит, это целиком и полностью его вина. Как и все, что сейчас идет не так в их жизни.

С такими мыслями стало гораздо легче нажать на нужные кнопки и позвонить.

– Эми? – голос у Джима был такой же, как всегда, когда она звонила ему на работу: нетерпеливый и немного раздраженный. – Это важно? Может…

– Да, – быстро сказала она.

Если они не поговорят сейчас, дальше будет только хуже.

– Важно.

Джим тяжело вздохнул.

– Ты насчет денег? Или детей? Или…

– Насчет Генри. Он пропал.

На этих словах ее сердце снова замерло.

– Эми, а ты не можешь с этим разобраться? У меня совершенно нет времени на…

– А у меня есть? Я и так уже занимаюсь всем, что ты оставил тут, не забывай.

На секунду Джим замолчал. А затем сказал:

– В парке по соседству смотрела? Ты же знаешь, он любит охотиться там на белок.

– Мы потеряли его в Лондоне. В субботу.

– В Лондоне? Какого черта ты решила взять его в Лондон?

«Потому, что я пыталась сделать Рождество снова особенным. Потому что я теперь занимаюсь всем в одиночку, и это твоя вина.

Потому что Генри тоже заслужил поездку – потому что он теперь больше член семьи, чем ты».

Эми глубоко вздохнула и не дала этим мыслям воли.

– Разве сейчас это важно? Важно вернуть его назад.

– Да. Да, конечно. Окей, – медленно произнес Джим. – Так, а что ты уже сделала?

С радостью сменив формат разговора на деловой, Эми рассказала ему о шагах, которые предприняла, чтобы найти Генри, – и как ничего не сработало.

– То есть ты уже испробовала все очевидные способы, – заметил Джек. – А значит, нам надо придумать что-то новое. Нестандартное.

– Именно, – сказала Эми спокойным голосом, сдержавшись по поводу его намека на то, что она сделала недостаточно. – Есть идеи?

– Пока нет, – вздохнул Джим на другом конце. – А как дети это восприняли?

– Не очень, – признала Эми. – Ты же знаешь, они очень любят эту собаку.

– Ага.

Ширин со стойки регистрации просунула голову в дверь кабинета, которую Эми не закрывала.

– Прости, – прошептала она, скорчив виноватую рожицу и указав на телефон. – Но Лейси только что отзвонилась – желудочный грипп, ее не будет пару дней. Как думаешь, сможешь остаться и поработать после смены завтра вечером?

Три месяца назад Эми ответила бы: «Давай я позвоню мужу, уверена, все получится». Но сейчас работать допоздна стало почти нереально – и Ширин знала это, потому, наверное, и выглядела такой виноватой за то, что пришлось спрашивать. В хирургии сейчас постоянно не хватало персонала, и именно Ширин пыталась держать все под контролем.

Совсем как Эми дома.

– Знаешь что, – сказал Джим, не подозревавший о новой дилемме Эми. – Я тут хожу на курсы, и завтра мы заканчиваем пораньше. Могу приехать раньше, чем планировал, и буду дома, когда Клэр вернется из школы, ну и когда Джек приедет. Может, у них есть какие-нибудь идеи, и мы вместе их обмозгуем.

– Ты уверен? – спросила Эми. – Только вот мне надо завтра работать допоздна. Если сможешь остаться с Клэр, хотя бы пока Джек не вернется…

– Без проблем, – твердо сказал Джим. И добавил тише: – На самом деле будет очень здорово провести побольше времени с Джеком и Клэр.

Эми немного грустно улыбнулась и кивнула Ширин, а та с благодарностью подняла большие пальцы обеих рук.

– Отлично, – сказала Эми. – Значит, думаю, увидимся завтра.

– Ага. До встречи.

– Пока.

Не успела Эми повесить трубку, как поняла, что забыла предупредить Джима, что его сын, возможно, не особо обрадуется встрече.

Ну ладно. Он и сам скоро поймет.

Генри

Оказалось, что дворцовый повар, хотя и готовит вкуснейшую еду для собак каждый день, не особенно любит корги. Или, по крайней мере, меня.

Я всего-то заглянул за дверь и принюхался ко всем этим восхитительным запахам. Да, я и правда стал водить носом по полу в поисках кусочков еды. И, быть может, слишком уж старался залезть на какой-то стол, чтобы попробовать лакомство, которое *так* хорошо пахло в сковородке. И, возможно, мои коротенькие лапы не совсем справились с этой задачей, и я столкнул несколько предметов на пол, пока пытался забраться.

Хотя выражения, которые использовал повар, во дворце, по-моему, неуместны. И я уверен, он не использовал бы их, будь Она рядом.

Меня уже прогнали с кухни, а грохот от падавших на пол сковородок все еще стоял в ушах. Стало ясно, повар – определенно *не* тот, к кому стоит обращаться за недозволенными лакомствами.

Я помчался по коридорам и комнатам так быстро, как позволяли мои лапы – настолько, что вообще перестал обращать внимание на направление. И мигом потерялся.

Убедившись, что нахожусь достаточно далеко от кухни и ни одной сковородке, запущенной поваром, меня не достать, я замедлил шаг и, отдуваясь, огляделся вокруг. Я точно знал, что снова поднялся на свой этаж: помню, как забирался по широким ступеням, но саму лестничную площадку не узнавал. Наверное, это еще не знакомая мне часть дворца.

Пройдя через громадные двери, я оказался в еще одной длинной, с высокими потолками комнате, увешанной портретами. Она так походила на остальные, что я не сразу заметил разницу: в отличие от человеческих портретов, порядком замыливших глаз, здесь висели изображения собак!

Я остановился перед ближайшим, засмотревшись на величественного кинг-джордж-спаниеля – нос задран, блестящая здоровая шерсть и характерные уши свисают по обе стороны головы. На соседней картине была изображена свора гончих в погоне за кроликом. На другой – корги, ухоженный, не то что я. Я наклонил голову набок. Не Уиллоу, без сомнений, но какое-то сходство прослеживалось. Может, кто-то из ее предков?

Кажется, члены королевской семьи уже давно связаны с собаками. В таком случае они нравятся мне еще больше. (Окей, может, в первую очередь, из-за еды.)

Вдруг из другого конца комнаты донесся смех.

– Восхищаешься своими прадедами? – спросил кто-то.

Я быстро оглянулся, испугавшись, что повар послал за мной подопечного со сковородой, но увидел, что там, уперев руки в бока, стояла и улыбалась мне Сара Морган.

Улыбалась. Мне. Словно рада меня видеть. Даже счастлива, что я во дворце.

Я гавкнул от счастья, когда понял, что уже нашел друга, в котором так нуждался! Сара была добра ко мне с самого начала. И она тоже тут новенькая, поэтому понимает, каково это. И, главное, иногда она отвечает за нашу кормежку.

То что надо.

А сейчас мне нужно просто убедить ее помочь мне.

Я подошел к Саре, та наклонилась и погладила меня, но очень быстро.

– Прости, сейчас мне не до игр, – сказала она, помахав метелкой для пыли. – Слишком много дел. Не хочется, чтобы хоть одна из этих прелестных картин запылилась, правда?

Она подошла к первой картине и стала обметать раму. Я пошел следом.

– Может, когда я тут закончу, то смогу вывести тебя на дневную прогулку, – предположила Сара, пока тянулась вверх, чтобы прочистить резьбу на раме. – После этой пылищи свежий воздух не помешает!

Она направилась к следующей картине, а я – за ней и просидел у ее ног все время, пока она обметала картину. Посмотрев вниз, Сара опять рассмеялась.

– Что ж, полагаю, не страшно, если ты побудешь со мной во время работы. Насколько я поняла, вы, собаки, и так тут хозяйничаете. Может, это мне стоит просить *твоего* позволения входить сюда?

Оказалось, Сара любит поболтать. Мне это нравится: напоминает Эми. Та всегда разговаривала со мной, когда мы оставались дома одни и она занималась своими делами. Сара тоже вела со мной одностороннюю беседу, пока работала.

Иногда я думал: вот бы научиться говорить с людьми, отвечать им как следует. Но, с другой стороны, может, они и рассказывают мне больше именно потому, что ответа не будет. А я все же могу заставить их понять себя, когда речь идет о чем-то важном. Например, о еде.

– Ну как тебе дворец? – спросила Сара так, словно я действительно мог ответить. – Надеюсь, другие собаки относятся к тебе лучше, чем коллеги ко мне.

Я нахмурился. Это звучало не очень. Как кто-то вообще может

плохо относиться к Саре? Она же такая славная.

– Ох, я не должна так говорить, – Сара неловко взмахнула своей метелкой, словно хотела стереть свои слова. – Нет, они не *злые*, вообще-то. Ну в основном. И мне так повезло тут оказаться! Это работа, о которой я всегда мечтала, но не верила, что смогу получить. И я *столько* трудилась, чтобы попасть сюда. Я действительно должна радоваться, что справилась, и перестать ныть.

Звучало так, словно она пытается убедить скорее себя, чем меня. Поэтому, сидя у ее ног, я ждал, что же будет дальше.

Она глубоко вздохнула, погасила вымученную улыбку и опустилась в одно из кресел с мягкой обивкой, расставленных вдоль стен.

– Дело вот в чем, Генри: не этого я ожидала. Ох, я не про работу – я точно знала, что будет и что от меня потребуется. Я не боюсь тяжелого труда и начинать с нуля. Дело совсем в другом.

Я ткнулся ей в ноги, и она отложила метелку, чтобы погладить меня по голове.

– Просто я выросла на рассказах крестного о том, каково это – быть слугой во дворце. Он – дворецкий в Виндзорском замке, но раньше работал здесь. Его рассказы звучали так волшебно – не просто из-за места, а из-за… дворцовой семьи, думаю. Не королевской, конечно. А служащих. Все они, мол, нашли здесь свое место и стали гораздо больше чем просто коллегами. Их отношения глубже. Особеннее, – она снова вздохнула. – Этого я и хотела, когда переехала сюда. Ради этого и работала так много.

Я посмотрел на нее снизу вверх, подпустив во взгляд сочувствия. Может, даже поскулил немножко. Какой грустной она казалась! На больших голубых глазах выступили слезы, а от той милой улыбки, которая дала мне понять в первый раз, что мы обязательно подружимся, не осталось и следа.

Сару, как я понял, нужно было немного подбодрить. К счастью для нее, у меня в последнее время появилось много опыта в этом.

– Думаю, родители считают, что я сбежала, – продолжила Сара. – И, может, они правы. Но разве это так плохо? Я сбежала *навстречу* чему-то. И поняла, что мне везде будет лучше, чем там, где я жила.

Ее лицо вдруг приобрело ожесточенное выражение, она сжала челюсти.

– И я права. Может, тут все иначе, может, девушки и *смеются* надо мной из-за акцента, когда думают, что я не слышу, говорят, что я, мол, получила работу только из-за положения крестного. Но это все равно в миллион раз лучше, чем остаться с Дэвидом,

правда, Генри?

Я понятия не имел, кто такой Дэвид, но Сара вдруг заговорила так решительно, что я не заметил, как гавкнул в знак согласия.

Вскочив на ноги, Сара принялась вытирать пыль с удвоенной энергией. Она продвигалась по комнате, а я держался рядом.

– Я заслуживаю большего, чем быть с таким неверным, манипулирующим, злым, грубым… *идиотом*, как он.

Она подчеркивала каждое слово движением метелки, и в итоге картина, которую она обметала, закачалась на цепочке.

– Упс, – чуть слышно хихикнула Сара, заметив это.

Она отошла от картины и улыбнулась мне сверху вниз.

– Ты – хороший слушатель, Генри. И ты прав – или, скорее, я права. Мне гораздо лучше тут. Даже можно присматривать за такими прекрасными созданиями, как вы, – она почесала меня за ушком. – Теперь пойдем. Чем быстрее я очищу эту комнату от пыли, тем быстрее можно присоединиться к другим собакам на их дневной прогулке, да?

Взбодрившись, Сара быстро управилась с работой. Я все время ходил за ней хвостиком и гадал, может ли эта дневная прогулка включать в себя что-нибудь вкусное. В любом случае, будет здорово выйти наружу и снова исследовать местность – особенно если с Сарой.

Мне вдруг пришло на ум, что, если я подведу ее к кусту, через который пробрался в дворцовые сады, она поможет мне найти путь наружу – или хотя бы догадается, что случилось. Кто-то же должен рано или поздно заметить, что Монти – не я, а я – не Монти. Или что у меня на жетоне другая кличка. Но, кажется, никто, кроме Сары, не горел желанием знакомиться со мной так близко, чтобы смотреть на жетон.

Как по мне, лучше бы до правды додумалась Сара. Я уже не сомневался, что тогда она поможет мне вернуться в семью – а не просто выбросит на улицу. Сара знала, как это – чувствовать себя чужаком, и я не сомневался: она бы помогла.

Надо только сделать так, чтобы она поняла, в чем проблема.

Сара вывела меня в сад на поводке, как и лакей утром.

– Прости, Генри, – извинилась она, пристегнув шлейку к ошейнику. – Уверена, тебе можно доверять, ты не сбежишь. Но просто, раз ты новенький, рисковать нельзя. Хотя выход из этих садов не так-то просто найти! По-моему, они тянутся так далеко, словно им конца и края нет. Может, когда ты привыкнешь, я смогу ненадолго тебя отпускать.

«Отпускать» звучало хорошо. И, конечно, я уже знал, какие

длинные эти сады – именно их изучение и задержало меня так надолго, что я не вернулся вовремя к Уокерам.

Я был не против побыть с Сарой. Пока мы шли, она болтала, и мне было спокойно от звуков ее голоса, я знал, что кто-то мне рад.

Мы уже наполовину обошли сад, когда столкнулись с каким-то человеком. В случае Сары – буквально. Повернули за один из тех больших вечнозеленых кустов (не тот, через который я пролез, – я проверял), и вдруг – бац!

– О боже, извините! – взволнованно пробормотала она.

Тот, в кого она врезалась, придержал ее за локоть, не дав упасть, и улыбнулся.

– Ничего страшного.

– Вы уверены? – спросила Сара. – Я вас не ушибла? Ох! А Генри?

Она быстро нагнулась и оглядела меня.

– Ты в порядке, Генри? Ты ведь не ударился, правда? Ни за что себе не прощу…

Незнакомец подавил смешок.

– Если любите собак, вы попали куда надо, – сказал он. – От них в Букингемском дворце нигде не спрячешься.

– Но зачем бы мне прятаться?

Удостоверившись, что я в полном порядке, Сара выпрямилась.

– Они же такие прелестные создания. Дома, на ферме, у родителей спрингер-спаниели, поэтому к корги я еще не привыкла, но Генри – *такой* дружелюбный пес!

– Рад, что хоть один из них дружелюбен.

Он наклонился и почесал меня между ушами.

– Другие лакеи все время жалуются, как много собаки лают. И как они капризны, если на то пошло.

– Не Генри, – заступилась за меня Сара. – Он – душка.

Я гавкнул в знак согласия. Эми всегда говорила так обо мне.

– Генри, да? Ты у нас, должно быть, новичок. Странно, думал, его зовут как-то по-другому.

Он на секунду задумался, видимо пытаясь вспомнить, а затем покачал головой. Бедняжка Монти. Он так по-настоящему и не пожил во дворце, а все уже забыли его имя.

– В любом случае, рад познакомиться, Генри. Я – Оливер Кинчен-Уильямс, старший лакей здесь, во дворце.

– Ой, – вдруг сказала Сара. – Так *вы* – Оливер. Я и не поняла… Крестный советовал познакомиться с вами, как только начну тут работать. Но то одно, то другое… вот и не успела. Пока что. Я – Сара Морган.

Что-то в ее тоне выдало неправду – я хорошо различал ложь и недомолвки. Не думаю, что Сара обманывала Оливера или что-то в этом роде, но меня заинтересовали *истинные* причины, по которым она не пришла к нему раньше. Подозреваю, что они связаны с совсем не дружеским отношением коллег.

Если они относились к Саре так же, как Уиллоу и дорги ко мне, то девушка точно нуждается в моей поддержке. Уверен, я помогу ей завести друзей во дворце – не могут же все здесь быть вредными и ужасными, правда? И Эми всегда говорила, какой я дружелюбный пес. Ничего сложного!

– Рад, что мы с вами наконец познакомились, Сара, – сказал Оливер со смущенной улыбкой. – А кто, скажите, пожалуйста, этот ваш крестный, раз он меня знает? Я не особо известен за пределами дворца.

– Ему известен, – сказала Сара. – Он называет вас своим протеже.

Лицо Оливера осветилось пониманием.

– Это может быть только один человек! Как поживает старина Том? Все еще управляет всем в Виндзоре? По крайней мере, когда королевская семья в резиденции?

– Все еще, – улыбнулась Сара. – Не думаю, что он смог бы находиться в каком-нибудь другом месте.

– Странная это штука – жизнь королевской прислуги, – заметил Оливер. – Ты или создан для этого, или нет. Но если да…

– Зачем идти куда-то еще, – закончила Сара за него. – Я столько раз слышала, как Том говорил это!

– Любит он свои прибаутки, да?

– И все время повторяет их, – согласилась Сара.

Я обрадовался, что Сара нашла собеседника, который разделяет ее интересы и знает ее крестного. Это хорошее начало для моей кампании «Сара, веселей».

Но, к сожалению, сама беседа заинтересовала меня не так сильно, как голубь, только что перелетевший тропинку.

Я натянул поводок – не нарочно, но Сара перевела на меня взгляд.

– Простите, я обещала Генри хорошую прогулку, а мы все еще на полдороге.

– Мне тоже надо вернуться к работе, – ответил Оливер. – Но было очень приятно познакомиться, Сара.

Я звонко гавкнул, пытаясь упросить его не уходить – остаться и поговорить с Сарой еще. Но они просто рассмеялись.

– И с тобой тоже, Генри, – добавил Оливер. – Надеюсь скоро увидеть вас обоих во дворце.

– Уверена, мы встретимся, – тепло улыбнулась Сара, и день

вдруг перестал быть таким холодным.

Оливер направился обратно к дверям в сад, а мы с Сарой стояли и смотрели ему вслед.

Она тихо вздохнула.

– Он вроде хороший, правда? Я знала, что где-то во дворце *должны* быть хорошие люди.

Я гавкнул и снова потянул за поводок. Если Оливер ушел, зачем нам тут стоять?

Сара рассмеялась.

– Ну тогда пойдем, малыш. Посмотрим, сможешь ли ты нагнать *своих* друзей.

День четвертый
Вторник, 17 декабря

Эми

Холодный резкий ветер обдал свежестью лицо Эми, когда та в свой перерыв переходила дорогу, разделяющую хирургическое отделение и парк. Она так привыкла проводить обеденное время на свежем воздухе, выгуливая Генри, что если оставалась в кабинете, то чувствовала себя взаперти и голова наполнялась туманом.

Кроме того, за стенами больницы ей не приходилось ловить на себе сочувствующие взгляды коллег – теперь не только из-за потери мужа, но еще и собаки.

Эми не знала, как сказать им, что не может понять, по кому из них скучает больше.

Присев на скамейку под деревом с облетевшей листвой, она вздохнула. Вообще-то, это неправда.

По Генри она точно скучала сильнее.

Эми сидела и разглядывала парк – прохожих, гуляющих с собаками или без, белок, суетящихся с последними орешками, птиц в поисках крошек от бутербродов, – все было так, как если бы Генри был с ней. В любой миг он мог броситься за голубем или побежать обнюхивать вон то дерево, чтобы узнать, чем это таким интересным пахнет.

Только вот он так не делал. Потому что потерялся.

– Все еще ни следа Генри, да? – Люк опустился на скамейку рядом с ней, а Дейзи терпеливо уселась ждать у его ног, как корги никогда бы не смог.

– Ни малейшего, – грустно ответила Эми. – Я звонила куда только можно, просила проверить микрочипы всех корги, которых нашли в окрестностях Большого Лондона… ничего.

– Сочувствую, – сказал Люк. – Но не стоит терять веры. Рано или поздно он вернется домой.

– Как вы вообще можете знать такое наверняка? – спросила Эми.

Люк искренне хотел ее поддержать, но ей показалось, что оптимизм тут неуместен.

– Когда вы – его семья, как он вообще может не вернуться?

Эми улыбнулась, и ей вдруг стало немножко теплее.

– Значит, вам с Дейзи нравится в Редхилле? – спросила Эми.

Кажется, не так давно немало рассказав Люку о своей жизни, она почти ничего не спросила о его собственной. Может, пришла пора восстановить баланс?

– Очень, – ответил Люк.

Словно соглашаясь с хозяином, Дейзи коротко гавкнула и

чуть отошла в сторону суетящихся белок.

– В хирургии все такие радушные.

– Просто мы счастливы, что теперь у нас снова полный комплект врачей! – засмеялась Эми. – Последние несколько месяцев, после того как доктор Шах ушел на пенсию, нагрузка была *ужасной*.

– Рад, что смог помочь.

– Ой! Это, конечно, не единственная причина, почему мы вам рады, – быстро добавила Эми. – Вы, кажется, нравитесь всем пациентам, и… эм… человек вы хороший.

– Комплимент века, – ухмыльнулся Люк. – Но я согласен на «хорошего человека». Не худший вариант.

– Определенно, – согласилась Эми.

Люк казался *таким* хорошим, что было трудно представить, почему жена с ним развелась.

Если только, конечно, он не скрывал свою темную сторону…

– Что это сейчас с вами случилось? – с любопытством посмотрел на нее Люк. – Ваше выражение лица за десять секунд сменилось с «хороший человек» на «серийный убийца».

Эми покачала головой и рассмеялась.

– Просто пытаюсь представить, какая у вас может быть темная сторона.

– Не серийный убийца, честное слово, – ответил Люк. – Конечно, я не самый аккуратный человек на свете, как вам, наверное, уже ясно по моему ужасающему почерку. Но я добр к детям и животным и умею готовить острый соус карри.

– Кажется, хорошее перевешивает плохое, – заметила Эми.

Должен же быть какой-то способ спросить «почему вы развелись», чтобы это не звучало как обвинение? Просто найти его не получалось.

– Если на самом деле вопрос был «почему жена ушла от меня», то это просто, – ответил Люк, положив конец ее мучениям. – Мы поженились совсем молодыми и никогда не обсуждали будущее, как следовало бы.

Фитцджеральд пожал плечами, но Эми по глазам видела, что ему все еще больно говорить об этом.

– А с возрастом мы превратились в очень разных людей, как оказалось, – и эти новые люди уже не нравились друг другу так сильно. Не говоря о том, что мечтали жить совершенно по-разному. Поэтому развод стал в некотором роде неизбежен. Я не особо удивился ее уходу. Но это, конечно, не значит, что мне не было ужасно больно.

– Сочувствую, – Эми легонько коснулась его руки, и он поднял на нее взгляд и улыбнулся.

– Все в порядке. Грустно, конечно: у меня была налаженная жизнь, а сейчас приходится начинать с чистого листа, – сказал он. – Но на самом деле есть в этом какое-то освобождение. Теперь я могу сам планировать свое будущее – уже тем человеком, каким я стал сейчас, – не девятнадцатилетним мальчишкой. Это так интересно.

– Наверное.

Может, ей стоит думать и о своей жизни в таком же ключе? Джек уедет в университет в следующем году, а через несколько лет Клэр последует его примеру. У Эми целая жизнь впереди. Каким бы ей хотелось видеть свое будущее? С кем, раз Джима теперь нет, советоваться о своих решениях?

– А вы? – спросил Люк. – Если не возражаете, что я об этом спросил.

Эми улыбнулась уголками губ.

– О, у меня все проще. Мой муж полюбил другую.

Сказать правду оказалось приятно. Не «он ушел», или «он изменял мне», или даже «он оставил меня». Да, он сделал все это, и потребуется очень много времени, чтобы прошла боль, которую он причинил.

Но Эми наконец поняла, что дело не в ней.

Она не сделала ничего плохого, не была ему плохой женой, не отталкивала.

Джим влюбился в другую. Это грустно, это больно – но это не ее вина.

– Значит, он идиот, – сказал Люк.

– Да уж точно, – согласилась Эми. – Но, если честно, я думаю, все будет хорошо. Рано или поздно.

В конце концов Люк советовал ей сосредоточиться на будущем.

И то самое будущее вдруг показалось более интересным.

– Замечательно, – сказал Люк.

Так они и просидели до конца обеденного перерыва, наблюдая, как Дейзи носится по парку.

Генри

Моя жизнь во дворце становилась размеренной. Уиллоу и остальные утверждали, что, когда Она вернется домой, все станет лучше, – только все мы понимали, что меня, скорее всего, уже не будет здесь, чтобы иметь возможность оценить это.

Мне по-прежнему нравилось слоняться по дворцу и искать приключения в одиночку или с Сарой. Я решил, что оставаться с другими собаками стоит только до завтрака – просто чтобы точно не пропустить раздачу мясного печенья. Затем отправлялся знакомиться с дворцом – бродить по залам и комнатам, пока не обойду все. Я медленно, но верно создавал карту дворцовых запахов, мне хотелось ориентироваться здесь даже с закрытыми глазами. (Конечно, я не собирался так передвигаться, но это было полезно, чтобы уж точно не потеряться.) Я звал Кэнди с собой на поиски приключений, и та вроде бы начинала колебаться, но каждый раз Вулкан и Уиллоу смотрели на нее своим *высокомерным взглядом*, она раздумывала и лезла обратно в корзину.

Ну и ладно. Рано или поздно я смогу ее убедить. Все-таки не надо забывать, какой я очаровашка.

Изучив неизведанную часть дворца и насмотревшись на новые картины, столы и стулья с золотыми ножками, я отправлялся искать Сару.

У нее было множество различных дел по дворцу, обычно связанных с уборкой, и, занимаясь ими, она всегда выглядела вполне счастливой. Я околачивался рядом с Сарой, когда она работала, и слушал Сарины рассказы, поэтому узнал все о ее жизни до появления во дворце, о том, что она оставила в прошлом.

Довольно быстро я пришел к выводу, что ей и правда гораздо лучше здесь со мной, чем дома с Дэвидом – ее бывшим.

– Не то чтобы я не скучала по родным местам, – сказала Сара, сметая пыль с очередной вазы. – Дом… ну это дом, так ведь? Думаю, по нему всегда будешь скучать. Но я выросла, понимаешь? Пришло время двигаться дальше. После всех событий с Дэвидом… я решила, что пора снова найти настоящую себя. Счастливую, полную энергии. Потому и приехала сюда!

По-моему, перемена места пошла Саре на пользу. Бóльшую часть времени она *действительно* казалась счастливой и увлеченной. Если кто-нибудь из персонала не говорил ей гадости – передразнивал ее акцент или намекал на ее крестного.

Также грустной она выглядела, когда говорила о Дэвиде –

или думала о нем. Я всегда замечал такие моменты, потому что она начинала работать медленнее и глаза ее блестели.

– Не знаю, почему мне все еще тяжело. Ведь я не скучаю именно по нему, – сказала Сара, опускаясь на одну из мягких скамеечек с красной обивкой в комнате, которую убирала. – Скорее, я тоскую о жизни, которую, я думала, мы проживем вместе. И это глупо, потому что сейчас знаю, что жизнь, о которой я мечтала, была только в моих фантазиях.

Для меня это был сигнал, что пора ее взбодрить.

Основываясь на опыте с Эми и Клэр, я считал, что прогулка – самый эффективный способ. Поэтому, только Сара заканчивала свои дела, я уговаривал ее вывести меня наружу – присоединиться к другим собакам на их полуденной прогулке, прежде чем она вернется пообедать.

Пока мне так и не удалось подвести Сару к кусту, через который я пробрался в сады. Не в последнюю очередь потому, что я не мог вспомнить, какой это куст. Если честно, с моего ракурса все пышные зеленые кусты выглядят одинаково.

Но все равно – вдруг сегодня мне повезет?

– А, вижу, ты уже готов идти гулять, – засмеялась Сара, когда я встал перед ней с поводком в зубах.

Вчера я нашел их целую связку рядом с одной из дверей, ведущих в сады. Поэтому теперь точно знал, куда идти, если мне надо на прогулку.

– Значит, выходим, – сказала Сара, пристегивая поводок к ошейнику. – Думаю, чище эта комната стать уже не может.

В садах настроение у Сары быстро поднималось, особенно если я показывал ей свои самые смешные трюки. Трудно не радоваться, когда вокруг скачет корги – гоняется за белками по деревьям, взбираясь до середины ствола, прежде чем соскользнуть вниз, прыгает с камня на камень по мощеной дорожке и залезает в кусты, чтобы принести оттуда что-нибудь интересное.

Найдя других собак, Сара передавала меня лакею, выгуливавшему их, и шла на обед уже в хорошем настроении. Отлично.

После полуденной прогулки и всех усилий, которые я тратил, чтобы развеселить Сару, я пользовался преимуществами Комнаты корги и дремал перед ужином. Мне хотелось хорошенько отдохнуть, чтобы должным образом оценить старания повара (все еще держась на хорошем расстоянии от его сковороды).

На остаток дня четких планов не было. Может, немножко поболтать с другими собаками – я по-прежнему старался завоевать хотя бы доверие Кэнди и чувствовал, что она

становится мягче по отношению ко мне. Иногда мою шерстку расчесывала Сара или кто-нибудь из персонала (во время расчесывания Уиллоу и остальные все время ныли – они привыкли, что обычно это делает сама королева), и вскоре наступало время идти спать.

В целом, жить во дворце неплохо – сколько бы времени мне ни пришлось здесь провести.

Но в ту ночь я резко проснулся от плача. Не человеческого – собачьего. Кто бы это ни был, он поскуливал и подвывал так, что я понял: ему очень тяжело.

В полной темноте я выпрыгнул из корзины и стал водить ушами, чтобы найти направление, откуда идут звуки. Они привели меня прямо к корзине Кэнди.

– Кэнди? Кэнди? – я старался не слишком шуметь, чтобы не разбудить остальных, но скоро понял, что и сама Кэнди все еще спит.

И видит сон. Сон, который ужасно ее пугает. Мне тоже последние годы по ночам снятся кошмары, часто о том, что еды больше не будет – вообще никогда. Или что меня преследует десятифутовая версия Соки. Или… ну ладно. Но таких страшных снов, как у Кэнди, судя по ее плачу, я никогда не видел.

Я осторожно запрыгнул в ее корзину, опершись лапами о край; снова позвал ее по имени – на ухо. Все еще безрезультатно – она заскулила еще громче. Видимо, я сделал только хуже.

Стал тыкаться носом ей в бок, снова и снова, осторожно, пока она не шевельнулась. Она вытаращила глаза.

– Ты что *творишь*? – вне себя спросила она.

– Тебе снился плохой сон, – я отодвинулся и заглянул ей в глаза. – Ты скулила. Плакала. Мне показалось, что нужно тебя разбудить.

– Я никогда не *скулю*.

– Хорошо, как скажешь.

Я выпрыгнул из корзины, приземлившись на все четыре лапы.

– Но звучало именно так.

Я отправился было к своей корзине, но Кэнди остановила меня.

– Подожди…

Замерев, я оглянулся на нее через плечо.

– Да?

Она казалась встревоженной. Даже испуганной.

– А ты не можешь просто… остаться? Совсем ненадолго?

Что бы Кэнди ни приснилось, это, наверное, очень ее испугало, раз она предпочла быть со мной, чем одна. Или, может, она уже относилась ко мне лучше, чем я думал.

– Конечно.

Я снова оперся о ее корзину передними лапами, и на этот раз Кэнди подвинулась, чтобы освободить мне место. На миг замешкавшись, я забрался внутрь.

Когда я устроился, Кэнди ткнулась носом мне в бок. За время моего пребывания во дворце я заметил, что дорги, с их коротенькими лапками, определенно ниже ростом, чем мы с Уиллоу. А Кэнди была даже меньше, чем Вулкан, поэтому в просторной корзине, предоставленной дворцом, хватало места для нас обоих.

Мне хотелось успокоить ее. Лечь клубочком рядом и сказать, что все будет в порядке. Почему я так легко поднимаю настроение людям, хотя те даже не понимают меня, но не могу сблизиться с собаками, которые понимают каждое мое слово?

Однако Кэнди пустила меня в корзину. Испуганная и одинокая, она была рада, что я рядом, а значит, моя задача – сделать так, чтобы она почувствовала себя лучше.

Если б только знать как.

– Можешь сделать для меня кое-что? – спросила она, судя по голосу, снова засыпая.

– Что угодно, – ответил я. – А чего ты хочешь?

– Расскажи мне историю, – попросила Кэнди.

– Историю?

Я помнил множество историй, но по большей части о людях. Из книг, которые Джек и Клэр приносили домой из школы и которые им читали вслух в более юном возрасте. Или из телешоу и фильмов, которые мы всей семьей, бывало, смотрели, устраивая ночи кино.

Я знал все о счастливых концах и о том, как заставить двух идеально подходящих людей влюбиться друг в друга. Я даже представлял, как должно выглядеть образцовое Рождество и как лучшие друзья подбадривают друг друга, когда им грустно.

Но я знал мало историй именно о собаках, а не об их хозяевах. И я не мог придумать, что рассказать Кэнди, чтобы прогнать ее кошмары.

– Историю о чем? – спросил я.

Кэнди зевнула.

– Расскажи о своей жизни до дворца. О мире снаружи. И о твоей семье – как там их зовут?

– Уокеры.

Мне было непросто произнести их имя. Мне было так весело рассматривать дворец и дружить с Сарой, что я чуть не забыл о них, всего на день, но сейчас, думая о семье, чувствовал, как внутри снова зияет пустота.

– Да, Уокеры. Расскажи мне о них, – приказала Кэнди.

Я понимал, почему она спрашивает. На самом деле ее не волновал ни я, ни моя прежняя жизнь. Просто Кэнди хотелось отвлечься от своего кошмара, каким бы он ни был.

Но я не из тех, кто оставляет напуганную собаку одну. Джек не стал бы, вот и я не буду.

– Джим принес меня домой, когда мне было всего восемь недель, – начал я. – Меня подарили Джеку, когда ему исполнилось десять, и мы сразу же стали лучшими друзьями.

Я рассказал ей все об Уокерах, о Редхилле, парках, людях и белках. Говорил и говорил, пока не понял, что Кэнди уснула.

К тому времени я слишком устал, чтобы возвращаться в свою корзину. Особенно учитывая, что корзина у Кэнди очень удобная, а когда в ней спит сама Кэнди, то еще и удивительно уютная.

Поэтому я тоже уснул, уткнувшись носом ей в бок, надеясь, что, может, утром я проснусь рядом с Эми и мое пребывание во дворце окажется просто сном.

Эми

Почему поздние смены всегда заканчиваются еще позже, чем должны? Сначала несколько сложных пациентов задержали прием, затем проблема с компьютерной системой, и под конец сигнализация забарахлила. В общем, Эми казалось, что сегодня все, что может пойти не так, идет не так.

Она позвонила домой после обеда, чтобы узнать, вернулись ли дети из школы и встретил ли их Джим. Поговорила с Джеком, пребывавшем в самом плохом настроении.

– Почему ты не сказала, что *он* придет раньше? – заныл Джек, как только понял, с кем говорит.

«Потому что ты бы нашел способ не быть дома», – подумала Эми, но не сказала вслух.

– *Он* – твой отец, Джек, – вместо этого сказала она со вздохом. – Неважно, что произошло и что будет дальше, он все равно твой папа. И папа Клэр. Сейчас у вас обоих единственный шанс провести с ним время до Рождества. Поэтому используйте его! Пожалуйста!

Она сомневалась, что ее просьба может как-то исправить положение, но хотя бы знала, что поступила правильно. Джим не сможет обвинить ее в том, что Джек не хочет находиться с ним рядом.

Наконец хирургия закрылась, и Эми смогла отправиться домой. В дом без пса, к хмурым детям и изменнику – бывшему мужу. Настоящая рождественская мечта. Самая настоящая.

Эми заставила себя вспомнить улыбку Люка Фитцджеральда и его полную уверенность, что все обернется хорошо. Так же хорошо, как вживую, ей не стало, но чуточку полегчало.

Выехав на свою улицу, она поняла, насколько ее дом мрачнее по сравнению с другими. Раньше Джим развешивал гирлянды на крыше или хотя бы вокруг окон первого этажа. Где-то далеко в гараже стоял плетеный олень, которого всегда любила Клэр, с рогами, украшенными маленькими гирляндами. Нужно найти его. Нужно постараться. Сосредоточиться на будущем – на Рождестве с детьми.

Может, завтра.

Поставить хотя бы искусственную елку, которую купила в супермаркете. Она такая маленькая, что много украшений не нужно. И очень кстати: большинство из тех, что лежали на чердаке, вызывали слишком много воспоминаний, чтобы вешать их на елку в этом году. Например, стеклянное сердце, которое они с Джимом в медовый месяц купили в Венеции, или фигурки

ангелов – Джим каждый год в декабре приносил ей одну, чтобы добавить к ее коллекции.

Но не в этом году.

Может, стоит вообще купить новые украшения? Начать другую жизнь с праздника, так сказать.

Выжатая как лимон, Эми шарила по карманам в поисках ключа. Едва она успела вставить его в замок, как входная дверь дернулась.

– Где ты была? – раздраженно спросил Джим. – Я тебе на мобильный раз пять звонил.

– Работала, – ответила Эми с нажимом. – И я уже звонила домой – говорила с Джеком.

– И сказала ему, что он может спокойно уходить, даже если это мой единственный вечер с детьми перед Рождеством? А как же «не будем впутывать детей в это»? Если ты злишься на меня…

– Так, замолчи сейчас же, – отрезала Эми.

Лучшее в том, что Джим теперь ей не муж, – она больше не обязана отчитываться перед ним. И перед кем-либо другим, кстати сказать. Она принадлежит только самой себе, сама ответственна за свои решения, свое будущее – и точно не позволит, чтобы с ней так разговаривали.

– Во-первых: *если* я злюсь на тебя? Джим, ты ушел после почти двадцати лет брака, банальнейшим образом сбежал со своей секретаршей. Поверь, я не перестану злиться на тебя еще чертовски долго.

Она понизила голос, опасаясь, что Клэр может быть где-то в доме. Но все равно решила высказать то, что думает.

Эми набрала в легкие воздуха. Она была довольна тем, что Джим отступил с виноватым выражением, как ему и следовало, когда она промчалась мимо.

– Во-вторых, ты сам решил провести Рождество, катаясь на лыжах с упомянутой секретаршей. – Эми скинула пальто с плеч и перебросила его через перила, вместо того чтобы повесить на вешалку.

Это всегда выводило Джима из себя.

– Я сказала тебе, что, если хочешь провести Рождество с детьми, мы найдем способ. *Ты* выбрал уехать.

– Бонни сказала…

– Бонни – не часть этой семьи!

Пока не часть, во всяком случае. Скорее всего, она рано или поздно станет мачехой Джеку и Клэр, и Эми придется научиться с ней уживаться. Но сейчас она даже не имеет отношения к этой ссоре. Ссора пока еще касается только их семьи.

– Да. Извини, – пристыженно пробормотал Джим.

– В-третьих, ни во что я детей не впутываю. Я велела Джеку быть дома сегодня – и точно не разрешала ему никуда уходить.

Ее не сильно удивил поступок сына. Джек предельно ясно выражал свое отношение к отцу в последние несколько месяцев.

– Не разрешала?

– Да, не разрешала.

Они долго смотрели друг на друга, оценивая значение сказанного. Эми не могла не заметить, как изменился Джим после своего ухода. Уже за несколько месяцев до этого она поняла: что-то изменилось. Дело не просто в тайных звонках или частых командировках. Переменился *он сам* – стал по-другому одеваться, тщательно брился, укладывал волосы. И обнаружил внезапный интерес к кантри-музыке, которого раньше не было.

Уже тогда она *знала*, наконец призналась Эми самой себе. Знала, что у Джима роман, но не могла сказать ему об этом не из страха потерять, а потому, что было проще притворяться слепой, чтобы не дать семье развалиться.

Но проще не всегда значит лучше, поняла она. Иногда нужны большие перемены, чтобы двигаться дальше. Чтобы найти лучшее будущее.

Интересно, какие еще перемены ее ждут.

– Значит, Джек переиграл нас, – сказал после паузы Джим.

– Переиграл тебя, – поправила Эми. – Если б ты позвонил мне проверить…

– Я звонил!

– Прежде, чем Джек ушел, или после?

Уперев руки в боки, Эми ждала ответа, который знала заранее.

– После, – хмуро выдавил Джим. – Ему не очень-то было нужно мое разрешение.

– Ему семнадцать, Джим, – вздохнула Эми. – Джек почти взрослый. Еще девять месяцев – и он уедет в университет, и совсем скоро сам будет решать, видеться ли ему вообще с нами или нет. Если ты хочешь, чтобы он не исчез из твоей жизни, тебе придется дать ему повод.

– Я его отец! – запротестовал Джим. – Этого разве не достаточно?

«Нет, если ты ведешь себя так. Нет, если ты его оставил. Нет, если ты разрушил нашу семью…»

Эми тряхнула головой. Нельзя так думать.

В глубине души она знала, что и Джеку, и Клэр будет лучше, если Джим останется в их жизни. Он оказался ужасным мужем, но всегда был хорошим отцом.

До последнего времени.

– Тебе правда обязательно уезжать кататься? – спросила она. – По-моему, для детей важно, чтобы первое *такое* Рождество ты провел с ними.

– Все уже забронировано, – тихо ответил Джим. – И Бонни ждет не дождется поездки.

– Это твой выбор, – повторила Эми.

Она хотя бы могла заставить его принять ответственность за свои действия.

– А где Клэр?

– Убежала наверх, когда мы с Джеком ругались.

– То есть когда – где-то час назад? – предположила Эми.

– Да, где-то так.

– Но ты хотя бы приготовил им ужин?

Джим выглядел оскорбленным.

– Конечно, приготовил! За шесть недель я не совсем забыл, как быть родителем, вообще-то.

Эми не удостоила его ответом.

Почти без сил поднимаясь по лестнице, она позвала дочь, но та молчала. Дойдя до ее спальни, Эми увидела, что дверь приоткрыта, и открыла ее пошире, чтобы заглянуть в комнату.

– Клэр?

– Что?

Ответ донесся из-под холмика одеял на кровати. Сквозь него пробивался свет фонарика, а на подушке свернулась Соки.

Эми села на край кровати и откинула одеяла так, чтобы увидеть лицо Клэр. Соки, видимо почувствовав, что больше не нужна, спрыгнула вниз и отправилась к двери.

– Что ты читаешь? – спросила Эми, склонившись над книгой в руках Клэр.

Та подняла ее повыше, чтобы мать могла увидеть обложку. «Потерянный щенок».

– Как давно мы читали ее вместе!

Это была любимая книжка Клэр, когда ей было шесть. Они перечитывали ее снова и снова. Сейчас, став в два раза старше, дочь явно пыталась найти в ней утешение.

И думала о Генри – можно было биться об заклад.

– Как считаешь, Генри когда-нибудь отыщет путь домой? Как Расти в книжке? – спросила Клэр тихим, растерянным голосом.

Сейчас она говорила так, словно ей снова шесть. Эми скучала по тем временам, когда могла держать обоих своих детей, еще таких маленьких, на руках и представлять, что никогда не отпустит.

– Не знаю, милая.

Эми наклонилась, поцеловала дочь в макушку и взяла книгу у

нее из рук. Даже если чтение успокаивает, она чувствовала, что сегодня это не поможет.

– Но я надеюсь, что отыщет. А мы будем и дальше изо всех сил стараться вернуть его домой.

– Но все, что мы пробовали, *не работает*, – простонала Клэр.

Она была права. Верить в возвращение Генри хорошо и правильно. Но это не значит – пускать все на самотек…

– Пойдем, – сказала Эми. – Спустимся и поговорим с папой. Может, он придумает новый способ найти Генри.

А если нет, то хотя бы начнет снова вести себя как отец, а она тем временем достанет ту елку. И, может, ко времени, когда они закончат, Джек вернется домой – и у них тоже все наладится.

– Нам нужен новый план, – объявила Эми, заходя вместе с Клэр в кухню. – План, как найти Генри.

– А в каком примерно направлении вы думаете? – неуверенно спросил Джим.

Эми пожала плечами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не закатить глаза.

– Вот с этим, я надеялась, ты и поможешь. Как я уже говорила, мы звонили в разные службы и регулярно перезваниваем, известили всех, что Генри чипирован и его ищут… Не знаю, что еще делать.

– Должен же быть какой-то способ, – сказала Клэр, куда больше похожая на себя, почти тинейджера, чем на маленькую девочку, которой была десять минут назад. – Ведь все наши попытки не сработали. Нам нужно то, что сработает.

– Ну… если бы он потерялся где-то здесь, наверное, мы бы расклеили объявления о его пропаже и все такое, да? – спросил Джим.

– Ты предлагаешь повесить объявление на ворота Букингемского дворца? – спросила Эми, подняв брови. – По-моему, охрана такое не поощряет…

– Нет-нет, конечно, нет, – сказал Джим. – Но мы можем сделать что-то похожее. Например, в интернете.

– В смысле будем искать его через фейсбук? – подхватила Клэр. – Выложим его фото, напишем, где и когда он потерялся, и спросим, может, кто-то видел его там в тот день?

– «По следам Генри», – щелкнул пальцами Джим. – Именно!

– Но этим нужно заняться тебе, – сказала Клэр. – Я еще слишком маленькая для фейсбука. Видимо.

На этих словах она закатила глаза, кивнув на Эми.

– А у меня больше нет аккаунта.

Эми не посмотрела на Джима. Она не хотела, чтобы он знал, что именно из-за него она его удалила. Ей было больно смотреть

на чужое идеальное Рождество, идеальную жизнь, когда ее собственная разваливалась на части. И особенно не хотелось даже краем глаза видеть, как Джим веселится с их общими друзьями. О таком лучше не знать.

– Хорошо. Принесешь мне свой ноутбук? – попросил Джим Клэр, и та помчалась наверх, забрать его из комнаты.

– Думаешь, это поможет? – спросила Эми и поставила чайник.

Кажется, заниматься поисками легче с чашкой чая. И, может быть, с кексами, если Джек не съел все.

– В смысле фейсбук.

Джим пожал плечами:

– Попробовать-то стоит. И кроме того…

Он выглянул в коридор, чтобы убедиться, что Клэр не слышит.

– Ей станет лучше, если она будет знать, что мы делаем хоть *что-то*.

– Ты прав, – сказала Эми. – Самое ужасное – то, как мало мы можем, кроме как ждать.

– Ну ты всегда была очень терпеливой, – Джим чуть улыбнулся ей, и Эми подумала, что, возможно, это самые добрые слова, которые они говорили друг другу за последние месяцы.

– Я просто надеюсь, что он вернется домой. Я скучаю.

Ей было странно признать это. Пока они жили вместе, Генри считался собакой Джима, не ее. Джим делил его с Джеком. А она с Клэр – Соки.

Но Генри занял место в сердце каждого. И без него… дом перестал казаться домом, даже сильнее, чем когда Джим ушел.

– Я тоже надеюсь, – сказал Джим, в первый раз показывая, что огорчен из-за пропажи Генри.

Клэр прибежала обратно с ноутбуком, и Эми переключила внимание на чайник и кексы, пока остальные занимались фейсбуком. Поставила на стол чашки с чаем и сладости для Клэр с отцом, а сама пошла доставать искусственную елку из гаража и затаскивать в гостиную.

К счастью, это не заняло много времени. В коробке, где лежала елка, Эми нашла набор елочных шариков, которые тогда же купила по акции, и небольшую гирлянду. Украшений было немного, но, стоило повесить их на елку, гостиная приобрела чуть более праздничный вид.

Эми вернулась на кухню, когда ни чая, ни кексов давно не осталось, зато в фейсбуке появилась страничка «По следам Генри». Взяла упаковку кексов и высыпала на блюдо.

– Выглядит замечательно. – Она наклонилась над Клэр, чтобы

посмотреть на экран.

Дочь выложила очаровательное фото Генри с прошлого Рождества – в бумажной короне и милом красном ошейнике, который выбрала ему в подарок в зоомагазине. От одного взгляда на фотографию Эми снова почувствовала, как скучает по пушистой мордашке.

– Это все Клэр, – сказал Джим. – Я просто предоставил доступ.

– Так, а что будем делать сейчас? – спросила Эми.

– В основном ждать, – Джим пожал плечами. – Чтобы страница дала результат, нужно время. Мы должны проверить ее через несколько дней. Посмотреть, не появятся ли отклики: свидетельства очевидцев, сообщения и так далее.

– Я и сейчас буду следить за ней, – сказала Клэр. – Мне нужно знать, сколько будет просмотров.

Она потянулась ко второй порции кексов.

– Сколько лайков, сколько репостов. Чем больше людей увидит наш пост, тем лучше. Ведь в Букингемский дворец едут со всего света. Поэтому нам нужно, чтобы постом делились все, кто может. Кто-нибудь должен был *что-то* заметить.

Эми и Джим переглянулись. Хоть им и удалось переключить внимание Клэр на деятельность, Эми искренне надеялась, что они не дали ей пустую надежду.

В тот же миг входная дверь открылась, со стуком врезавшись в телефонный столик, хотя Джек знал, что мама этого терпеть не может. Эми прикусила язык. Сегодня семья могла воссоединиться – а она знала своего сына. Чем сильнее будешь на него наседать, тем сильнее он будет противиться. В конце концов, он всего лишь не придержал дверь.

Его отношения с отцом важнее.

– Джек, ты вернулся, – сказала она, когда сын появился в кухонном проеме, застыв на пороге, как делал всегда, когда понимал, что у него неприятности.

– Я не знала, что ты собирался вечером уходить.

Она видела, как Джек бросил на отца хмурый взгляд и они встретились глазами.

Пожалуйста, Джим. Хоть раз подыграй. Конечно, будь у них с мужем телепатическая связь, они вообще не оказались бы в такой ситуации.

Или, может, оказались, но гораздо раньше.

К ее облегчению, Джим промолчал. Она поговорит с Джеком позднее – об уважении, о настраивании родителей друг против друга и о времени, которое проводишь с семьей.

Но сейчас ей просто хотелось, чтобы он *действительно*

провел это самое время с семьей.

– Э-э… Тоби позвонил и попросил помочь ему кое с чем, – сказал Джек.

Он заметил экран ноутбука Клэр, на который она все еще пялилась.

– Ой, а это что?

– Страница «По следам Генри», – сказала Клэр, не отрывая глаз от экрана. – Папа помог мне ее создать. Мы пытаемся выяснить, не видел ли кто-нибудь, что случилось с Генри у дворца на прошлой неделе.

– Это… хорошая идея, – сказал Джек, удивленно посмотрев на отца. – Есть результаты?

Клэр покачала головой.

– Но у нас уже десять репостов и больше пятидесяти просмотров. Плюс несколько комментариев от папиных друзей, которые работают в Лондоне, и они говорят, что поспрашивают, не видел ли кто Генри.

– Хорошее начало, – сказал Джек и взял кексик. – Подожди-ка, я знаю еще несколько групп, куда можно сейчас репостнуть. Посмотрим, даст ли это какой-нибудь эффект. Вообще, сделай-ка меня тоже администратором страницы, так будет лучше.

Уже скоро они работали над проблемой вместе: Джек по телефону, а Клэр по-прежнему на ноутбуке. Джим поймал взгляд Эми и улыбнулся, и она не могла не улыбнуться в ответ.

Возможно, просто возможно, все еще наладится.

И, возможно, Генри вернется домой, чтобы разделить с ними радость.

День пятый
Среда, 18 декабря

Генри

На следующее утро я проснулся в тепле и уюте, какие последний раз ощущал в доме Уокеров. Всего через миг я понял почему, но тогда Кэнди уже визжала, чтобы я убирался от нее подальше.

Я закатил глаза, спрыгнул вниз и, стоя на полу, от души потянулся. Видимо, я был хорошим компаньоном ночью, когда ей страшно и нужен друг, но плохим днем, когда другие собаки могут увидеть.

Пусть так. Не сомневаюсь, уже скоро она поймет, что я – *прекрасный* компаньон в любое время суток.

Новый день во дворце, и я уже знаю, что меня ожидает. Это место живет традициями, порядком и рутиной. Даже для нас, собак, дни идут согласно расписанию, установленному много лет назад, не считая незначительных изменений.

Поэтому я и заволновался так сильно, не найдя Сару после завтрака.

Я проверил все привычные места, комнаты, в которых она обычно прибирала, обежал коридоры и галереи. Я не мог уловить даже следов ее запаха.

Зато в одной из комнат побольше я увидел нескольких лакеев, двигавших мебель, расставлявших столы и стулья, которых тут раньше не было. Очевидно, что-то происходило. Сара тоже принимает в этом участие?

В конце концов я наткнулся на свою подругу совершенно случайно: встретил ее, когда она шла навстречу по коридору, куда я раньше не заходил.

– Генри! – Сара обрадовалась мне, и это, как всегда, было приятно. – А я гадала, найдешь ли ты меня сегодня. У меня выходной.

Выходной. Эми и Джим обычно проводили выходные вне дома. Но, живя в Букингемском дворце, Сара, возможно, и не думала выходить на улицу.

– Я решила посвятить его тому, чтобы разобраться с несколькими делами – например, рождественскими открытками, – говорила она на ходу, пока я семенил рядом. – Все утро их писала. Забавно, когда понимаешь, сколько народу обычно поздравляешь с Рождеством лично, а потом пытаешься написать им всем. Я решила отправить по одной открытке в деревенскую церковь и паб, а то я бы никогда не закончила!

Судя по толщине пачки конвертов в ее руке, проредить список получателей ей удалось не вполне. Сразу вспомнилось,

как Эми приходилось подкупать Клэр в детстве шоколадом, чтобы она писала открытки другим детям. Меня это всегда немного смешило: куча бумажных открыток, которые отправляешь в мир, только чтобы получить столько же обратно. Эми привязывала их лентами к перилам, а мне доставалось, когда я пытался с ними играть. После праздников их все равно отправляли в мусорный бак. Какая расточительность.

В этом году большая часть открыток, которые мы получили, все еще ворохом валялась на кухонном столе – во всяком случае, когда я последний раз был дома. И я не видел, чтобы Эми сама писала поздравления.

– Сейчас я иду на почту, чтобы отправить их, – радостно закончила Сара, врываясь в мои воспоминания. – Пойдешь со мной?

Я резко остановился.

Конечно, мне хотелось пойти. Сара быстро стала моей лучшей подругой – может, даже единственной в Букингемском дворце, если не считать Кэнди прошлой ночью. Но почтовые отделения, насколько я знал по опыту стояния в очередях вместе с Эми, находились в торговых центрах или на главных улицах города. И хотя мне не запрещалось слоняться по всему дворцу, я не думал, что мне позволено выходить за пределы дворцовой территории – Уиллоу даже отдельно упомянула об этом. Я не хотел, чтобы Саре пришлось отвечать за то, что она вывела меня наружу.

Сара посмотрела на меня и засмеялась. Словно прочитав мои мысли, она добавила:

– Не волнуйся, глупыш. Тебе не нужно выходить из дворца. Почта есть прямо в здании!

Я не знал. Очевидно, Уиллоу не считала такую информацию достаточно важной, чтобы сообщить мне об этом.

Обрадовавшись, я поспешил вперед, мне не терпелось увидеть королевское почтовое отделение.

– Здесь еще должны быть бассейн и кинотеатр, – говорила Сара по дороге. – Может, я попозже схожу окунусь, если бассейн не занят. И надо узнать, как вступить в королевский киноклуб. Ведь если я хочу завести друзей, стоит влиться в дворцовое общество, правда?

Надеюсь, тут она права. Мне было тяжело видеть, как Сара грустит из-за того, что у нее нет друзей среди других горничных и лакеев. Она такая милая, а коллеги смеются над ней, особенно из-за ее акцента. Мне вот нравится, как Сара говорит. Тепло и приветливо – гораздо дружелюбнее, чем все остальные во дворце.

Должны же работать в Букингемском дворце люди, способные

увидеть в Саре *хорошие* стороны, а не выискивать в ней недостатки. Не так ли? Не могут же все слуги быть злыми и вредными. Вероятно, нет, ведь у Клэр было то же самое, когда она перешла в прошлом году в новую школу и три девочки из ее класса ужасно с ней обращались. Клэр решила, что *все* ее одноклассники мерзкие, но в итоге уже через несколько недель подружилась с лучшими из них.

Надо просто найти таких людей. И если у Сары с этим не ладится, я должен протянуть ей лапу помощи.

Я прошел с Сарой всю дорогу до почтового отделения, где у окошка выстроилась очередь. Видимо, не так уж королевская почта и отличается от обычной, к которой я привык.

Войдя в отделение, я принялся рассматривать других служащих дворца. Я сразу же заметил девушку возраста Сары с темными волосами и еще более темными глазами. Она приклеивала марки на стопку конвертов с открытками. Хм-м-м… а как насчет нее? На вид дружелюбная.

Обогнув несколько пар ног, я направился прямо к незнакомке, зная, что Сара пойдет следом. И терся о ее ноги, пока та не взглянула вниз.

– Ой! – удивленно воскликнула она. – Ну, здравствуй.

– Генри… – Сара протиснулась к нам через толпу. – Простите, его почему-то взволновал поход на почту!

– Все в порядке, – улыбнулась ее собеседница. – Вы – Сара Морган, да? Новая горничная?

– Да, это я.

Я прямо чувствовал, как Сара напряглась – наверное, готовится к очередной насмешке над ее произношением или семьей. Я устроился у нее в ногах и постарался успокоить. Нужно просто, чтобы она доверилась мне.

– Приятно познакомиться. Меня зовут Гарриет.

Она протянула руку Саре. Та, удивленно улыбнувшись в ответ, пожала ее.

– Надеюсь, вы привыкаете к здешней жизни – вижу, уже подружились с самыми важными жильцами!

– Скорее, это Генри взялся за мной приглядывать! – рассмеялась Сара.

Гарриет наклеила на открытку последнюю марку, помахала на прощанье и отправилась к высокому красному ящику в углу, чтобы опустить конверты.

– Может, здесь все-таки есть хорошие люди, – пробормотала Сара, и я гавкнул в знак согласия. – Пойдем, Генри. Надо встать в очередь.

Я направился за ней к очереди, змеившейся по помещению.

Только мы встали в конец, как человек перед нами обернулся, и я увидел, как Сара расплылась в широкой улыбке.

– Оливер! – воскликнула она.

Конечно, Оливер Кинчен-Уильямс. *Он* отнесся к ней по-доброму, не правда ли? К тому же крестный даже наказал Саре найти своего подопечного и познакомиться. Это *стоит* считать личной рекомендацией.

О, а я молодец! Целых *два* новых друга для Сары за утро!

– Привет вам обоим, – сказал он, наклоняясь, чтобы погладить меня по голове. – Рядом с ним ты прямо светишься, не так ли?

Сара мило покраснела.

– Кажется, так. Но и я оказываю на него похожий эффект.

– Вот счастливчик. Значит, отправляем рождественские открытки? – спросил Оливер, указав на стопку конвертов, которые Сара сжимала в руках.

Та кивнула.

– Это первое Рождество, которое я отмечаю не дома, – сказала она. – Поступив на работу… хотя не важно.

– Конечно, важно, – мягко возразил Оливер.

– Просто… я так радовалась возможности провести Рождество здесь, когда только получила работу. Подготовка, празднование… вот это все. Но чем ближе важный день, тем больше я скучаю по дому.

– Да, быть далеко от дома на Рождество – странно. Поверь, я знаю.

– А вы… а ты издалека? – с любопытством спросила Сара. – По акценту кажется, что прямо родился и вырос во дворце, не то что я.

Оливер рассмеялся.

– Мне нравится твой акцент. Девон?

– Близко, – признала Сара. – У родителей ферма в Сомерсете.

– Как здорово! – сказал Оливер. – А мои родители эмигрировали в Новую Зеландию несколько лет назад, чтобы на пенсии разводить овец на ферме. Поэтому, хоть я и рос недалеко отсюда, порой я чувствую себя вдали от родного очага.

– Думаю, это потому, что дом – скорее люди, а не место, – сказала Сара.

Я понимал, о чем она. Букингемский дворец – самое фантастическое жилище, о котором только можно мечтать. Но без семьи… я просто не чувствовал себя на своем месте.

– Ну а каких людей тебе недостает на Рождество? – спросил Оливер. – Потому что тут целая куча открыток.

– А могло быть гораздо больше! Думаю, получить открытку с

маркой из дворца безумно приятно, поэтому решила послать их кому только можно.

Сара развернула конверты веером, так, чтобы можно было прочитать имена.

– По одной родителям, моим бабушкам и дедушкам, конечно. Лучшей подруге Рейчел и еще нескольким друзьям из школы, которые уже переехали. В местную церковь и местный паб – но только по одной открытке на всех! Тетям и дядям, кузинам, кузенам, крестному Тому, конечно, и… – Она замолчала, глядя на последнюю открытку в руке.

– Кто такая Дебби? – спросил Оливер, прочитав имя на конверте.

– Мама моего бывшего парня, – тихо сказала Сара.

– А-а.

– Ага. Я не знала, стоит ли посылать… Мы расстались несколько месяцев назад, и… ну не очень хорошо.

Сара встряхнула головой, словно отгоняя плохие воспоминания. По ее рассказам о бывшем у меня сложилось ужасное впечатление об этом Дэвиде.

– Дело ведь в том, что я знала Дебби еще до того, как познакомилась с Дэвидом. У нее фермерская лавка недалеко от моего дома, поэтому я и родители часто с ней пересекались. Мы дружили. Потом Дэвид окончил университет и вернулся, мы познакомились и… остальное уже давно в прошлом. Но я переживаю из-за того, что потеряла Дебби как друга, когда у нас с Дэвидом все закончилось.

– Ты молодец, что шлешь ей открытку, – сказал Оливер. – Рождество – это все-таки время восстанавливать мосты.

– Да, – медленно сказала Сара, глядя на Оливера. Ее лицо прояснилось. – Да, самое время. А может… может, и наводить новые.

– Точно, – согласился Оливер.

После почты я довольно долго ходил за Сарой по дворцу, пока та искала бассейн и кинотеатр. Найдя, она аккуратно переписала время следующих сеансов.

– Ого! «Чудо на 34-й улице»! Мой любимый фильм, – воскликнула она, увидев плакат к особой рождественской ночи кино завтра. – Интересно, а с собаками пускают?

По-моему, должны. В конце концов, мне разрешено тут везде ходить. И я всегда любил ночи кино с Уокерами. Тогда все члены семьи садились вместе, никто не торопился на работу, в школу, к друзьям или делать домашнее задание. Я сворачивался на диване между ними и обязательно добрый час или два меня ласкали и

чесали. Полное блаженство. Плюс закуски всегда были очень хорошие, а Джек и Клэр щедро со мной делились.

Вспомнив те ночи, я снова почувствовал, как сильно скучаю по дому. Хорошо, что я нашел Сару – мы хотя бы можем скучать вместе. И, может, на ночи кино она встретит новых друзей, тех, кто любит то же, что и она.

В фильмах – по крайней мере, тех, которые смотрел я, – всегда рассказывается о том, как люди объединяются, особенно на Рождество. Даже в тех, которые любит Джек, когда мир должны уничтожить инопланетяне или кто-нибудь еще, всегда есть люди, которые в процессе становятся друзьями.

Именно это Саре и нужно – друга во дворце, причем не собаку. Хоть мне и нравилось быть ее лучшим другом, я знал, что, когда собеседник может тебе ответить, это совсем другое дело. Кроме того, я надеюсь скоро вернуться домой, и не хотел бы оставлять Сару в Букингемском дворце одну-одинешеньку.

Нет, мне нужно найти Саре хорошего человеческого друга. Может, Гарриет, с которой мы познакомились сегодня утром, или кого-нибудь из горничных? Кого-то, с кем она ходила бы плавать или в кинотеатр на любимый фильм.

– Интересно, любит ли Оливер кино, – сказала Сара нежным голосом, чуть покраснев.

Вот тут я и понял. Это не фильм о катастрофах, которые смотрит Джек. Это фильм из тех, которые на ночь кино обычно выбирают Эми и Клэр – где мужчина и женщина целуются под омелой в канун Рождества или он бежит за ней под дождем, чтобы признаться в любви. Где герои живут долго и счастливо и каждый нашел того единственного, рядом с кем стал счастливее всех на свете.

Сара заслуживает больше чем просто коллегу, который над ней не смеется. Она заслуживает любви. Романтики. Чтобы кто-то увидел, какая она особенная и как достойна любви.

И Оливер, по-моему, идеальный кандидат. У меня на такое нюх.

Сейчас нужно всего-навсего найти способ заставить и Сару увидеть это.

Я встряхнул ушами. Насколько сложно будет провернуть *такое*? Люди в фильмах справляются каждый раз, а я гораздо их умней.

Мне просто нужен план…

Эми

– Ну как там? – спросила Эми, торопливо упаковывая обеды для всех троих.

Носить с собой еду дешевле, чем покупать в школе, но это требует скольких усилий – не говоря о необходимости готовить разные блюда, чтобы Клэр была довольна, – Эми совершенно выбивалась из сил. Ну что стоит дочери каждый день есть просто бутерброд с сыром и огурцами, как все четыре года начальной школы? Теперь обязательно нужен макаронный салат, рулетики с курицей и тому подобное.

Зато самой себе Эми сделала бутерброд с сыром и огурцами, скорее из-за ностальгии.

– Тысяча репостов за ночь! – радостно взвизгнула Клэр. – Теперь точно все узнают.

– Это чудесно, милая.

Эми искала клементин посвежее, не такой сухой, чтобы положить дочери в ланчбокс, а Соки терлась о ее ноги – так, что Эми пару раз чуть не споткнулась, – и тут звякнул мобильный. Она вздохнула, даже не проверяя, кто пишет. Наверное, опять с работы. Сезон гриппа в разгаре, а это значит, пришли разом две беды: здоровые посетители, отчаянно желавшие получить прививку, которую должны были сделать несколько месяцев назад, и заболевшие, стремившиеся попасть к врачу или медсестере, даже если им сказано вернуться в свои постели и лечиться дома. Вдобавок кишечный грипп вывел из строя нескольких коллег, и поэтому до самого Рождества ритм работы обещал оставаться таким же сумасшедшим.

– Дай я гляну, – Джек забежал в кухню с рюкзаком в руке и плюхнулся на стул рядом с Клэр.

– Джек, не хочешь сам собрать себе обед? – спросила Эми. Она не сомневалась, что он ответит «нет», но хранила капельку надежды – может, сын просто сделает это?

Просто поможет.

– Одну минуту, мам.

Эми вздохнула. Она знала, что значит эта «одна минута». А именно: «Я буду тянуть как можно дольше, и в конце концов ты сделаешь все сама, чтобы мы не опоздали с выходом». Так бывало и раньше.

– Джек, у нас нет времени. Клэр уже оделась и готова выходить, поэтому она может сидеть за компьютером. А ты уже завтракал?

– Пока нет. Я что-нибудь пожую, только минуту.

Телефон Эми снова звякнул, на этот раз как-то нетерпеливо, поэтому вместо того, чтобы ответить Джеку, она схватила мобильник. Может, если сын отправится на учебу голодным, то в следующий раз послушает ее? Только, скорее всего, нет.

«Флора заболела, поэтому я сегодня не приду, – сообщение от Ширин, из регистратуры. Флора – это ее трехлетняя дочь. – Ты можешь приехать пораньше и открыть отделение? Меня есть кому заменить, но они успеют только к 9».

Эми бросила взгляд на часы. Пораньше? В таком случае сегодня вернуться домой вовремя будет большой удачей.

«Сделаю все, что смогу», – ответила она. Разве она не делает так всегда? Все, что может?

Вот бы этого почаще было достаточно.

– Ладно, ребята, нам надо срочно выдвигаться, окей? Джек, если хочешь, чтобы я тебя подвезла, будь готов через пятнадцать минут. Клэр – то же самое.

Ни один не ответил. Разумеется.

Громко вздохнув, Эми упаковала последний обед и кинула все свертки на кухонный стол к другим вещам, которые нужно не забыть взять с собой.

Телефон снова звякнул, Эми метнула на него сердитый взгляд – пока не открыла сообщение.

«Есть новости о Генри? – писал Люк. – Ох, я тоже только что получил сообщение Ширин о Флоре. Уже еду, поэтому успею открыть отделение – не волнуйтесь, если опаздываете».

Улыбнувшись, Эми написала: «У меня тут обычный утренний хаос, и все еще ни следа Генри. Спасибо, что откроете. Не знаю, почему вы так добры ко мне».

Люк ответил почти сразу: «Потому что вы этого заслуживаете».

Эми несколько раз перечитала сообщение, прежде чем сунуть телефон в карман и переключиться обратно на детей.

– Тысяча репостов – это только начало, – говорил Джек, завладев ноутбуком. – Но нам нужно что-нибудь еще. Нужно привлечь внимание общественности. Лондон-то огромный, и Генри может оказаться где угодно. Мы должны заставить людей искать его каким-то образом…

– Или можем собраться и пойти в школу и на работу, – предложила Эми, и Джек с Клэр уставились на нее. – Слушайте, я так же, как и вы, хочу найти Генри, но это не значит, что Земля прекратила вертеться, раз он потерялся. Вам все еще надо ходить в школу. Мне – на работу. Обед надо готовить, дом убирать… Мы делаем все возможное, чтобы найти Генри, ясно? Но это не значит, что надо забрасывать остальные дела.

Снова раздался сигнал, и Эми потянулась к телефону, но на этот раз звук издал компьютер.

– Погоди-ка… – Джек кликнул несколько раз, и с каждым новым кликом он выглядел все более взволнованным. – Стоп. Стоп. Вот оно!

– Что оно? – спросила Эми, пока Клэр пыталась оттолкнуть брата от экрана с криком:

– Дай посмотреть! Папа сделал меня ответственной за страницу, помнишь? На ней мое имя! Ты просто администратор!

– Что там? – нетерпеливо переспросила Эми.

– Сообщение! Тут пишут, что видели Генри! Клэр чуть ли не прыгала на стуле от радости.

– Говорят, его нашли, когда он бродил недалеко от Сент-Джеймсского парка… и Генри в порядке, он у них!

Джек пребывал в не меньшем восторге.

Эми посмотрела на экран.

– Они прислали фото? Или какие-нибудь подробности?

– Нет…

Джек прочитал сообщение до конца.

– Они спрашивают, дадим ли мы за него награду. Мы же можем ее дать?

Деньги. Конечно. Хоть что-нибудь в этом мире не сводится к деньгам?

Эми пожала плечами. Что-то в этом сообщении настораживало, но сейчас у нее не было времени разбираться что именно.

– Не знаю. Написать мог кто угодно, – сказала Эми.

Она терпеть не могла рушить надежды своих детей, но не хотела, чтобы они зря обнадеживались.

– Нужно поговорить с вашим отцом: он сделал страницу, он может разузнать побольше о нашедших.

И если им нужна награда, если Генри действительно у них, тогда им точно придется говорить с Джимом. У нее едва хватает денег, чтобы сводить концы с концами в этом месяце.

– А вдруг Генри снова сбежит? – спросила Клэр. – Надо забрать его прямо сейчас!

– Прямо сейчас нам надо в школу и на работу, – сухо ответила Эми. – Джек, перешли сообщение мне на почту, я постараюсь поговорить с вашим папой сегодня. Или ты поговори, – подумав, добавила она.

Джек уже достаточно взрослый, чтобы самому разобраться, но ей не хотелось, чтобы он делал это в одиночку.

– Значит, вечером решим, что делать. Вместе. Хорошо?

– Ладно, – недовольно сказал Джек. – Я позвоню папе.

– Отлично. Но после школы.

Она схватила сумку и обед со стола.

– Давайте, а то мы все опоздаем!

Хмурясь, дети принялись собираться. Эми вздохнула. Ей не хотелось быть такой – ворчливой мамашей, делавшей своих детей несчастными. Но и не хотелось, чтобы они опаздывали или шли в школу без обеда. Должен же быть какой-то компромисс…

Вдруг Эми улыбнулась: ей вспомнилось прошлое Рождество.

– А знаете что, я поставлю в машине рождественский диск.

Джек взвыл, а Клэр немного оживилась.

– Который я записала в прошлом году? – спросила она.

– Ага, – подтвердила Эми. – И мы можем подпевать, пока едем. Старые добрые песенки *всегда* поднимают настроение, правда?

– Собираешься открыть окна на светофоре и нанести психологическую травму людям в соседних машинах, да? – Джек закатил глаза, хотя Эми знала, что на самом деле подпевать он любит не меньше них.

– Именно так! – ответила она, а Клэр взвизгнула от восторга.

Может, день все-таки не обернется полнейшей катастрофой.

Генри

Тем вечером, возвращаясь с ужина, я все еще размышлял, как бы свести Оливера и Сару. Конечно, это правое дело, но каким образом его провернуть? Задача не из легких, ведь я не мог просто поговорить с ними и объяснить все.

Нет, она требует некоторых усилий. Взвешенных решений.

Была бы у меня коллекция DVD-дисков Клэр и Эми, я бы полагался не только на свою память. Кажется, я вообще не *видел* телевизора ни в одной из комнат, когда исследовал дворец. Ну где-то они же должны быть!

Я так задумался, что не заметил Вулкана и остальных, остановившихся на пороге комнаты. Я зашел, и пес мгновенно бросился на меня, щелкнув челюстями у моего бока – не настолько близко, чтобы поранить, но достаточно, чтобы напугать.

– Эй! – я отпрыгнул. – За что?!

Вулкан, все еще оскалив зубы, ходил вокруг меня кругами. Этот дорги был так мал ростом, на несколько дюймов ниже меня, что с его коротенькими лапками выглядеть угрожающе не особо получалось. Но он пытался.

– Окей. Почему бы нам не успокоиться и не обсудить все? – предложил я, мелкими шажками отступая подальше, чтобы Вулкан меня не достал.

Я создан для любви, не для боя. Впрочем, ни для того, ни для другого. Я точно знал, что нельзя достойно выйти из боя с низкорослым дорги, который вряд ли когда-либо покидал дворец.

– Да, давай-ка, – прорычал Вулкан. – Обсудим, почему по твоей вине на репутации королевских питомцев пятно. Как ты позоришь нашу породу.

– Позорю? Я? Чем?

Теперь я был совершенно сбит с толку. Я же делал все, как сказала Уиллоу: не опаздывал к еде, вышагивал по дворцу с таким видом, словно имел полное право, гулял по территории. Что не так?

– Ты братался со *слугами.* – Последнее слово Вулкан произнес так, будто оно было одним из тех, которые Эми запрещала Джиму использовать при детях. – Мы видели, как ты гулял по саду с горничной. И говорил со старшим лакеем. Это должно прекратиться.

– Все из-за Сары? И Оливера?

Я затряс головой, по-прежнему ничего не понимая.

– Что плохого в общении с людьми?

Они с самого начала были куда добрее ко мне, чем собаки.

– Однако они не просто люди, не правда ли? – вступила Уиллоу.

Корги полулежала на боку и с неподдельным интересом наблюдала за нашим с Вулканом противостоянием. Было очевидно, на чьей она стороне.

Я обернулся на Кэнди. Та, съежившись, держалась ближе к корзине и тоже смотрела на нас. Но, судя по мордочке, сомнений у нее было куда больше, чем у Уиллоу.

– Сара милая, – упрямо сказал я. – Она добрая и дружелюбная. Выводит меня гулять и даже кормит нас почти всегда! С чего мне вообще не хотеть с ней дружить?

– Потому что она не одна *из нас*, – спокойно сказала Уиллоу.

– Из кого? Собак?

Все еще ничего не понимаю.

– Она – *служанка*, – прорычал Вулкан. – *Мы* – королевские питомцы. Часть королевской семьи. Мы правим этим дворцом.

– Именно, – согласилась Уиллоу. – Мы главные. Все остальные, кроме членов семьи, наши подчиненные. Они здесь, чтобы служить нам, а не чтобы быть нашими друзьями.

– Не понимаю, – признался я.

– Конечно, не понимаешь, – Уиллоу поморщилась. – Потому что ты не отсюда.

Та же заезженная пластинка.

– Может, и не отсюда. Но я хотя бы познакомился с теми, кто поддерживает порядок во дворце. И хотя бы не жду, что они будут открывать передо мной двери, кормить меня, выгуливать и убирать за мной, не получая ничего взамен.

– Но в этом и суть, – сказала Кэнди куда мягче остальных. – Они здесь именно для этого. Не они нам хозяева, а королева. Никто, кроме Нее, не имеет для нас значения.

– Что ж, я пока даже не встречал Ее. А как только встречу, Она, наверное, выставит меня отсюда. Поэтому я и дальше буду повсюду заводить друзей.

Я отвернулся от них, готовый уйти. С меня хватило этого бреда.

– Может, нам стоит постараться избавиться от тебя раньше, – Вулкан широко раскрыл пасть и, сверкая клыками, снова бросился вперед, целясь мне в бок.

Защищаясь, я ударил Вулкана лапой, но он не отступал. Каждый раз, когда мне удавалось увернуться от его пасти или когтей, он просто разворачивался и снова атаковал. Мне не хотелось ранить Вулкана, а если бы и хотелось, я понимал, что, стоит мне тронуть другую собаку, моему пребыванию в

Букингемском дворце настанет конец.

С другой стороны, и растерзанным мне быть не хотелось.

– Стой!

Я почти не сомневался, что это мой голос, но, оказалось, нет.

Крикнула Кэнди.

– Вулкан, не надо.

Она метнулась вперед и, дрожа, встала между дорги и мной.

– Не трогай Генри. Он не понимал, что делает что-то не так.

– Я все еще не понимаю, – проворчал я, и Уиллоу с интересом глянула на меня.

Видимо, вся эта ситуация ее крайне забавляла. Кэнди кинула на меня взгляд, говорящий «замолчи!», и я сделал, как сказано. Хоть раз.

– Смотрите, Генри ведь останется здесь ненадолго, да? Как только люди поймут свою ошибку, они узнают, что он не был одним из нас. Так какая разница, с кем он дружит?

Это прозвучало убедительно, но Вулкана, видно, было не пронять.

– Такая, – упрямо сказал он. – Что, если у людей появятся новые *идеи*? Этот его дружок, старший лакей, *всегда* завтракает в одно и то же время. Я каждый день вижу, как он возвращается именно тогда, когда *мы* выходим насладиться садами. Вчера он даже сказал нам «привет»! А вдруг он попытается погладить одного из нас? Или, хуже, станет считать нас *своими* животными?

– Да вы же и есть *животные*! – сказал я чуть громче, чем следовало.

– Но не *его*, – вклинилась Уиллоу, согласная с Вулканом. Разумеется. – Мы, видишь ли, слугам не принадлежим. И они не должны думать, что имеют над нами какую-либо власть.

Мне этого было не понять. Я был членом семьи Уокер, и для меня было естественно, что Джим и Эми ответственны за меня – так же, как за Джека и Клэр. Сама мысль о превосходстве дворцовых *собак* над людьми – кроме, конечно, королевы – казалась просто странной.

– Думаю, дело в том, – начала Кэнди, и все повернулись к ней, – что Генри – просто дружелюбный пес. Он дружит со всеми. Просто не может иначе.

– Почему ты его защищаешь? – подозрительно спросил Вулкан.

– Потому что… – вздохнула Кэнди. – Потому что он был добр ко мне, даже когда я не давала ему никакого повода.

Я потупил взгляд, немного смущенный.

– Тебе нужен был друг. Что еще мне оставалось делать?

– Не обращать внимания. Оставить одну. Притвориться, что я

не разбудила тебя своими кошмарами.

И Уиллоу, и Вулкан при этих словах виновато потупились. Я считал, что они просто проспали ночные кошмары Кэнди, но теперь засомневался.

– Да. Но я не мог так поступить, – признал я. – Это просто не в моей природе.

– Вот об этом я и говорю, – сказала Кэнди. – Видите? Он просто дружелюбный пес.

Вулкан неодобрительно фыркнул.

– Ладно. Но что до меня, чем скорее Она вернется домой и вышвырнет тебя на улицу, тем лучше.

– Понял, – ответил я.

Теперь я хотя бы знал, что не все собаки во дворце согласны с его мнением.

Уиллоу не сказала ничего, но с любопытством посмотрела на меня. Интересно, какой вывод из случившегося она сделала.

Но главное, я задумался, что сказала бы их хозяйка, Ее Величество, если бы узнала обо всем, что творилось в Ее отсутствие.

Тем вечером, когда мы уже свернулись в корзинах, я услышал, как Кэнди спрыгнула на пол и подошла ко мне.

– Хочешь – залезай ко мне, – тихо предложил я, когда она замерла рядом. – Если не волнуешься, что скажут твои *друзья*.

Глубоко вздохнув, Кэнди запрыгнула ко мне.

– Они просто не знают, что о тебе думать, – сказала она, когда устроилась, свернувшись рядом так непринужденно, будто мы спали в моей корзине каждую ночь.

– Я – собака, как и они, – ответил я. – Что тут такого сложного?

Кэнди тихонько засмеялась.

– Шутишь? Ты словно совсем из другого мира. Правда? Думаю, так и есть. Моя жизнь с Уокерами ни капельки не походила на их жизнь во дворце. Но мне казалось, что если бы собаки познакомились с Эми и остальными, то поняли бы, что наши хозяева не так различаются, как им кажется.

– Вы всегда жили только втроем? – спросил я. Может, если я пойму *их* лучше, то смогу помочь им понять *меня*?

– Нет, – тихо и грустно ответила Кэнди. – Раньше нас было много. Когда я только родилась…

– Подожди, ты родилась тут, во дворце?

– Конечно! – Кэнди была явно удивлена вопросом. – А где еще я могла родиться?

– Не знаю. Я просто…

Я не помнил, где жил до того, как Уокеры принесли меня к себе домой. Но *где-то* ведь было это место. Из разговоров Эми и Джима я знал, что у меня была мать и братья с сестрами.

– Королева разводит собак, понимаешь? Или, скорее, разводила раньше. Мы происходим из старинного рода королевских собак. Можно отследить многие поколения наших предков, – Кэнди коротко улыбнулась. – Думаю, поэтому они и имеют такое большое значение для нас.

– Семья имеет очень большое значение, – согласился я. – Просто, по-моему, не важно, человеческая ли она у тебя, собачья или еще какая-нибудь.

Я вспомнил о Соки. Как там она справляется без меня? Даже когда мы ссорились или кошка злилась, она все равно оставалась моей семьей. Мы были двумя животными, которые присматривали за Уокерами.

Сможет ли Соки справиться одна? Особенно сейчас, когда в доме все так странно.

Я надеялся, что да.

Вспомнив слова, которые сказала Уиллоу в мой первый день во дворце, я нахмурился.

– Уиллоу говорила, что королева больше не заводит животных. Что Монти – исключение.

– И?

– Но вас же было больше. И вас разводили здесь. Я имею в виду, должны же существовать и другие собаки. Старшие родственники, братья или сестры?

Кэнди улыбнулась, но ее глаза цвета шоколада остались грустными.

– Когда-то нас было много. Нас даже называли живым ковром, столько собак бегало перед Ней. Но сейчас осталось трое. Остальные умерли, одна за другой.

– Сочувствую.

Потерять друга – члена семьи – ужасно тяжело. Совсем не как с Джимом, который больше не живет дома. Это значит – никогда больше не увидеть того, кого любишь.

Я едва ли мог поставить себя на ее место. Точнее, не мог до тех пор, пока не попал во дворец.

Тем не менее я знал, что Уокеры смогут жить без меня. И пока они живы, останется надежда, что мы снова встретимся.

У Кэнди этой надежды не осталось.

– Холли ушла последней, – печально сказала Кэнди. – Она была корги, как Уиллоу – и ты. Они с Вулканом были очень близки. Он скучает по Холли больше всех нас. Не думаю, что после ее ухода Вулкан хоть раз бывал по-настоящему счастлив.

Я почувствовал неожиданный прилив сочувствия к Вулкану – не ожидал, что такое возможно. Неудивительно, что он сразу же так возненавидел меня: другой корги пришел и занял место его лучшей подруги. Монти ему, наверное, понравится еще меньше.

Однако это не меняло его отношения ко мне. Но хотя бы помогало мне понять его немножко лучше.

Кэнди зевнула, громко щелкнув зубами.

– Тебе нужно поспать, – сказал я.

Она кивнула.

– Доброй ночи, Генри.

Я ждал, что Кэнди спрыгнет и пойдет к своей корзине, но она прижалась ко мне и закрыла глаза.

Мгновением позже я сделал то же самое.

Кажется, у меня все-таки появился друг среди собак во дворце.

День шестой
Четверг, 19 декабря

Генри

Когда я проснулся на следующее утро, в голове уже созрел план, как свести Сару и Оливера.

Причем именно Вулкан нечаянно подал мне идею. Он сказал, что Оливер по утрам всегда выходит в свой перерыв примерно в одно и то же время и возвращается во дворец, когда собак выводят на прогулку после завтрака. Сара же гуляла со мной немного позже (не считая первого дня, когда мы встретились с Оливером в садах), потому что, учитывая ее расписание, так было удобнее.

Но сегодня утром нам надо выйти раньше. Только тогда она точно увидится с Оливером.

Во всех романтических фильмах Эми есть одно условие: мужчина и женщина должны оказаться в одно время в одном месте. (Ну, может, кроме фильма о Сиэтле.)

Я снова пожалел, что люди не понимают собачий язык. Жизнь стала бы гораздо проще, если б я мог просто объяснить Саре свои действия.

А поскольку она меня не понимала, приходилось искать другие способы открыть ей глаза.

Едва покончив с завтраком, я помчался на поиски Сары, надеясь сделать так, чтобы она освободилась раньше.

– Доброе утро, Генри! – радостно сказала она, проходя мимо меня с чистящими средствами. – Идем, сегодня мы с тобой начинаем уборку с Белой гостиной.

А какая из них – Белая? Во дворце столько комнат, что я не мог удержать их все в голове, хотя Сарины рассказы во время уборки немного проясняли картину. (Сейчас, например, я знал наверняка, что Комната с большими стульями на самом деле называется Тронным залом.)

Я семенил за ней, надеясь, что мы идем в помещение поменьше – не в гигантский Бальный зал или длиннющую Картинную галерею. Тогда Сара справится быстрее, и я подобью ее уйти на перерыв. В сады. Со мной и Оливером.

– Пришли, – сказала Сара, перешагивая через порог и ставя ведерко.

Я же замер на пороге.

Нет. Ни за что. Это совсем нехорошо.

Белая гостиная оказалась скорее золотой, чем белой. Золотые диваны и стулья, золотые узоры на стенах, золото на потолке и новые хрустальные канделябры с белыми свечами и золотой отделкой. И, самое главное, в ней было бесконечное количество

предметов декора и различной мебели – подсвечников, столиков, шкафчиков и зеркал, если вкратце, – и, я не сомневался, Саре предстояло оттереть от пыли их все. Это займет слишком много времени.

– Разве эта комната не потрясающая? – Сара покрутилась посередине. – Знаешь, я столько о ней слышала. Мой крестный Том рассказывал мне истории о дворце, когда работал здесь, и эта комната всегда была его любимой. На самом деле… – Она подбежала к одному из высоченных зеркал, расположенных по обе стороны от белого, с роскошной облицовкой камина, над которым висел большой портрет женщины в белом платье.

Сара подошла к шкафу под зеркалом, засунула руки под верхнюю полку и стала что-то нащупывать. Заинтересовавшись, что же она ищет, я подошел ближе посмотреть.

Как вдруг стена подвинулась.

Я отпрыгнул в сторону и спрятался за Сару. Меньше всего нам нужно было ломать стены во дворце, нас обоих за это точно вышвырнут отсюда!

– Ага! – воскликнула Сара, сияя от счастья. Вдруг она оглянулась через плечо, словно испугавшись, что кто-то мог видеть это.

– Именно там, где он и говорил! – прошептала моя подруга.

Раз Сара не беспокоилась, я решил, что и мне не стоит. Поэтому я шагнул вперед, в открывшееся за стеной пространство, ориентируясь по запаху.

Тут я понял, что подвинулась не вся стена, а только кусок с зеркалом и шкафом. Это была дверь!

За ней я увидел другую, но та оказалась запертой.

– Она ведет в личные комнаты королевы, – тихо сказала Сара. – Будь здесь открыто, ты бы, наверное, мог пройти, но мне, думаю, не стоит!

Закрыв секретную зеркальную дверь, которая скользнула на место так же легко, как и открылась, Сара стерла свои отпечатки.

– Крестный говорил, что, когда здесь ведутся приемы, члены королевской семьи сидят за этой дверью, в другой гостиной, поменьше, под названием Королевский чуланчик, и пьют легкие напитки. А потом, когда они готовы присоединиться к остальным – о чудо! – лакей нажимает на кнопку, и они появляются из ниоткуда! Представляешь, как это интересно?

Я впервые понял, почему Сара хотела работать в Букингемском дворце. Ее восхищали само здание, культура и люди, жившие здесь.

– Ну ладно. Вернусь лучше к уборке.

Сара взяла в руки метелку и принялась за работу. Я смотрел

на нее пару секунд – больше было и не нужно, чтобы прийти к очевидному выводу: у Сары ни за что не получится закончить с уборкой раньше, чем Оливер вернется с перерыва.

А значит, мне нужно быть убедительнее.

Немножко подумав, я развернулся и побежал из Белой гостиной в Комнату корги.

Для нового плана требовался реквизит.

– Ой, вот и ты, – сказала Сара, когда довольно скоро я вернулся. – Я уже думала – устал от моей болтовни о дворце и ушел по своим делам.

Она стояла на стуле и очищала украшения повыше, но теперь слезла и пристально на меня поглядела. Рассмеялась.

– Это намек? – показала Сара на мячик, который я держал в зубах.

Я гавкнул, что так и есть, тот выпал и покатился по полу Белой гостиной.

– Генри, если хочешь играть, то придется тебе подождать, пока я тут не закончу.

Со мной такое не сработает. Если мы не поспешим, у Оливера закончится перерыв и Сара упустит шанс с ним поговорить.

Окей. Шаг второй.

Оставив мячик у ног Сары, я метнулся из комнаты и добежал до двери в сад. Аккуратно стянул поводок с крючка и помчался обратно вверх по лестнице к Белой гостиной.

Сара *все еще* вытирала пыль. Мячик она подняла и положила в свое ведерко.

С поводком в зубах я прошел через всю комнату и опустил его у ее ног.

– Я недолго, Генри, – успокоила она.

И положила поводок к мячику.

Я завыл. Жалобно.

Порой приходится идти на крайние меры, не так ли?

Сара вздохнула.

– Тебе правда так сильно надо в сад?

– Ну… – она оглядела не до конца убранный зал. – Думаю, если ты решишь сходить в туалет прямо тут, в Белой гостиной, никому это не принесет пользы. Мне же и придется убирать за тобой!

Я видел, что она все еще колеблется. И заскулил в последний раз, чтобы склонить чашу весов.

Сара закатила глаза.

– Ладно. Только дай мне собрать щетки, и я выведу тебя. Но ненадолго! Мне придется убирать во время своего перерыва,

чтобы наверстать все, поэтому, надеюсь, ты ценишь, как я к тебе добра.

Я ткнулся носом ей в ногу, чтобы выразить, насколько благодарен. Конечно, она пока не знает, что сама будет благодарна еще больше.

Крепко держа мячик в руке, Сара пристегнула мне поводок у двери в сад. Я потянул ее дальше, направляясь к месту, где мы недавно столкнулись с Оливером. Надеюсь, его будет легко найти; сады огромны, но, думаю, я узнаю знакомый запах.

Я оказался прав. Почуял Оливера, только мы вышли из дверей, и бросился на дорожку по его следу, таща Сару за собой.

– Генри! Я думала, ты хочешь поиграть. – Она помахала мячом у меня перед носом.

Я заколебался. Мне *действительно* хотелось поиграть в мяч.

Но сделать Сару счастливой хотелось еще больше.

Не отрывая носа от земли, я побежал по следу, чтобы не потерять Оливера. Я так увлекся этой погоней, что не заметил, как мы приблизились к большому дереву посреди тропинки. Вдруг я рванулся в сторону и потянул Сару за собой, но та споткнулась о корень и…

Бац.

– Извините, ради бога! – выпалила она, поднимаясь на ноги – и с человека, в которого врезалась.

Я суетился вокруг Сары, и, пока пытался удостовериться, что все хорошо, поводок запутался у нее в ногах.

– Ничего страшного.

Упавший сел, и наконец я увидел его лицо. Оливер!

– Приятно видеть вас обоих здесь, – сказал он с немного ошалелой улыбкой.

– Оливер! – Сара протянула ему руку и помогла подняться. – Мне *ужасно* неудобно. Просто Генри так несся, а я за ним, и не смотрела, куда иду, а потом это дерево…

– Ничего страшного. Честно.

Судя по тону, Оливер был удивлен, но рад встрече.

Вообще-то, если подумать, все вышло идеально. Прямо как в сцене из какого-нибудь фильма Эми!

– Дворец такой громадный, а мы все равно часто сталкиваемся друг с другом, да? – спросила Сара.

Если б только они знали, какого труда это стоило. Но, кажется, Сара была слишком довольна результатом, чтобы даже слегка заподозрить, какую я сыграл роль.

– Причем в буквальном смысле!

Сара поморщилась.

– Я уже извинялась?

– Много раз. Можешь загладить свою вину, если позволишь присоединиться к вам на прогулке, – предложил Оливер. – Я часто ухожу на перерыв примерно в это время и, по возможности, стараюсь проводить его в садах.

– Конечно! – Сара подстроилась под его шаг, и они отправились дальше по дорожке, а я семенил позади, довольный собой.

– Честно, я тогда удивилась, что ты захотел со мной пообщаться, – призналась Сара, бросая на Оливера взгляд из-под ресниц. – Другие слуги не так хорошо ко мне относятся, ты мог заметить.

– Значит, они – идиоты, – сказал Оливер, пожав плечами. – С чего бы мне не хотеть стать твоим другом?

– Обычно их отталкивает мой акцент. Акцент или слухи, что на работу меня устроил крестный.

Оливер покачал головой.

– Так больше не делают. Это раньше получить работу во дворце можно было только через связи. Сейчас нужно доказать, что заслуживаешь ее.

– Так ведь лучше, ты согласен? – спросила Сара.

– Абсолютно, – согласился Оливер. – Хотя если б одного письма от твоего крестного хватало, чтобы получить место, не уверен, что я бы возражал!

Сара засмеялась.

– Думаю, да. Но… мне приятно думать, что я заслуживаю быть здесь, даже если другие не верят в это. Что я усердно трудилась и достойна работы во дворце. От этого я чувствую… не знаю.

– Гордость, – подсказал Оливер. – Так и надо. Довольно сложно получить место во дворце, и еще сложнее работать здесь хорошо. Ты *должна* собой гордиться.

– А ты? – спросила Сара. – Ты собой гордишься?

Оливер секунду размышлял и ответил:

– Да, – наконец сказал он. – Горжусь. Понимаешь, мне не всегда хотелось быть лакеем. Я мечтал стать пилотом. Но зрение подвело, и потому…

Он пожал плечами.

– Пришлось разработать план Б, – догадалась Сара. – Я это понимаю.

– Я довольно долгое время не знал, что делать со своей жизнью. Хотя, скорее, не знал, что делать с самим собой. А как-то раз увидел объявление, что во дворец ищут персонал, обучают профессии лакея, и ухватился за возможность. Это было несколько лет назад. Я сумел стать старшим лакеем – с помощью

твоего крестного. А теперь и подумать не могу о том, чтобы заниматься чем-нибудь другим.

– Ты прекрасно справляешься, – сказала Сара, сияя глазами.

Я впервые видел ее такой счастливой.

Я *знал*, что прекрасно все придумал!

– Так если Букингемский дворец для *тебя* тоже план Б, каким был план А?

Она перестала улыбаться.

– Ох, ну знаешь. Как у всех.

– Быть пилотом в «Красных Стрелах»? Или только я об этом мечтал?

– Только ты, – сказала Сара, хихикнув. – Нет… Я просто хотела обычных скучных вещей, каких хочет большинство в моей деревне. Счастливого брака, детей, по-прежнему помогать на семейной ферме и выигрывать викторины в пабе «Лиса и утка» вечером каждого понедельника. Говорю тебе, как у всех.

– Но что-то изменилось?

– Поверишь, если скажу: я поняла, что нам никогда не победить «Викторинных плутов»?

– Нет.

Я вдруг почувствовал, что Сара держит поводок крепче, чем обычно. Словно боится, что я убегу и оставлю ее.

Только я никуда не бежал. Мне хотелось услышать ее рассказ не меньше, чем Оливеру.

Они довольно долго шли в молчании и почти сделали круг по парку, только тогда она вздохнула:

– Скажем так, я поняла, что существует жизнь куда интереснее, чем та, что была у меня дома. Гораздо.

Оливер по-прежнему молчал, видимо ожидая от Сары еще каких-то слов, но та так ничего и не добавила.

– Какие бы перемены ни привели тебя в Букингемский дворец, я рад, что они произошли.

– Я тоже, – улыбнулась Сара.

Идеально. Прямо как в фильмах.

Сара посмотрела на часы, и волшебство мгновения прошло.

– О господи! Мне пора обратно, – взволнованно воскликнула она.

– Мне тоже, – Оливер в свою очередь взглянул на часы, и глаза у него округлились. – Я не заметил, сколько времени мы тут провели!

– И я.

– Наверное, потому что с тобой так приятно общаться, – улыбнулся Оливер.

– Может, мы… еще как-нибудь поболтаем? – спросила Сара,

покрывшись румянцем.

– Разумеется, – согласился Оливер. – Вообще-то, если ты вечером не занята, в нашем кинотеатре ночь киноклуба. Показывают…

– «Чудо на 34-й улице»! – закончила за него Сара. – Это один из моих любимых фильмов. Я с радостью пойду.

– Со мной?

– С тобой, – улыбнувшись, подтвердила Сара. Лучше не придумаешь! Если что-то и поможет мне свести эту парочку, так это именно хороший рождественский фильм!

Я отправился обратно во дворец, довольный собой. По-моему, больше мне тут делать нечего.

Вот что люди делали бы без нас, собак, если бы мы время от времени не приводили их жизни в порядок?

Эми

Сидя в баре, Эми озиралась по сторонам: разноцветные напитки, старый доктор Эванс в шапке Санты со свисающей омелой, друзья, весело проводившие время.

Люк умудрился превратить их обычно скучный рождественский ужин во что-то куда более интересное, забронировав отличное местечко – интересный паб, совсем недавно открывшийся в городе, о котором Эми даже не знала; здесь был темный зал с большими столами на много человек и танцплощадка рядом с рождественским караоке у барной стойки. Все нашли себе что-нибудь по душе, даже доктор Эванс, который пытался уболтать барменшу на поцелуй. Может, он и выглядит на сто с небольшим, но, видимо, еще не потерял хватку.

Эми сомневалась, стоит ли идти, хотя Люк и уверял ее, что нужно развеяться хоть на один вечер. Да и не только он – *все* ее друзья и коллеги будто сговорились затащить ее сюда. Они были очень убедительны. Особенно Ширин, которая, замучившись с кишечным гриппом Флоры, отчаянно мечтала оставить ее на попечение мужа и вырваться из дома на несколько часов.

«Сейчас Рождество! Мы не ходили никуда месяцами. В чем смысл терпеть выходки семнадцатилетнего парня, если он не может одну ночь посидеть с сестрой? Когда ты в последний раз делала что-нибудь для себя?»

Но больше всего ее убедила деликатная поддержка Люка: «Просто погуляйте один вечер, Эми. Забудьте о проблемах на несколько часов и отдохните».

И вот она здесь. Отдыхает. По крайней мере, до тех пор, пока реальность снова ее не настигнет.

– Будете петь? – Люк присел на соседний стул и пододвинул ей бокал белого вина. – Они только что запустили караоке. Я принес подборку песен…

Он помахал перед ней толстой папкой со всевозможными песнями, которые можно было заказать, и продолжил:

– Одних рождественских здесь целая страница. Кажется, Ширин и Нейтан планируют спеть «Милая, снаружи холодно» дуэтом.

– Не помню, когда я в последний раз пела под караоке.

Ей безумно нравилось подпевать, хотя Джим всегда смеялся над ее попытками. Пение делало Эми счастливой. Особенно если это были рождественские песни. А последний раз, когда они с Клэр распевали в машине праздничную классику, а Джек закатывал глаза и притворялся, что не напевает под нос мелодию

вместе с ними, был одним из самых радостных событий в этом году.

Может, стоит снова порадовать себя?

Люк открыл список и провел пальцем по странице с рождественской подборкой.

– Как насчет этой?

Он указал на знакомую ей песню, и Эми заулыбалась.

– Наверное, мне не стоит, – сказала она, потому что все еще не могла отбросить сомнения.

Вдруг Джим прав? Вдруг она только выставит себя дурой?

– О, я уверен, что стоит, – ответил Люк. – Я сейчас же пойду туда и внесу ваше имя в список.

– Ну ладно, – согласилась Эми, покорившись неизбежному.

Но едва Люк вышел из-за стола, телефон на столе зазвонил.

Джим.

Имя ее бывшего мужа высветилось на экране, и на миг, растерявшись, она даже подумала, что он собирается возмутиться по поводу ее пения на людях.

Маловероятно.

Эми отошла от стола, за которым друзья опустошали вторую бутылку вина. Она крепко прижимала телефон к уху, стараясь сквозь шум бара расслышать бывшего мужа.

– Эми? Где ты?

– Джим? Что случилось?

Себя она слышала, только когда кричала, ей оставалось лишь надеяться, что Джим разберет ее слова.

Нужно было выйти. Эми знаками показала Люку, что идет на улицу позвонить; петляя, пробралась сквозь толпу к входной двери и вышла в колючую зимнюю ночь.

С чего Джиму вообще звонить *ей*? Какие бы проблемы у него ни были, ее они больше не волнуют.

– Ты знаешь, где сейчас наши дети?

В тишине улицы она вдруг так громко и четко услышала злость в голосе Джима, что у нее сердце екнуло. Только не дети. Дети – все еще – их общая проблема.

– Дома, – сказала она, моля Бога, чтобы так и было. – Джек согласился посидеть с Клэр, чтобы я могла пойти с коллегами в паб отмечать Рождество.

– Ну так сейчас их там нет, – ответил Джим. Теперь сердце у Эми упало куда-то в желудок, она прислонилась к стене паба, чтобы устоять на ногах.

– В каком смысле?

– Я сейчас проверил страницу «По следам Генри». Туда пришло сообщение от какого-то подозрительного типа, который

утверждал, что нашел Генри, и спрашивал про награду.

– Да, еще вчера утром, – вспомнила Эми. – Я сама его не читала: пыталась заставить ребят выйти в школу.

И пела в машине.

– А ты не думала, что это достаточно важно, чтобы сказать мне?

– Это твой аккаунт, Джим! Я думала, ты проверяешь его, раз тебе это важно.

Теперь что, она крайняя? Сам же придумал создать эту дурацкую страницу!

– Кроме того, я запретила Джеку и Клэр отвечать, пока они не поговорят с тобой. Там что-то было нечисто.

– Со мной они не говорили, – сказал Джим. – Вместо этого Джек сегодня написал этому типу и договорился о встрече.

– Он знал, что меня не будет и я не смогу его остановить.

Эми повернулась и прислонилась лбом к кирпичной кладке, чувствуя, как где-то внутри нарастает паника.

– Черт возьми. Ты знаешь, где они?

– К счастью, да. За тобой заехать?

– Да, пожалуйста.

Эми продиктовала ему адрес паба, отключилась и пошла внутрь, чтобы сказать друзьям, что веселья ей не видать до следующего года.

Люк встретил ее у самой двери.

– Что случилось?

– Дети. Они сбежали, чтобы разыскать Генри, и, возможно, пошли по ложному следу.

Она поежилась, представив их одних ночью на улице. *Почему* они не могли подождать?

– Хочешь, я отвезу тебя к ним?

Веселый, расслабленный Люк, который хотел петь с ней под караоке, вдруг превратился в серьезного врача, каким она знала его по работе.

– Спасибо, но Джим уже едет, чтобы забрать меня.

Люк кивнул.

– Ладно, хорошо. Принесу тебе вещи, а ты жди его машину снаружи.

Кивнув, Эми посмотрела вслед Люку, представив, всего на миг, мир, в котором эта ночь могла закончиться совсем по-другому.

Может, даже под омелой.

Поездка, как Эми и ожидала, выдалась тяжелой. Сидя молча, в напряжении, она поняла, что – после двадцати лет вместе – им

абсолютно нечего сказать друг другу, кроме «это твоя вина». Что было несправедливо и никак не помогало.

Поэтому Эми молчала и смотрела в окно, надеясь увидеть хоть какой-то знак, что с детьми все в порядке.

Через какое-то время навигатор известил о прибытии в пункт назначения, и Джим затормозил.

– Думаю, мы на месте.

Эми посмотрела через окно на темную пустую автобусную остановку.

– Как они вообще могли согласиться на встречу здесь?

Или вообще где угодно. Сегодня вечером все как-то глупо. Ее дети всегда вели себя благоразумно. Что могло заставить Джека взять сестренку с собой, отправляясь в такую даль ночью на встречу с незнакомцем?

Джим припарковался на свободном месте у тротуара, они вышли и внимательно осмотрелись в поисках каких-либо следов людей. Или собак.

– Эй!

Эми и Джим переглянулись, услышав крик.

– Это Джек, – сказала Эми и побежала на звук.

Джим последовал за ней, нагнал ее и держался рядом все время, пока они бежали.

– Там, – задыхаясь, показал он.

Впереди Эми увидела спешившего прочь худого человека, а неподалеку – еще двоих, поменьше ростом. Джек и Клэр. Это точно они!

– Вернись! – кричал Джек. – Это мои деньги! Клэр тянула его за рукав.

– Давай просто пойдем домой. Джек, я хочу домой.

– Но он забрал мои деньги.

– Джек! – громко позвал Джим, когда они подошли ближе.

Оба ребенка испуганно обернулись и вытаращили глаза. «Да, – подумала Эми, – они понимают, что сейчас будет».

– *Что* ты делаешь? – Джим остановился на расстоянии шага от них, нависнув над Джеком, словно тому снова было шесть и он рисовал на стенах.

Клэр подбежала к Эми и обхватила ее руками. Эми крепко прижала дочь к себе, говоря, что все в порядке, а сердце у самой по-прежнему рвалось из груди.

– Он сказал, что нашел Генри, – ответил Джек.

Эми видела мольбу в его глазах – как сильно он хотел, чтобы отец его понял. Но Джим не смотрел. И Эми не знала, можно ли винить его на этот раз.

– Ты привел Клэр – свою двенадцатилетнюю сестру – в

непонятное место, посреди ночи, на встречу с человеком, которого вы не знаете. И который хочет денег.

Голос Эми срывался, она едва сдерживала злость.

– Не будем о том, как это глупо и опасно для *тебя* самого; тебе почти восемнадцать, и я поняла – ты хочешь совершать свои собственные ошибки. Хотя было бы прекрасно, если б ты мог удержаться и не делать настоящие глупости, из-за которых тебя могут *убить*…

– Суть вот в чем, – перебил Джим. – Ты поставил под угрозу не только свою жизнь и здоровье. Но и Клэр.

Джек выглядел пристыженным. Нет, даже больше – он был в ужасе. Словно ему в голову раньше не приходило, что риск вообще существовал.

Хотя разве не в этом суть взросления? Учиться оценивать последствия.

– Я запретила тебе писать тому человеку, пока не поговоришь с отцом, – напомнила Эми. – Но ты решил, что знаешь лучше. Не так ли?

– Я думал… Я думал, у него Генри, – пролепетал Джек. – И думал – если мы будем тянуть, то потеряем единственный шанс вернуть его.

– Он хотел денег, так? – предположил Джим. – Награду за найденную собаку?

– Да.

– А где ты их взял?

Джек отвел глаза, чтобы не встречаться взглядом с отцом.

– Я… я снял деньги со своего сберегательного счета. Сотню фунтов.

Там и было не намного больше, вспомнила Эми. Он откладывал на новую гитару. До того как началась вся эта история с Джимом, Эми надеялась, что на Рождество они добавят сыну денег и тот купит инструмент.

Теперь на это нет никаких шансов.

– Он забрал их? – спросила она.

Джек кивнул.

– И у него даже не было Генри. – Клэр говорила приглушенно, потому что Эми прижимала ее к себе, но в ее голосе все равно слышались слезы.

Эми подняла глаза на Джима, и тот ответил ей взглядом, полным безысходности, подавляемой злобы и разочарования. Такая смесь никогда не сулила ничего хорошего.

– Пойдем, – сказала Эми. – Нам всем надо домой.

– Я вас подброшу.

Слова Джима резко напомнили, что они больше не одна

семья.

Эми сомневалась, станут ли они когда-нибудь снова полноценной семьей. Без Генри – вряд ли.

Генри

– Куда ты идешь? – спросила Уиллоу, когда я выпрыгнул из корзины вечером.

Думаю, после хорошего послеобеденного сна я могу не спать всю ночь. И у меня были планы.

– Ухожу, – неопределенно ответил я.

Уиллоу лениво наблюдала сверху, как я иду к двери.

– Уходишь из комнаты, из дворца или из наших жизней?

Она старалась сделать вид, что ответ не так важен для нее, как было на самом деле.

– Вернусь попозже, – ответил я. – Извини, если разочаровал.

Мне пришлось постараться, чтобы вспомнить дорогу к дворцовому кинотеатру. Я знал, что мы шли от почтового отделения, поэтому решил начать поиски оттуда.

Приблизившись, я понял, что можно просто идти на шум. Там уже собралась толпа слуг, они выстроились в очередь, чтобы занять места, все до единого болтали и ели попкорн. Видимо, ночь кино была большим событием, даже если показывали старый фильм.

Прокладывая путь между ногами, я направился по следу Оливера и Сары, хотя сильные запахи попкорна и других людей сбивали меня.

Наконец я нашел своих друзей в начале очереди, они как раз собирались войти в зал. Потерся Саре о ноги, та удивленно посмотрела на меня и хихикнула.

– А вот и мой спутник пришел, – сказала она. И вдруг округлила глаза. – Я не о том, что мне нужен спутник! В смысле я не ожидала…

Оливер наклонился и взял меня на руки.

– Ни одна другая дворцовая собака не разрешила бы мне сделать так, понимаешь? Они не позволяют никому, кроме королевы, прикасаться к себе без крайней необходимости.

– Генри – особый случай, – сказала Сара. – Думаю, он взялся приглядывать за нами.

– Я тоже так считаю.

Они смотрели друг на друга у меня над головой, пока я не потянулся и не лизнул щеку Оливера, чтобы напомнить, что я все еще тут.

– Похоже, наша очередь, – сказал Оливер. – Генри, ты тоже планируешь посмотреть?

Я гавкнул, и Оливер опустил меня на землю, чтоб я мог идти перед ними.

В кинозале было темно, стояли ряды глубоких красных кресел. Меня никогда не пускали в *настоящий* кинотеатр – собакам вообще туда нельзя, но, судя по передачам, которые я иногда смотрел с Клэр, так они и выглядят.

Оливер подвел Сару к ряду где-то в центре зала, они стали садиться, и я запрыгнул на кресло между ними. Немного покрутился на месте, чтобы устроиться поудобнее, и опустил голову на лапы. Мне ужасно хотелось посмотреть хорошее рождественское кино, но я решил, что могу и наслаждаться фильмом, и продолжать наблюдать за друзьями.

Но не успел я расслабиться, как послышался шепот. Я поднял уши и прислушался к болтовне с задних рядов. И с передних, если на то пошло.

– С кем это Оливер?

– Зачем он привел ее?!

– Слышали, как она разговаривает? Акцент просто уморительный.

– Не думаю, что она продержится здесь и полгода.

И вдруг, среди этих голосов:

– Погоди, они что, притащили с собой корги Ее Величества?!

Сара беспокойно заерзала на месте, и Оливер, протянув руку надо мной, сжал ее ладонь.

– Не обращай на них внимания, – прошептал он.

– Это становится все сложнее. – Сара сделала попытку улыбнуться. Даже в темноте я видел, как ей грустно.

– Они что – держатся за руки? – услышал я за спиной.

Оливер повернулся назад с серьезным видом. – Я ведь сижу прямо здесь, понимаете?

И у меня есть уши. Поэтому, если возникли вопросы… вперед, спрашивайте.

Никто не сказал больше ни слова.

Сара благодарно ему улыбнулась, а я, снова улегшись, с облегчением начал смотреть начальные титры. Но Сара погладила меня, и в темной комнате со знакомым запахом попкорна мне показалось, будто я вернулся домой. Домой – в тепло, безопасность и любовь. К своей семье.

Я улыбнулся, закрыл глаза и стал предаваться приятным ощущениям…

– Генри, Генри… – нежный голос Сары разбудил меня, и я понял, что свет снова горит.

Фильм, наверное, закончился. Я пропустил его. Как жаль. Но Саре с Оливером он, кажется, очень понравился; они оба улыбались мне, глядя сверху вниз.

Я встал и немножко встряхнул головой. Видимо, кинотеатры – замечательное место, чтобы подремать, особенно если не планировал.

– Нужно вернуть нашего друга в Комнату корги, – сказал Оливер. – Его хватятся.

В это верилось с трудом, но я все равно пошел за ними из зала, слушая, как они обсуждают фильм.

– Я и забыла, как сильно люблю его, – сказала Сара. – То есть помнила, что он великолепен – в детстве даже был одним из моих любимых. Но сколько же деталей стерлось из памяти!

– Это классика, – согласился Оливер. – Иногда мне кажется, что, пересматривая фильм заново спустя долгое время, мы видим его в совершенно новом свете. Заново его оцениваем.

– Думаю, ты прав.

– А с людьми порой выходит совсем наоборот, – говоря это, Оливер помрачнел, и Сара обеспокоенно посмотрела на него.

– Так и случилось с твоей бывшей? – спросила она.

Оливер пожал плечами.

– В некотором роде.

– Расскажешь?

На секунду мне показалось, что Оливер скажет «нет». Но тот вздохнул.

– Мы встречались почти три года, когда я сделал предложение. Она тут же согласилась, и мы сразу стали планировать свадьбу. Но… у нее была намечена поездка с друзьями. Уезжали в Австралию на месяц, а я думал, что буду сдавать вступительные экзамены. Ты, наверное, догадываешься, чем это закончилось. Вернувшись из Австралии…

– Она перестала быть той самой для тебя?

– Боюсь, наоборот, – Оливер чуть улыбнулся. – Я перестал быть тем самым. Она увидела мир, и там оказалось множество мест куда интереснее, чем все, что я когда-либо показывал ей. Моя девушка не хотела больше быть привязанной к одному месту, даже если для этого нужно было порвать со мной. Вернула кольцо и через несколько дней отправилась в Таиланд.

– Сочувствую, – сказала Сара. – Тебе не хотелось уехать с ней?

Оливер покачал головой.

– Я хотел не такой жизни. Не понимал тогда *какой*, но знал, что не буду счастлив, просто колеся за невестой по всему миру. Хотел добиться чего-то. Заниматься тем, что мне нравится, кажется важным.

– Так и случилось, – улыбнулась ему Сара.

Он улыбнулся в ответ.

– Случилось. Поэтому я думаю, что все обернулось к лучшему. А ты?

– Конечно.

Как и я. Если бы Оливер уехал в Таиланд, он бы не работал здесь и не встретил Сару. В общем, ничего хорошего.

– Раз теперь ты знаешь все мои самые большие секреты, что насчет тебя? – Оливер ткнул Сару локтем.

– В смысле?

– Ну я не верю, что ты пошла работать во дворец, потому что поняла, что тебе не светит выиграть викторину в пабе…

Сара улыбнулась, глядя на ковер, по которому мы шли.

– Ну я и не думала, что ты поверишь.

– И? Ты готова поведать мне настоящую причину, почему уехала из дома?

Оливер говорил добрым и нежным голосом, и я понимал, что он спрашивает не из праздного любопытства. Он хочет знать, как помочь Саре. И я хочу.

Сара тоже, должно быть, услышала это в его вопросе, потому что начала говорить – так, как говорила со мной, когда убирала комнаты во дворце.

– Я упоминала своего бывшего, Дэвида, когда мы встретились на почте?

– Говорила, что все закончилось не очень, – сказал Оливер.

– Да. Все шло не очень и в середине, и под конец. Начиналось… хорошо. Тогда он был романтичным, добрым, щедрым. Я правда верила, что Дэвид меня любит. Наше будущее было как на ладони.

Как у меня с Уокерами, понял я. До того как Джим ушел. Прежде чем я потерялся.

– Что изменилось? – спросил Оливер.

– Не знаю, – ответила Сара. – Не знаю, я изменилась или он, или мы оба, и, может, просто не хотели признавать этого. Перемены происходили так медленно, что были незаметными. Но однажды… я словно проснулась. Проснулась после кошмарного сна и поняла: все его слова обо мне – неправда. Я не обязана оставаться с ним и слушать это. Поэтому я ушла.

– А что он говорил? – спросил Оливер напряженным, мрачным голосом, сжав кулаки.

Словно старался удержать себя в руках.

Кажется, он хотел укусить этого Дэвида так же сильно, как я.

Сара пожала плечами.

– Ох, всякое. Критиковал мой вес, говорил, что мне надо похудеть на несколько фунтов. Или размеров. Говорил – меня ничего не ждет, я всегда буду никем. Не даю ему развиваться.

Говорил, я… – ее голос задрожал. – Я никто без него.

– Но это не так, – Оливер взял ее за руки и крепко сжал.

Я отпрыгнул в сторону, чтобы они меня не раздавили. Мы остановились на месте.

– Смотри, сколького ты добилась.

– Протерла от пыли кучу подсвечников?

– Ты нашла работу, которая тебе подходит, которая тебе интересна, и сделала все необходимое, чтобы получить ее, – поправил Оливер. – И не забудь, что говорят: если поработал во дворце, будешь везде востребован. Ты можешь работать в этой сфере где угодно. Пятизвездочные отели, поместья миллионеров. Да где захочешь.

– А если я не хочу уходить? – Сара посмотрела ему прямо в глаза.

В тусклом свете коридора она казалась такой хрупкой. Даже испуганной.

Мне хотелось прыгнуть вверх и защитить ее, но я знал, что не могу. Я должен был поверить, что Оливер сможет приглядывать за ней не хуже меня, иначе я никогда не смогу ее покинуть.

– Тогда, уверен, тебя ждет большое будущее здесь, – сказал Оливер. – Ты сможешь добиться всего, о чем мечтаешь. Я просто знаю это.

– Никто никогда не говорил мне такого, – выдохнула Сара.

– Значит, я должен не забывать повторять это почаще.

– Почему ты так веришь в меня? Ты же едва меня знаешь.

– У меня хорошее чутье на людей, – ответил Оливер. – Обычно. Я просто вижу, что ты особенная.

– Я думаю, ты тоже очень даже особенный, – снова улыбнулась Сара.

Неважно, какое кино я проспал. Эта сцена была прямо как в фильмах, которые смотрела Эми.

Да, ни один пес не придумал бы план лучше!

День седьмой
Пятница, 20 декабря

Генри

Я надеялся, что, до поздней ночи просидев в кино, утром смогу расслабиться. Оливер и Сара – взрослые люди. Дальше они, наверное, справятся и сами. Я заслужил утренний отгул.

Но, видимо, во дворце на меня были другие планы.

– Поторапливайтесь, собачки, – сказал лакей, открывая дверь. – Быстро завтракаем и в путь.

– Куда мы? – спросил я Уиллоу, пока Вулкан был занят едой.

Та с ленцой повела головой.

– Трудно сказать. Мы всегда нарасхват, знаешь ли. Может, нас ждут на мероприятии во дворце, а может, в другом месте. Полагаю, «в путь» означает, что в другом месте.

– За пределами дворца?

Туда-то мне и надо. Но только в совершенно конкретное место – туда, где живут Уокеры.

Но я подозревал, что нас везут не туда.

– Может, Она вернулась, – предположила Кэнди. – Или нас доставят к Ней! Обычно Она *всегда* берет нас с собой.

– Кроме того раза, когда у Вулкана случилось расстройство желудка, – сказала Уиллоу. – И Ей пришлось взять Новую Собаку.

Все посмотрели на меня – не ту новую собаку. – То есть, возможно, мы отправляемся к ним? – спросил я.

Звучит плохо. Звучит так, словно я вот-вот вылечу отсюда; а если меня выбросят на улицу там, где бы королева ни находилась, возможно, я никогда не найду путь домой, а Уокеры не узнают, где меня искать.

Мне вдруг расхотелось завтракать.

Все утро я жутко переживал. Нас отнесли в машину в самых удобных переносках, в которых я когда-либо ездил, и мы умчались из дворца.

Я встал на задние лапы и, опершись о стенку своей переноски, посмотрел через решетку в окно. Спереди дворец казался даже более впечатляющим – и знакомым. Я прямо видел, как Эми, Джек и Клэр стоят у ограды и машут нашей машине, когда мы ехали мимо.

Но, конечно, их не было.

Дворец остался позади, и я прилег. Раз уже днем я могу оказаться на улице какого-нибудь незнакомого города, надо попытаться отдохнуть впрок.

Мне понадобится вся энергия, просто чтобы выжить.

– Эй, Генри, а *ты* как думаешь, куда мы едем? – Кэнди прижалась к стенке своей переноски, чтобы поговорить со мной

через решетку.

Она прямо захлебывалась от восторга от одной идеи уехать куда-нибудь на весь день.

– Если б я знал, – ответил я.

За окном мимо нас проносились улицы Лондона. Витрины, остановки, целый мир, который я теперь не мог исследовать.

Как вдруг машина остановилась.

– Мы на месте, – шепнула Кэнди.

– Только где оно, это место? – Вулкан вытянулся, чтобы посмотреть в окно, но, кажется, то, что он увидел, не дало ему никаких ответов.

Вот бы Саре позволили ехать с нами. Или Оливеру. Они бы не оставили меня неизвестно где совсем одного.

Незнакомый человек из дворца в обычном для слуг черном костюме и красной бабочке открыл заднюю дверцу машины, надел на нас поводки и помог выбраться из переносок. Я с любопытством оглянулся по сторонам. Пока мы на обыкновенной лондонской улице. И никаких следов Ее Величества.

Сейчас я расценивал это как хороший знак.

– Вперед, за мной, – скомандовал наш сопровождающий и повел нас по тротуару к двери, окрашенной в темно-синий цвет.

На двери висела табличка. Прочитать ее я не сумел, но изображение собаки в ванне все проясняло.

О нет. Такого ужаса я и представить не мог.

Нас привезли в собачий салон.

Эми несколько раз пыталась отвести меня в такой, когда я был младше. Когда она не так хорошо меня знала. Впрочем, салон рядом с нашим домом выглядел и вполовину не так презентабельно, как тот, в который водили дворцовых собак.

Только мы зашли, хозяйка салона перевернула табличку на двери, видимо давая остальным клиентам понять, что для них заведение закрыто. Согласно моим представлениям, королева не могла хотеть, чтобы ее собак стригли и завивали рядом с обычными, да и сами Уиллоу, Вулкан и Кэнди не согласились бы.

– Привет, Квентин, – широко улыбнулась хозяйка. – И вам четверым привет!

– Спасибо, что смогла принять нас сегодня, Жасмин, – сказал Квентин, дворцовый служащий.

«Он выглядит как настоящий Квентин»[2], – подумал я. В местном парке я как-то раз познакомился с псом по имени Малыш, и тот выглядел совсем не под стать кличке – гигантский, неповоротливый, слюнявый доберман. Но Квентин казался именно Квентином.

– Знаю, мы обычно договариваемся, чтобы вы приехали к нам,

но на сей раз дело срочное, нам нужно на фотосессию.

– Никаких проблем, – сказала Жасмин. – Всегда приятно ухаживать за превосходными собаками Ее Величества.

– Отлично. Значит, оставляю их вам? – спросил Квентин.

Жасмин кивнула.

– Дайте нам несколько часов, и эти четверо будут причесаны, надушены и готовы к съемке крупным планом.

Хм-м… Ее слова как-то не пришлись мне по душе.

– Не волнуйся, – шепнула Кэнди, которую вели к другому парикмахеру. – Тебе понравится. Это чудесно!

Для нее, может, и так. По моему опыту, собачий салон – это мыло в глазах, быстрая стрижка триммером и замечания о состоянии моих ногтей – или когтей, как я предпочитаю их называть.

Но я догадывался, что опыт дворцовых собак отличается от моего.

Жасмин отвела меня в отдельную комнату, где уже набиралась ванна.

– Так, посмотрим, – сказала она, разглядывая полку, на которой стояло множество разных бутылочек. – Какой же ты пес? Цитрусовый? Цветочный? Нет… наверное, древесный.

Она выдернула из сотен бутылочек одну и капнула немного ее содержимого в ванну. Поверхность воды тут же покрылась пузырями.

– Не беспокойся, – сказала Жасмин. – У нас есть шампунь и кондиционер для твоей шерстки.

Должен признать, в эту ванну мне хотелось запрыгнуть куда больше, чем в предыдущие.

– Теперь давай, – позвала Жасмин. – Забирайся.

Вода оказалась идеальной температуры, а мягкие пузырьки не раздражали кожу. Даже запах мне нравился – не слишком резкий, не то что в салоне, куда меня водила Эми. (После нескольких попыток она сдалась и просто купала меня дома. Я, скажем так, сумел выразить свое неудовольствие.) После того шампуня я несколько дней вонял цветами и ужасно смешил этим Соки.

После купания меня высушили, расчесали и постригли, причем я не ожидал, что это будет так расслабляюще. Когти подрезали, не отпуская никаких комментариев по поводу их состояния.

В целом мне даже понравилось.

Но я почувствовал приступ паники, когда Квентин посмотрел на нас четверых сверху вниз, кивнул и сказал:

– Время ехать дальше.

– Они говорили что-то о фотосессии, – сказала Кэнди, когда нас несли обратно в машину. – Перед ними нас обычно приводят в порядок.

– Фотосессии?

Я, конечно, уже слышал это слово, но слышать не значит понимать.

– А как это?

– Обычно мы едем куда-то с Ее Величеством, нас рассаживают вокруг Нее в глупых позах и фотографируют, – объяснила Уиллоу. – Кто знает, где это будет сегодня.

Добирались мы долго. И с каждой секундой я нервничал все сильнее.

Если мы едем на встречу с королевой, то для меня это конец. Не думаю, что мой педикюр долго продержится на улице.

Наконец автомобиль съехал с главной дороги и направился в сторону какого-то здания. На вид оно было не меньше Букингемского дворца, но из серого камня, со странными надстройками, торчащими на стенах.

– Виндзорский замок, – счастливо воскликнул Вулкан. – Думаю, это – мой самый любимый дом из всех.

– А сколько их у вас? – недоверчиво спросил я. Я-то считал, что Букингемского дворца на троих собак более чем достаточно.

Уиллоу наморщила лоб.

– Я точно не знаю. Мы живем в Виндзорском замке и Букингемском дворце.

– Вдобавок в Сандрингемском и в замке Бал-мор, – добавила Кэнди.

– А тот, который в Ирландии, считается? – спросил Вулкан.

– Хиллсборо? Полагаю, да, – ответила Уиллоу. – Это уже сколько?

– По-моему, мы забыли несколько, – задумалась Кэнди.

– Ладно, не важно.

У меня голова разболелась от попыток представить, сколько дворцов в распоряжении у этих собак.

– Скажем так: домов много.

– Но этот – мой любимый, – повторил Вулкан.

«Понятно почему», – подумал я, когда мы поехали по подъездной дороге к Виндзорскому замку. Вулкану нравилось считать себя грозным большим псом. Это здание *совершенно* отвечало его вкусу – со своими серыми пугающими каменными стенами, которые увенчивались зубцами. Оно выглядело как настоящий замок из старых книг Джека о средневековых войнах и всем таком. (В одиннадцать у него был период, когда он мечтал стать рыцарем. Я считался его верным конем.) Конечно, Вулкану

нравилось тут.

Особенно учитывая, что, если Ее Величество здесь, он скоро от меня избавится.

Мы въехали на территорию замка и остановились перед входом. Там стояла группа людей – один держал тяжелую, дорогую с виду камеру и сумки, видимо, с оборудованием для съемки.

Квентин вылез из машины и, пожав им руки, обошел ее, чтобы выпустить нас.

– Так, куда их отвести, Тесса? – спросил Квентин, пристегнув нам поводки.

– В журнале хотят показать по-настоящему полную картину празднования Рождества в Виндзорском замке, во всем его великолепии. Поэтому нужно много кадров с внутренним декором и несколько фотографий фасада – празднично украшенного и в то же время холодного.

Тесса, руководившая фотосессией, сверилась с планшетом.

– Мы думали поснимать собак на Длинной аллее и в самом замке под елками, в отражении необычных елочных игрушек, как-то так. Может, даже под омелой. Вообще, мы хотим использовать свой реквизит…

Один из спутников Тессы быстро поднес и открыл большую сумку. Тесса достала оттуда сверкающую золотую корону. Присела и надела ее мне на голову.

– Что думаете?

– Идеально.

Квентин улыбнулся, по-моему, немного натужно. Но его улыбка не шла ни в какое сравнение со взглядом, которым Вулкан наградил меня, когда Тесса надела ему на голову колпак Санта-Клауса с белым пушистым помпончиком.

– Отлично! – воскликнула Тесса, сияя от радости. – Давайте начнем.

– Какое счастье, что Ее Величества здесь нет и Она этого не видит, – пробормотал Квентин себе под нос, когда вел нас к замку.

Мы с Кэнди быстро переглянулись, и я почувствовал, что настроение у меня поднимается.

– Ее здесь нет, – сказал я.

– Кажется, да, – улыбнулась мне Кэнди. – Видимо, твоя тайна еще какое-то время останется нераскрытой, Генри.

Вдруг эта фотосессия показалась мне *прекрасной* идеей.

Оказалось, что позировать довольно скучно. Фотограф – Хуан – все время кричал «нет, нет, нет!», когда кто-то из нас двигался (окей, обычно я. И обычно меня просто отвлекали особенно

блестящие украшения). Я не ожидал увидеть в Виндзорском замке такое количество елок, гирлянд и огней.

Но больше всего мне понравилось, когда Тесса, возможно чувствуя, что Хуан уже на взводе, предложила поснимать нас в парке.

Тесса поправила мне корону (которая то и дело сползала на одно ухо), мы вышли и встали на траве. Перед нами была длинная прямая дорога, терявшаяся вдали.

– Я решила, что собакам стоит немного размять ноги на Длинной аллее, – сказала Тесса Хуану. – Уверена, ты сделаешь замечательные фотографии, как они резвятся в садах.

Тот, кажется, не особо впечатлился, но все равно кивнул. Квентин спустил нас с поводков, указал руками на аллею, и мы побежали.

Зима наконец пришла, и, хотя солнце сияло на ясном, чистейшей голубизны небе, в тени оставались участки, покрытые инеем. Он хрустел у меня под лапами, и я улыбался, хотя и дрожал от холода.

Длинная аллея оказалась действительно длинной. Я мчался вперед с соскальзывающей короной и наслаждался свободой быть за пределами дворца, пусть и всего на день. Порой рядом бежала Кэнди. Я еще не видел ее такой счастливой. С развевающимися на ветру ушами, она улыбалась мне, и мы мчались далеко впереди степенно вышагивавших Уиллоу и Вулкана.

Время возвращаться наступило слишком скоро. Тесса сдернула корону у меня с головы, пока я забирался обратно в свою переноску в машине. Я устал, набегался по аллее и замерз.

Вертясь на месте, чтобы устроиться и положить голову на лапы, я услышал, как Вулкан пробормотал:

– Хоть сегодня Ее и не было, Она должна вернуться уже скоро. Тогда все станет ясно.

Я понимал, что он прав. И понимал, что ничего не могу с этим поделать.

Поэтому просто продремал всю дорогу обратно во дворец, и мне снился мир, в котором *я* – король всего мира. Включая кухню.

Эми

В школьном актовом зале яблоку негде было упасть.

– Знаешь, если мест не хватит, я спокойно могу вернуться домой, – сказал Джек.

Эми схватила его за рукав и потянула за собой через толпу к двум пустым местам, которые заметила с другой стороны от центрального прохода.

– Это рождественский концерт Клэр, и она хочет, чтобы мы оба были здесь.

Эми ускорила шаг и успела как раз вовремя бросить сумочку на свободное место, не позволив здоровяку в зеленом пиджаке занять его. Стоп, кажется, это был историк Клэр? Ладно, все равно теперь поздно беспокоиться.

Джек плюхнулся на место рядом, все еще в пальто с воротником, поднятым до ушей.

– Ладно.

Эми, вздохнув, стянула пальто с плеч, села и положила сумочку на колени. Разве она слишком многого хочет – провести приятный вечер вне дома, собраться втроем вместе и чтобы Джек поддержал с нею Клэр? Всего лишь вечер с колядками, распечатками рождественских песен для слушателей и глинтвейном в перерыве?

Поднеся к глазам программку, полученную на входе, Эми посмотрела, что будет исполнять хор и школьный оркестр, какие песни должен подпевать зал – правда, обычно никто не подпевает. К счастью, все произведения оказались знакомы; вообще-то, репертуар в точности повторял прошлогодний, когда мир Эми был совсем другим.

Эми откинулась на спинку стула, и нестройные звуки настраивавшегося оркестра, шум и болтовня других родителей отступили на задний план. Этого концерта она ждала каждое Рождество. И, пропустив множество из-за ночных смен, *не могла* позволить, чтобы и сегодняшний был испорчен.

– Ты не говорила, что *он* придет, – мрачно прошептал ей Джек.

Эми подняла глаза – сын мог не пояснять, кто этот *он*.

– Я сама не *знала*.

Прошлой ночью из-за пропажи детей им было не до разговоров о раздельном быте. Они не обсудили, чей черед заниматься делами, которые раньше делали вместе.

Джима она отыскала взглядом всего за пару мгновений, тот занял место несколькими рядами дальше на другой стороне зала.

И еще секунда потребовалась, чтобы понять, кто эта миниатюрная брюнетка рядом с ним.

Бонни. Известная – печально известная – Бонни.

Они раньше не встречались. Джим изо всех сил старался этого избежать. И Эми оставалось только гадать, как выглядит Бонни, как одевается и говорит. Что в ней такого, что заставило Джима просто взять и разрушить брак, когда они собирались отмечать двадцать лет вместе?

«Может, в годах-то и дело», – подумала Эми, наблюдая, как он снимает с Бонни пальто и бережно складывает. Может, он просто устал от однообразия? Может, ему нужно было сменить обстановку, найти что-то интересное, новое.

Пока она изо всех сил старалась сохранить их семью, он заскучал от всего этого.

Эми отвернулась, чтобы никто не увидел, как она разглядывает прическу Бонни или ее платье – чуть короче, чем Эми решилась бы надеть. И чтобы Джим не заметил ее взгляда.

Ей нужно сконцентрироваться: будущее Джима теперь интересует ее только в плане его влияния на детей. У Эми свое будущее, о котором и стоит думать.

– Он не имеет права приходить сюда, – сказал Джек, скрестив руки на груди и не сводя упрямого взгляда с пустой сцены.

– Клэр – и его дочь, – спокойным голосом ответила Эми, еле сдерживаясь, чтобы не закричать: «Ты прав! Давай соберем толпу и выгоним его отсюда!»

– А ты не считаешь, что он не имеет права называть себя нашим отцом, после того как бросил нас?

Джек посмотрел ей прямо в глаза, задавая вопрос, и Эми знала – он поймет, если она соврет в ответ.

– Я думаю, что как бы то ни было он – единственный отец, который у тебя есть. Поэтому хорошо поразмысли над тем, какие отношения хочешь с ним построить.

Джек уже почти взрослый, и он заслуживает от нее полнейшей честности, каким бы трудным ни был вопрос. Он имеет право сам принимать решение о своем будущем, так же как и она.

Эми знала, что не может заставить Джека не изгонять отца из своей жизни. Но очень постарается убедить. Потому что, понимает Джек это или нет, но ему нужен отец. И вчерашняя ночь – тому доказательство. Эми может справляться одна семь дней в неделю, но наступит момент, когда Джеку понадобится поговорить с кем-то другим. И ей куда больше хотелось, чтобы этим кем-то стал Джим, а не другой семнадцатилетний парень, который знает о жизни не больше самого Джека.

К счастью, свет погас, а занавес поднялся, прежде чем сын начал с ней спорить. Глубоко вздохнув, Эми уселась поглубже в кресло, твердо вознамерившись насладиться одной из своих любимых рождественских традиций.

Антракт наступил чуть ли не слишком быстро, после трогательного исполнения «Тихой ночи» хором в сопровождении оркестра. Все еще вытирая слезы, Эми вскочила на ноги. Опыт подсказывал, что надо поторопиться, чтобы успеть отстоять очередь за напитками до конца перерыва.

К сожалению, об этом знала не она одна.

– Эми!

В голосе Джима слышалось удивление от встречи, и это было довольно странно, учитывая, что в хоре поет и ее дочь. Но он хотя бы был один; Бонни, наверное, ушла в туалет или осталась в зале сторожить места.

– И Джек. Приятно видеть, что ты пришел поддержать сестру сегодня.

Он говорил с сыном холодно, подразумевая, что вчера ночью Джек не был таким хорошим братом. Конечно, Джим просто не мог забыть об этом всего на один вечер, когда они собрались вместе на концерте Клэр. Он решил: раз все остальное время его нет рядом, надо испортить сегодняшний праздник.

Прекрасно.

– Джек, может, вернешься и присмотришь за нашими местами? – попросила Эми, не сводя сердитого взгляда с Джима. – Я принесу нам попить, там и встретимся.

Джек, которому явно не терпелось убраться подальше от отца, ушел обратно в зал, что-то бормоча.

– Ты что, не подпускаешь его ко мне? – вспыхнул Джим, его скулы порозовели.

– Я пытаюсь сделать так, чтобы ни один из вас не закатил скандал на школьном концерте Клэр, – поправила Эми. – Ты должен понять его, Джим.

– Что-то незаметно, чтобы он пытался понять меня!

– Значит, может, стоит показать ему пример? – Эми старалась говорить без раздражения, но выходило с трудом.

Джим, кажется, ожидал, что будущее будет таким, как он хочет: хорошее останется, а от всего ненужного он просто избавится. От Эми, например. И от обязательств, финансовых и иных, не позволявших ему просто бросить все и уехать кататься на Рождество.

Раз именно ей приходилось разбираться со всем, что Джим решил оставить, Эми чувствовала себя вправе напоминать ему об

ответственности за его поступки.

Учитывая нынешнее поведение Джима, развод радовал ее с каждым днем все больше.

– Джеку еще только семнадцать, Джим, – Эми старалась говорить мягко. – Да, он почти взрослый во многих отношениях, но в некоторых – например, в понимании поведения людей, жизненного опыта у которых почти в три раза больше, – все еще ребенок. Ты не можешь ожидать от сына, что он поймет твой выбор, потому что в его жизни ничего такого не было и сравнивать не с чем. Джек даже с девушкой дольше трех месяцев не встречался.

– Ну да, – сказал Джим, нахмурившись, как всегда, когда обдумывал новую идею. – Думаю, я просто ожидал, что он захочет видеть меня счастливым.

– А по-моему, он скорее хочет стать счастливым *сам*, – холодно ответила Эми. И сказала со вздохом: – Уверена, Джек поймет, рано или поздно. Но тебе придется дать ему время. И придется самому понять его сначала.

– Понять семнадцатилетнего? Раз плюнуть, – пошутил Джим. – В конце концов, я тоже таким был.

– Именно.

Она вспомнила Джима и себя в этом возрасте.

– Но я не предлагаю тебе воскрешать беспечную молодость. Особенно когда твоя новая подружка, как я вижу, идет сюда.

Эми кивнула в сторону двери в уборную, Джим резко обернулся и увидел, что Бонни направляется прямо к ним.

– Так ты хочешь познакомить нас или, может, пропустишь меня перед собой в очереди? – спросила она, подняв брови.

Эми вообще-то гордилась своим спокойствием.

Хоть она и концентрировалась на новом прекрасном этапе своей жизни, но все равно могла бы и отлупить их обоих контрабасом крошки Томми Финна за то, что они разрушили будущее, которое она строила.

– Эм-м, иди вперед, – сказал Джим, боясь, что они окажутся в одном месте в одно время. – Я просто… – Он замолчал.

– Хорошо придумано, – сказала Эми, словно тот хоть раз сказал что-то разумное.

Обойдя Джима, она встала в начало очереди и взяла по стакану глинтвейна для себя и Джека. И парочку кексов. Просто так.

Генри

Я проспал почти всю обратную дорогу во дворец. Бегать вокруг Виндзорского замка утомительно. Добавьте к этому опасение, что все узнают, что я не настоящий королевский пес, – и станет ясно, как я вымотался.

Конечно, в результате, когда мы приехали домой (и с каких это пор я стал считать дворец своим домом?) и поужинали, у меня сна не было ни в одном глазу.

После еды Сара привела нас в Комнату корги, и остальные собаки почти сразу свернулись в своих корзинах, а моя подруга еще долго гладила меня, ведь я явно показал ей, что не собираюсь идти спать прямо сейчас.

– Слышала от Квентина, у вас четверых был довольно насыщенный день, – сказала она, проводя рукой по моей гладкой шерсти. – И тщательный уход. Твоя шерстка чудесно блестит.

Я даже загордился.

– А здесь ты не много пропустил, – продолжила она. – Как всегда, уборка, чистка и прочее. Мне сегодня даже не удалось встретиться с Оливером во время утреннего перерыва.

Какая жалость. Я надеялся, что эти двое и без меня будут развивать отношения. Но, кажется, их по-прежнему надо подталкивать.

Или нет. Едва я подумал об этом, дверь в Комнату корги открылась, в проеме появилась голова Оливера, он увидел Сару и осторожно протиснулся целиком.

– Я решил, что ты можешь быть здесь, – улыбнулся он. – Генри рассказывает о своих приключениях?

– В некотором роде, – ответила Сара. – А ты? Хочешь послушать свежие сплетни из Виндзорского замка от нашего пушистого друга?

– На самом деле я зашел, чтобы пригласить тебя на вечеринку.

Сара посмотрела на него с изумлением.

– Вечеринку?

– Именно!

Оливер закрыл за собой дверь и присел на край стола, на котором стояли наши миски и прочее.

– Примерно раз в месяц мы, слуги, устраиваем коридорную вечеринку – она называется так, потому что действительно проходит в коридоре между нашими комнатами.

– Значит, по сути у меня дома, а ты меня туда приглашаешь? – улыбнулась Сара.

– Ну вообще-то в этот раз в мужском коридоре, а не женском…

Сара рассмеялась.

– Шучу. Уверена, никому бы и в голову не пришло рассказать мне о ней, поэтому спасибо.

Я понял, что она права. Если бы не Оливер, Сару бы снова оставили одну. Идя в свою комнату, ей пришлось бы проходить мимо них и чувствовать себя лишней.

Слава небесам за Оливера.

– В общем, – продолжил он, – все приносят какой-нибудь алкоголь, кто-нибудь – колонки, чтобы ставить музыку, мы просто общаемся и узнаем друг друга.

– Звучит здорово, – сказала Сара неуверенно. Наверное, она подумала, что никто *из них* не захотел познакомиться с ней ближе.

«Но они захотят, – решил я. – Если узнают Сару так, как мы с Оливером». Поймав его взгляд, я увидел, что он тоже догадался о Сариных колебаниях.

– Я просто не уверена, что это хорошая идея, – сказала Сара.

Недостаточно хорошая. Надо что-то сделать. Вскочив на все четыре лапы, я звонко гавкнул, подбежал к двери, за спиной Оливера, и стал скрести по дереву лапами.

Может, Сара пойдет на вечеринку, если я отправлюсь с ней?

– Кажется, Генри хочет присоединиться к нам, – сказал Оливер. – Но я уверен, без тебя он не двинется с места. Ты же не хочешь подвести песика, да?..

Сара закатила глаза.

– У Генри и так сегодня было полно приключений.

Я снова гавкнул, и она рассмеялась.

– Пошли, – позвал Оливер, чувствуя, что она поддается. – Дело не в Генри – *я* ужасно обрадуюсь, если ты пойдешь со мной на вечеринку. Пожалуйста.

Сара подняла на него глаза, и я увидел, как их взгляды встретились. Какое-то время они просто смотрели друг на друга.

Затем моя подруга прошептала:

– Ну если причина в этом…

И я понял: это успех.

До сих пор у меня не было повода приходить в коридор для слуг Букингемского дворца; Сара, кажется, практически не бывала там, поэтому я просто находил ее где придется – то во дворце, то в садах. Но мне все равно было интересно посмотреть, где они с Оливером живут – и лучше ли их комнаты, чем Комната корги (подозреваю, что нет).

Однако шанса увидеть их жилье изнутри мне не выпало. Мы пришли, когда вечеринка уже была в разгаре, в коридоре шумела музыка и голоса; чтобы услышать друг друга, приходилось кричать. Стояло много пустых бутылок и стаканов – очевидно, слуги уже успели хорошо повеселиться.

– Без кота мышам раздолье, – прошептал Оливер Саре на ухо, чтобы только она – и я, с моим великолепным слухом, – могла услышать.

– Кажется, всем тут весело, – судя по голосу, Сара нервничала куда больше, чем за все время, которое я провел во дворце.

– И нам тоже будет. Пошли.

Оливер взял ее за руку и повел за собой в толпу. Я бежал следом, стараясь не отставать.

– Кто привел сюда корги? – крикнул кто-то, увидев меня.

– А ты что, боишься, он доложит Ее Величеству? – раздался другой голос, и все рассмеялись.

Они понятия не имели, с каким корги имеют дело. Я знал толк в вечеринках: Эми и Джим устраивали их каждый Новый год, и я танцевал, прыгал и развлекался с гостями.

Оливер принес им обоим напитки, но, насколько я видел, они выпили не больше глотка. Они отошли в сторону, беседуя друг с другом, вместо того чтобы слиться с толпой.

Знакомые то и дело подходили к Оливеру, и он представлял их Саре. Его явно хорошо знали и любили во дворце. Надеюсь, дружба с Оливером будет достаточным поводом, чтобы и остальные решили познакомиться с Сарой. Чем больше людей говорили ей «привет», тем спокойнее она становилась. Все они дружелюбно улыбались Саре.

Это точно была великолепная идея. Хорошо, что она пришла нам с Оливером в голову.

– Я отойду поговорить с Расселом, – сказал Оливер через какое-то время. – Ничего, если ты побудешь с Генри?

Сара чуть улыбнулась.

– Наверное, я могу справиться и без сторожевого пса.

– Конечно, можешь, – улыбнулся Оливер, отходя. – Я за Генри беспокоюсь, – крикнул он через плечо, и Сара рассмеялась.

Стоило ему исчезнуть из виду, затеряться в море людей, Сара снова напряглась. Я знал, что ей еще неуютно среди слуг во дворце, – ведь и сам не мог по-настоящему расслабиться рядом с Уиллоу, Вулканом и Кэнди. Трудно находиться там, где тебе не рады.

Но *Оливер* хотел, чтобы Сара пришла. Значит, и я тоже.

Надеюсь, этого окажется достаточно.

Неожиданно Гарриет с почты подошла поздороваться,

направляясь за напитком. Еще одна горничная остановилась, и они с Сарой немного поболтали, а потом ее умчал танцевать какой-то лакей. Я счастливо сидел у ног подруги, наблюдая, как она становится все увереннее.

Сара справлялась – даже без Оливера. И наконец-то начала понимать это сама. Отлично.

– Ты же Сара, да?

Рыжая девушка на вид чуть старше Сары приблизилась к нам. Она улыбалась, но я не очень доверял такой улыбке. Рыжая улыбалась не так, как те, кто подходил поговорить. Я подвинулся чуть ближе к Саре, на случай если понадоблюсь.

– Ты пришла с Оливером?

Сара повернулась на голос и широко улыбнулась в ответ на ее неискреннюю улыбку.

– На оба вопроса – да.

– Я – Джессика.

Сарина улыбка чуть дрогнула. Я понял, что интуиция меня не подводит.

Это хорошо не кончится.

– О. Мы, кажется, встречались в мой первый день, – ответила Сара. Она перестала улыбаться, а голос стал тише.

«Не из тех ли она, кто смеялся над Сарой?» – предположил я.

– Кажется, ты уже вписалась в нашу компанию, – сказала Джессика, косясь через плечо собеседницы на Оливера, говорившего с другом. – Тебе повезло переманить его на свою сторону.

– Он не… нет тут сторон, – Сара была в замешательстве. – Оливер – просто мой друг!

– *Конечно*, друг. Ты даже с собаками королевы подружилась.

Она посмотрела на меня с видимым отвращением.

Значит, не собачница. Хорошо. Нам такие все равно не нравятся.

– Генри – очень дружелюбный пес, – сказала Сара.

– Ну полагаю, это поможет тебе добиться расположения Ее Величества, – сказала Джессика, вдруг снова расплываясь в улыбке и излучая дружелюбие. – Она *обожает*, когда другие люди возятся с ее собачками. Особенно если псы тоже их любят. Тебе точно нужно разыграть перед королевой идиллическую сценку, показать, какие вы с Генри друзья, когда Она вернется.

– Привет, Джессика, – сказал Оливер, вдруг оказавшись рядом с нами.

Я обрадовался. Неизвестно, что у Джессики на уме, но намерения у нее явно не такие добрые, как она надеялась нас убедить.

– Оливер, – улыбнулась Сара, просияв от облегчения.

– Я просто подошла поздороваться с нашей новенькой, – сказала Джессика, уже отходя в сторону.

– Да, рассказала мне, как сильно королева любит, когда слуги ладят с ее собаками, – пояснила Сара. – Предложила приласкать Генри у Нее на глазах, когда Она вернется.

Оливер прищурился и посмотрел на Джессику.

– Правда?

– Это была шутка! – выпалила Джессика, отступая еще дальше. – Розыгрыш, ты же знаешь, мы всегда разыгрываем новеньких. Просто обычные шутки над новой горничной. Или ты их забыл, раз стал великим и могучим старшим лакеем? Ты раньше любил подворачивать простыни так, чтобы люди не могли влезть в кровать, или добавлять краситель в зубную пасту, как и все мы.

– Розыгрыш? – спросила Сара, явно смутившись.

– Королева очень заботится о своих питомцах, – сказал Оливер. – Помнишь, я говорил тебе, что обычно никому не разрешается гладить их, кроме Нее? Генри – очевидное исключение, но ты вряд ли добьешься расположения, если станешь возиться с ним перед Ее Величеством.

– Так ты хотела меня подставить, – Сара расстроенно взглянула на Джессику.

– Это была шутка, – повторила Джессика.

– Не особенно смешная.

Оливер снова зло посмотрел на нее, и Джессика решила, что будет разумней уйти подальше. Он повернулся обратно к Саре.

– Извини за нее.

Сара пожала плечами.

– Говорила ведь, я им не нравлюсь.

– Может, это и моя вина, – сказал Оливер. – После того, как меня повысили до старшего лакея… некоторые, по-моему, считают, что я забыл, с чего начинал. Конечно, я все помню, но… иногда здесь случается и такое.

– Что ж, я и так по положению ниже всех, а они *все равно* нашли повод не любить меня.

– Не все здесь похожи на Джессику, – настаивал Оливер. – По большей части во дворце работают милые люди. Они как семья, только нужно узнать их лучше. Нужно много времени, чтобы вписаться.

Сара выпрямилась.

– Что ж, я здесь надолго. Так что пусть привыкают ко мне.

Оливер радостно улыбнулся.

– Вот и хорошо.

– А сейчас… наверное, мне лучше пойти в свою комнату. Думаю, хватит с меня вечеринок на сегодня.

О нет. Нельзя, только не это. Мне нужно найти способ удержать Сару на вечеринке. Если она уйдет сейчас, значит, Джессика выиграла. Так дела не делаются.

– Мы ведь еще даже не танцевали, – сказал Оливер, но Сара покачала головой.

– Танцую я не очень.

Ну а я нет. И я так или иначе заставлю Сару танцевать.

В колонках заиграла музыка из какого-то фильма Эми, я узнал ее – и, видимо, все остальные тоже, потому что многие пошли танцевать. Я одобрительно гавкнул и, быстро глянув на Сару, нырнул в толпу танцующих, готовый пуститься в пляс.

– Генри что… танцует? – услышал я вопрос Оливера сквозь шум музыки.

Я был так занят тем, чтобы двигать лапами в такт и трясти хвостиком, что не оглянулся.

Слуги немного расступились вокруг меня, чтобы дать место, и хлопали в такт моему танцу. И когда песня дошла до моего любимого места, я метнулся к Саре и позвал ее, гавкнув.

– Думаю, он просит нас пойти с ним, – сказал Оливер.

Сара снова покачала головой, но теперь на моей стороне была целая толпа.

– Давай, Оливер! Давай, Сара! – кричали они.

Оливер со смехом вытащил Сару на свободное место рядом со мной и обнял, а та уткнулась лицом ему в плечо.

И тут, словно это я управлял музыкой, трек снова сменился – зазвучала медленная, нежная мелодия. Я попятился и сел в сторонке, наблюдая за тем, как Сара и Оливер покачиваются в такт музыке.

Идеально. Как хеппи-энд в кино.

Как я и планировал.

День восьмой
Суббота, 21 декабря

Эми

– Ты уверен, что вы вдвоем справитесь без меня сегодня? – Завязывая на шее теплый шарф, Эми обеспокоенно обернулась на детей. – Помните, если понадоблюсь – я рядом, в хирургии, и ваш отец рядом, надо только позвонить. Все для бутербродов – в холодильнике, и, пожалуйста, не забудьте покормить кошку… – Она замолчала, потому что дети уставились на нее, не говоря ни слова.

Даже Соки, сидя у батареи, смотрела на нее. С осуждением, как кошки обычно и делают.

Генри никогда ее не осуждал.

Эми вздохнула.

– Слушайте, я знаю, что сидеть дома, пока я на работе, не самый интересный способ провести первый день каникул, но…

– Вообще-то, мам… у нас уже были планы на сегодня, – сказал Джек с чуточку виноватым выражением, которое, учитывая, что Эми еще не спрашивала, в чем они заключаются, не сулило ничего хорошего.

Она сняла шарф. Разговор может затянуться надолго.

– Какие планы? – спросила Эми.

– Джек подумал, мы можем снова съездить в Лондон на поезде! – возбужденно воскликнула Клэр.

У Эми перехватило дыхание. После прошлой поездки в Лондон они недосчитались одного члена семьи. Она правда не знала, сможет ли пойти на такой риск снова.

– Мы расклеим несколько объявлений для местных, которые не видели их в интернете, – объяснил Джек. – И, может, даже заглянем в приют для кошек и собак в Баттерси. Посмотрим, не оказался ли Генри там по ошибке.

– Но у него же чип, Джек, – возразила Эми. – Уверена, они бы проверили.

А если нет? Она вообще звонила в Баттерси? Она не могла вспомнить, вносила ли его в список мест, где нужно спросить про Генри. А если нет… попытка не пытка, да?

– А вдруг чип сломался? – спросила Клэр. – Я почитала о них, они иногда ломаются. Может, Генри в приюте и никто не знает, что он наш.

Оба ее ребенка были так взволнованы, так рвались на поиски – Эми не хотелось им мешать. Даже если дети ничего не добьются, они хотя бы попытаются. Причем вместе – от этого у нее теплело в груди. С такой разницей в возрасте у Джека и Клэр редко находились общие интересы. Но ради Генри они

объединились. Как хорошо!

Вопрос только в том, можно ли доверять детям после фортеля, который они выкинули на днях.

– Слушай, сейчас все не так, как с тем обманщиком, писавшим, что нашел Генри, – сказал Джек, словно прочитав ее мысли, как делал только тогда, когда хотел чего-то. – Мы не собираемся ни с кем встречаться или делать что-то рискованное. Мы поступим именно так, как сказали, и, если хочешь, напишем тебе, на какой поезд сядем. Я ведь и раньше ездил в Лондон без тебя.

Он был прав. Джеку семнадцать, он уже достаточно взрослый, чтобы поехать на поезде в город самостоятельно. Он часто катался туда на выходных с друзьями, а прошлым летом работал волонтером в городском приюте для животных, готовясь к тому, чтобы стать ветеринаром. Волноваться по поводу того, что Джек потеряется в большом городе, не стоило.

Но брать с собой сестренку? Это совсем другое дело.

– И мне уже двенадцать, мам, – добавила Клэр. – Я ведь уже не ребенок, не маленькая.

– Для меня ты всегда будешь маленькой, – рассеянно ответила Эми, и Клэр поморщилась.

– Мам!

– Знаю, знаю.

Им обоим хотелось вырасти. И Эми не могла держать их под замком двадцать четыре часа в сутки, как бы ей этого порой ни хотелось. Просто… она уже потеряла столько того, что воспринимала как должное, что не хотела снова рисковать.

– Может, кто-нибудь заменит меня в хирургии. Тогда я поеду с вами.

На дополнительную смену в субботу она согласилась только потому, что в отделении отчаянно не хватало персонала, да и лишние деньги в этом месяце *очень* бы пригодились. Шансов найти медсестру, которая захочет поработать за нее в выходной, было мало, она знала. Но, может…

– Мам.

Джек серьезно посмотрел ей в глаза, вдруг показавшись уже не мальчиком, а мужчиной. Даже скорее родителем, а не ребенком.

– С нами все будет в порядке. Ты и сама знаешь. В том-то и проблема. Она знала это. Они сообразительные, разумные дети – по крайней мере, обычно. Эми нечего было возразить против их плана, просто она не хотела весь день волноваться безо всякой причины.

– Окей. Ладно, – вздохнула она.

Клэр радостно взвизгнула и обняла мать. Даже Джек улыбнулся.

– Но я хочу, чтобы вы писали мне каждый час. Хорошо?

– Конечно. Будем писать, – пообещал Джек. Клэр схватила розовую папку в цветочек с кухонного стола и сунула Эми в руки.

– Смотри! Мы будем показывать их прохожим и расклеивать!

Эми открыла папку. Внутри лежала пачка копий фотографии Генри в рождественской бумажной короне со ссылкой на страницу «По следам Генри» и большой надписью «Потерялся!». Ниже дети добавили его подробное описание, начинавшееся со слов: «Любимец всей семьи».

Помогут ли объявления? Вероятно, нет. Но дети хотя бы будут чувствовать, что делают полезное дело. Эми понимала, насколько это им нужно.

– Только на дворцовую ограду не вешайте, хорошо? – попросила она. – Подозреваю, королеве это не понравится…

– Не будем, мам, – усмехнулся Джек.

– Ну тогда… удачи!

Эми обняла обоих и потянулась за шарфом.

– И я очень надеюсь, что вы его найдете.

– Э… мам? – Джек снова посмотрел на нее виновато. – Ты, наверное, не можешь дать нам денег на сегодня, да? Просто…

Просто все свои он отдал тому мошеннику, пытаясь вернуть Генри. Конечно.

Эми вздохнула, достала кошелек, быстро прикидывая стоимость билетов и сумму, которую принесет сегодняшняя дополнительная смена. Судя по всему, не такие уж ее дети *пока* взрослые и самостоятельные.

Генри

Я проснулся, чувствуя на себе чей-то взгляд. Осторожно открыл один глаз и увидел Уиллоу, Кэнди и Вулкана, которые пялились на меня, сгрудившись вокруг корзины.

Открыл второй.

– Что?

– Где ты пропадал вчера вечером? – спросила Уиллоу.

– Сара принесла тебя обратно и уложила спать, – добавила Кэнди. – Очень поздно.

– А ты позволил ей *нести* себя. – Вулкана передернуло. – Причем даже без всякого оправдания, как, например, если б ты был под наркозом.

– Или был? – спросила Кэнди. – Может, ты ходил к ветеринару, а? Что случилось?!

– Я был на вечеринке, – ответил я, снова закрывая глаза. – Наверху, в коридоре для слуг.

Все потрясенно замолчали. А затем заговорили разом.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Что ты *там* делал?

– Эта дружелюбность заходит слишком далеко!

Видимо, больше мне поспать не удастся.

Со вздохом поднявшись, я выпрыгнул из корзинки.

– Слушайте, Оливер хотел взять Сару с собой, а я пошел с ней, как сторожевой пес. Некоторые слуги не очень-то хорошо к ней относятся.

Это еще мягко сказано, но я знал, что собаки вряд ли поймут, каково быть в ее положении.

– Возможно, она просто еще не поняла, где ей место, – заметил Вулкан, пытаясь придать словам значительности.

– Ее место здесь, во дворце, – уверенно сказал я. – И рядом с Оливером.

– Возможно, – согласилась Уиллоу. – Но работать на Нее могут только очень особенные люди.

– Сара и есть особенная, – ответил я. – Гораздо особеннее, чем все остальные.

Кэнди смотрела на меня с мрачным видом и не говорила ничего в защиту Сары.

– Посмотрим, – вот и все, что сказала Уиллоу. Я чувствовал, что она не поверила моим словам. Но я не обязан стоять здесь и слушать. Повернувшись к этой троице спиной, я гордо вышел из Комнаты корги в коридор, бормоча о снобах среди собак, которые не разглядят хорошего человека, даже укусив его. А укусить они

вполне могут.

За прошедшую неделю я исследовал большую часть дворца, одну комнату за другой. Уверен, еще оставалось много секретов – может, даже тайных проходов, вроде зеркальной двери, которую Сара показала мне в Белой гостиной, – но сегодня утром я не спешил разыскивать их. Вместо этого бродил по коридорам и раздумывал.

Как много было непонятного в мире Букингемского дворца! Сложнее всего мне было понять других собак. Я думал, что, если кто-то заботится о тебе, волнуется, опекает, именно ему ты и становишься предан. Для меня такой человек – Сара.

Дома, конечно, это Уокеры – и я не мог не скучать по ним каждый день, как бы добры ни были Сара и Оливер.

Но кто этот человек для Уиллоу, Кэнди и Вулкана?

Я остановился на полпути к неисследованным комнатам, потому что меня поразила мысль.

Королева. Вот кого они любили – *ту,* что заботилась о них, любила и опекала. Она кормила их, выгуливала, расчесывала… и была далеко. Уиллоу сказала, что королева почти *всегда* брала их с собой, куда бы ни ездила, но в этот раз не стала. Вместо этого Она взяла новую собаку.

Конечно, им сейчас тяжело и грустно. Они скучают по Своему Человеку так же, как я скучаю по Уокерам.

Так что мы, можно сказать, в одной лодке. Только вот королева скоро вернется, а я со свистом вылечу отсюда – по-прежнему один.

Услышав, как где-то у меня за спиной хлопнула дверь, я поспешил вперед, в комнату, чтобы никто не мешал мне думать. В ее центре висел странный светильник, похожий на перевернутый зонтик. На стенах все то же золото и королевские украшения – к ним я почти привык за последнюю неделю.

Но куда интереснее оказалось наличие еще одной открытой двери. И она вела наружу!

Оглянувшись через плечо и убедившись, что никто не смотрит, я побежал туда. Она была стеклянная, словно гигантское окно, и, очевидно, случайно не закрыта. Я открыл ее пошире, подтолкнув носом, и выглянул наружу.

Обрадовавшись свободе, я упустил важную деталь: это по-прежнему был второй этаж.

Дверь не вела, как я надеялся, наружу, в неизведанные места. За ней был длинный каменный балкон, нависавший над внутренним двором дворца.

Я просунул нос между каменной балюстрадой – посмотреть, что там.

Меня сразу же поразило, как *далеко* открывался вид – высокие здания и причудливые строения в отдалении, длинная прямая дорога, с деревьями и парками по сторонам, ведущая к круговой развязке, посередине которой стоял большой каменный постамент, венчавшийся золотой статуей. Во всех этих местах я еще не бывал, во всех этих парках еще не бегал.

Мимо пролетел голубь, и я чуть не прыгнул за ним, но вовремя вспомнил, как высоко падать. Я попятился, стараясь осторожнее двигаться по балкону, и проследил взглядом за голубем, спорхнувшим на землю.

Как вдруг увидел что-то знакомое.

Вон они, ворота, у которых я стоял с Эми, Джеком и Клэр. По этой дороге мы шли. А вон и куст, через который я пролез.

Там я потерял свою семью и теперь заперт здесь, во дворце, пока кто-нибудь не узнает правды обо мне.

Я уже собирался повернуться и уйти с холодного декабрьского ветра, когда кое-что привлекло мое внимание. Две головы – темная и посветлее, прямо у ограды там, внизу. Ярко-красный пуховик, который я помнил со времен грандиозного похода по магазинам с Эми и Клэр. Потрепанный рюкзак в заплатах, который Джек все не выбрасывал.

Они держали в руках белый лист бумаги, показывая его кому-то с моей стороны ограды – наверное, одному из охранников, судя по форме.

Джек и Клэр.

Они все-таки ищут меня! Они не забыли обо мне!

В диком восторге я гавкнул так громко, как мог, подпрыгнул и поставил передние лапы на перила балкона, надеясь, что так меня заметят.

Но Джек и Клэр даже не подняли головы. Я был слишком далеко, чтобы они могли увидеть или услышать меня.

– Что ты делаешь там, снаружи?

От строгого окрика я спрыгнул обратно на балконный пол. Повернулся и обнаружил позади Джессику, которая стояла в дверях руки в боки.

– Если свалишься отсюда, мне придется выложить кучу денег. Меня ведь каким-нибудь образом сделают виноватой, понятно? Пошел обратно!

Она попыталась прогнать меня с балкона, махая руками в сторону двери, но я отвернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свою потерянную семью.

Джек и Клэр далеко внизу тоже отвернулись. Они пошли прочь от ограды. Прочь от дворца.

Прочь от меня.

Я смотрел им вслед, пока они не стали едва различимы. И, только тихонько скуля, пошел за Джессикой, когда та закрыла за нами дверь балкона.

Вдруг это последний раз в жизни, когда я видел Джека и Клэр?

На обратном пути в Комнату корги коридоры и залы казались пустыми и слишком большими. Я больше не видел великолепия дворца, не замечал золотых нитей в ковре под лапами. Я скучал по потрепанному полосатому коврику в прихожей в доме Уокеров и по сваленным в кучу ботинкам, которые никогда не помещались в обувницу (и поэтому я их время от времени жевал).

Я скучал по дому. И по своей семье.

– Что случилось?

Кэнди прошла за мной от входа в комнату до корзины, куда я забрался.

– Ничего, – соврал я.

– Скучаешь по дому? – догадалась Кэнди, запрыгивая ко мне.

– Может быть.

Именно.

– Знаешь, проводить Рождество с королевской семьей не так уж плохо. Может, даже повеселишься, – Кэнди ткнулась носиком мне в бок. – Вдруг после него ты возьмешь и захочешь остаться с нами?

– Если б это было возможно.

Я все еще ждал, когда же меня раскроют и выдворят отсюда.

– По-моему, возможно, – ответила Кэнди. – Ее Величество не строгая, когда дело касается корги. Не думаю, что Она прогонит тебя на улицу, если тебе некуда идти.

Я наклонил голову набок. Об этом варианте я еще не думал, но стоило Кэнди озвучить его – не плюясь при этом ядом, как Вулкан, – он показался не лишенным смысла. Раз уж королева собственноручно кормит и расчесывает своих питомцев, возит их с собой практически всюду, выгуливает и не позволяет другим даже прикасаться к ним… значит, Она любит собак. А королева, которая берет себе пса своего старого друга после его смерти, просто чтобы у животного в старости был хороший дом… похожа на королеву, которая не выбросит собаку на улицу в канун Рождества. Правда?

Да и во дворце, кажется, достаточно места для еще одного маленького благовоспитанного песика?

Только вот это совсем не так, как быть *дома* на Рождество.

Я улегся поудобнее в корзинке, а Кэнди свернулась рядом со мной.

– Слушай, а расскажи мне еще о Рождестве во дворце, – попросил я.

Кэнди посмотрела на меня с недоумением.

– Во-первых, мы проводим его не во дворце. Точнее, не в этом.

– Погоди, – я снова выпрямился. – То есть у вас такой чудесный дом, сверху донизу украшенный к Рождеству, а вы даже не празднуете в нем?

– Нет. Мы отправляемся в Сандрингем, – ответила Кэнди. – Но перед отъездом здесь проходит семейный рождественский обед. Поэтому, думаю, они и вешают парочку шаров и прочее.

– Парочку шаров… Ты вообще гуляла тут, смотрела на здешние украшения?

– Ну видела несколько. По пути на ужин, в сад, и вообще.

Во дворце такое великолепие, а собаки, живущие тут, даже не ценят его!

– Хватит! – Я выскочил из корзины. – Ты идешь со мной.

– Куда мы? – спросила Кэнди, но все равно засеменила следом к двери.

– Хочу показать тебе дворец *моими* глазами, для разнообразия, – пояснил я. – Вперед!

Первым делом мы отправились на Парадную лестницу, где я заставил Кэнди остановиться и рассмотреть все эти разноцветные шары, свисавшие с гирлянд, обвитых вокруг перил.

– Очень мило, по-моему, – Кэнди вглядывалась в свое отражение в одном из них. – Так это ты и хотел мне показать?

– Мы только начали, – сказал я. – Пойдем дальше.

Я достаточно хорошо узнал дворец, чтобы провести Кэнди по всем своим любимым местам. Мы заглянули в Музыкальную комнату с исполинской елкой, увешанной красно-золотыми украшениями. Прошлись по банкетным залам, где на каждом столе стояли вазы с ветками остролиста, покрытыми ярко-красными ягодами. И, водя ее по дворцу, я рассказывал о том, как проходит Рождество дома с Уокерами.

Но лучшее я приберег напоследок. Уже когда Кэнди начала жаловаться, что у нее ноют лапы, я провел ее к Парадному входу, где переливались огнями гирлянд три высокие ели.

– Теперь видишь? – спросил я. – Вот таким дворец кажется тем, кто здесь не родился.

– Наверное, да, – ответила Кэнди. – Но *твое* Рождество с Уокерами… кажется волшебным.

– Это *здесь* волшебно, – парировал я. – Дворец, он… словно из какого-нибудь фильма. Но Рождество с Уокерами… там мой дом. Я чувствую, что должен быть с ними.

– Кажется, я понимаю, – призналась Кэнди, прижавшись ко мне боком и глядя со мной на елки, сверкавшие в ночи. – Мы всегда проводим Рождество в Сандрингеме, мои самые счастливые воспоминания о празднике связаны с ним. А этот дворец… такой большой, и в нем королева всегда очень занята. Но вот мы уезжаем – только семья и собаки… и это лучшее время. Нам всем дарят по красному чулку утром на Рождество, в них лакомства и игрушки. И мы всегда долго гуляем, даже когда идет снег. А потом уютно сидим рядышком у камина… Вот что такое Рождество для меня. А не эти украшения и суета.

– Понимаю, – согласился я. – Мое Рождество – это свернуться клубочком рядом с Джеком и Клэр, открывающими подарки. Гулять в парке, пока Эми готовит ужин, и смотреть всем вместе рождественские фильмы, когда стемнеет.

– Надеюсь, ты еще отметишь такое Рождество, – сказала Кэнди. – Потому что, я знаю, тогда ты будешь счастлив. Но…

– Но? – отозвался я.

Она чуть улыбнулась и прижалась своей головой к моей.

– Но в то же время мне бы хотелось, чтобы ты остался с нами. Разве не глупо?

Я проглотил ком в горле.

– Нет. Не глупо.

Потому что, как бы мне ни хотелось вернуться домой к семье, я еще не готов оставить дворец. А еще людей – и собак, живущих в нем.

Эми

Эми оказалась дома раньше, чем Джек и Клэр вернулись из Лондона. Она сидела за столом на кухне с чашкой чая в руках и перечитывала все сообщения – за каждый час по одному, – которые дети прислали сегодня.

Вначале эсэмэски были так полны надежды, так оптимистичны, словно они вот-вот найдут собаку. Но время шло, и уверенности становилось все меньше, как и надежды. Сейчас на улице совсем стемнело, и последнее сообщение гласило: «По-прежнему ничего. Идем на станцию. Скоро будем дома».

По-прежнему ничего. С таким чувством Эми и прожила последние несколько месяцев. Словно она не двигается с места, как ни старается. Как будто пыталась пробраться через сугробы, а ветер относил назад. Как будто наконец выбралась на один вечер, получила шанс снова почувствовать себя *Эми*, спеть под караоке с Люком Фитцджеральдом только затем, чтобы звонок Джима вернул ее в реальность.

Будущее представилось ей страшно одиноким.

Она встряхнула головой. Нельзя, чтобы дети видели ее в таком настроении, а они могут вернуться домой в любой миг.

Эми встала, включила радио и настроилась на первую попавшуюся волну с рождественской музыкой. Достала из шкафа несколько упаковок шоколадных елочных игрушек. Дети всегда любили развешивать их, причем утверждали, что те, к которым не прикреплена петелька, нужно обязательно съесть сразу. Ее всегда удивляло, как много они находили таких – и как много ей попадалось потом петелек, спрятанных по всему дому.

Эми как раз достала ножницы, чтобы открыть упаковку, когда входная дверь ударилась о телефонный столик, извещая, что дети наконец-то вернулись.

– Привет, как все прошло?

Эми с улыбкой встретила Джека и Клэр в прихожей, но они не улыбнулись в ответ.

– Зря потратили время.

Джек прошел мимо матери, перекинул пальто через перила и подкинул свои ботинки к горе обуви, для которой в обувнице вечно не хватало места. Эми грустно улыбнулась, глядя на нее – целехонькую, так как некому было ее жевать. Другой признак утраты – объедки, которые она находила под столом после ужина, – их кидала Клэр, в который раз забывая, что песика рядом нет и никто не станет доедать за ней непонравившиеся кусочки.

– Мы везде искали, – тихо сказала Клэр. – Никто не видел Генри. Даже в приюте для кошек и собак.

Эми обняла ее за плечи и прижала к себе.

– Вы, по крайней мере, попытались.

– Все зря, – пробормотал Джек. – Генри никогда не вернется домой. Совсем как папа.

В голосе сына было столько боли, что у Эми сжалось сердце. Она подумала, что шоколадные игрушки тут не помогут, но прямо сейчас это все, что Эми могла предложить.

– Пойдем, – сказала она. – У меня есть сладости на елку. Можем включить рождественский фильм, я сделаю какао, если хотите. Что скажете?

Пришлось прибегнуть к уловке, ведь никто не мог отказаться от ее фирменного какао. Напевая под нос «Милая, снаружи холодно», Эми добавила взбитые сливки и шоколадную крошку в кружки с какао и принесла их в гостиную. Она улыбнулась, заметив, что нескольких шоколадных игрушек уже недостает и по телевизору идет «Рождественская сказка Маппетов».

– Здорово, что вам все еще нравятся Маппеты, – сказала она, протягивая ребятам какао.

Клэр закатила глаза.

– Мам, мы включили «Сказку», потому что *ты* ее любишь. Не мы.

У Эми к горлу подступил комок.

– Тогда спасибо тебе, милая.

– А тут петельки нет, – объявил Джек, отрывая нитку с обертки и даже не скрываясь. Он протянул шоколадку Эми. – Придется тебе ее съесть.

И она съела.

На мгновение, когда Маппеты пели, гирлянда на елке мигала и весь мир наполнился вкусом шоколада, Эми подумалось, что есть шанс, всего лишь шанс, что все наладится.

И тут зазвонил телефон. Снова.

Она уже ненавидела звонки.

– Привет, Джим.

Эми постаралась не вздохнуть при звуке его голоса, но это было тяжело. Знаками показала детям, что уходит поговорить на кухню, и увидела, как те переглянулись. Говорили ли они о ней и Джиме сегодня, пока ездили в Лондон? Скорее всего. Она готова целый год не пить какао, лишь бы узнать что.

– Эми. Привет.

Джим говорил как-то напряженно. Эми подумала: а не стоит ли рядом с ним Бонни, слушая разговор, чтобы убедиться, что он не скажет то, с чем она не согласна? Как она сама раньше делала,

когда он звонил своей матери, чтобы предупредить об их скором приезде.

– Ты что-то хотел?

Эми села за кухонный стол и уставилась на часы на стене. Они остановились полгода назад, поэтому не могли показывать время, зато подчеркнули, как долго Джим молчал, прежде чем заговорить.

– Мы с Бонни подумали, что было бы здорово побыть с детьми первого января. Как только вернемся из Франции.

– Ох.

Эми не могла не отметить, что идея также принадлежит *Бонни,* и было понятно, что это значит: они живут вместе, и он планирует представить ей детей. Новый год, новое начало – и новая семья для ее детей. Как раз то, чего они хотели. Или нет.

Но двигаться дальше хотела и *она*. Правда?

– Мы подумали, это и тебе будет полезно, – вдруг зачастил Джим. – Ну знаешь, отдохнуть от детей.

Эми моргнула.

– Стоп. Ты серьезно пытаешься сказать, что, знакомя детей со своей новой подружкой, делаешь мне одолжение?

Джим вздохнул.

– Не будем все усложнять. Просто я был бы рад провести немного времени с Джеком и Клэр до конца праздников.

И поэтому уезжаешь кататься практически на все две недели, когда у них каникулы. Действительно.

Эми промолчала, потому что ей на самом деле хотелось *того же*. Хотелось, чтобы у детей были хорошие отношения с отцом. Чтобы Джим постарался остаться важной частью их жизни. И больше всего на свете ей хотелось двигаться дальше, каким бы ни был новый этап.

Эми знала – Джим не вернется. И Генри, возможно, тоже.

А значит, ей остается только смириться и думать о своем будущем. Строить новую жизнь при сложившихся обстоятельствах. Может, даже сходить на пару свиданий. Найти, чем бы *она* хотела заниматься только для себя, а не ради кого-то.

Узнать, кто такая она, Эми, сейчас.

Новый год – как раз подходящее время для таких дел.

– Ладно, – согласилась она. – Скажи мне, когда и где вы хотите встретиться, и я отвезу их.

Оставалось только надеяться, что дети тоже будут не против.

– Отлично.

Эми слышала облегчение в голосе бывшего мужа. Где-то в душе зашевелилась злость – из-за того, что Джим так легко добился своего, – но она заставила себя сосредоточиться на более

важных вещах.

У него новая жизнь. Пора и ей жить своей жизнью.

Отсоединившись, Эми вернулась в гостиную, где «Маппетов» сменило что-то другое, вроде бы с ютьюба.

– Чего *он* хотел? – Джек не поднял глаз, задавая вопрос.

– Твой отец звонил, чтобы пригласить вас в свой новый дом на первое января.

Она напряженно ждала ответа.

– Что? Я не поеду.

Эми испугалась, как бы у Джека голова не оторвалась, так сильно он замотал ею.

– Я уже сказала, что вы *оба* поедете, – ответила Эми. – Он – твой отец, Джек, и это важно для него. *Ты* важен для него!

– Да? Так почему тогда он ушел? – Джек не дал ей ответить. – И ты не имела права говорить за меня. Я уже не ребенок, мам. Сам могу принимать решения, понимаешь? И никогда не решу, что хочу провести день с ним. Никогда в жизни.

– Ты строишь из себя взрослого, а ведешь себя сейчас как ребенок, – сорвалась Эми и тут же пожалела о своих словах. – Извини. Я просто…

Но было слишком поздно. Джек швырнул пульт на пол и бросился из комнаты, бормоча что-то себе под нос. Услышав, как хлопнула дверь в его спальню, Эми поняла, что не увидит сына до утра. Этого только не хватало.

Клэр посмотрела на нее взглядом, полным осуждения.

– Знаю, знаю, – сказала Эми и потерла лоб. Вздохнула: – Хочешь посмотреть еще «Маппетов»?

– Нет, спасибо. – Даже Клэр говорила с ней сухо. – Пойду позвоню Люси.

И в один миг Эми снова осталась совсем одна.

Еще один чудесный праздничный вечер.

Зато теперь ей решать, что смотреть.

Эми снова включила «Маппетов» и пошла за рождественскими подарками и оберточной бумагой. В отличие от детей, у нее не было времени обижаться. Слишком многое еще нужно исправить, если хочешь создать прекрасное будущее, в котором жизнь – не бесконечная череда трудностей.

День девятый
Воскресенье, 22 декабря

Генри

Выходя на следующее утро с Сарой в сады, я чувствовал себя гораздо лучше. Во дворце все-таки столько мест для прогулок – и все в моем распоряжении. К тому же сегодня я проснулся, а рядом, в *моей* корзине, свернулась, согревая меня, Кэнди, что тоже не могло не улучшить мое настроение.

Вчера вечером, закончив рассматривать новогодние украшения, мы с Кэнди вернулись в Комнату корги и нашли Уиллоу с Вулканом уже спящими. Спать еще не хотелось, мы запрыгнули в мою корзину, и Кэнди нашептывала мне истории о королевских торжествах и дворцах, пока я не уснул.

На какое-то время я почти забыл, что видел Джека и Клэр.

Утром Сара накормила нас, и я, улыбнувшись на прощанье Кэнди, пошел за горничной, чтобы составить ей компанию во время работы. Вот бы сегодня перед сном Кэнди снова захотелось историй!

В садах мы с Сарой нашли Оливера, который ждал нас на нашей обычной дорожке, чуть впереди.

– Доброе утро вам обоим, – широко улыбнулся он, увидев нас. – Решил, что встречу вас тут.

Сара просияла в ответ:

– Правда, сегодня чудесный день?

Она закинула голову и посмотрела в сверкающее голубизной небо, подставив лицо слабому зимнему солнцу.

Мы отправились дальше, и Оливер – с нами рядом.

– Говорят, скоро снег пойдет. Только мне не верится: смотри, какое небо синее.

– Нет, – Сара покачала головой. – Похоже на правду, я прямо чувствую его. Скорее бы выпал.

Оливер засмеялся:

– Ты – как ребенок, которому не терпится лепить снеговиков.

– А что в этом такого? – удивилась она.

– Все так, – ответил Оливер, на мой взгляд, очень разумно.

Мы пошли дальше по тропинке, шагая нога в ногу. Это утро казалось идеальным началом дня – я надеялся, что у моих друзей впереди еще много таких дней. Все удивительным образом было на своем месте.

И, конечно, следовало заподозрить в этом первый признак того, что сейчас идиллии придет конец.

– Сара? – к нам направлялся незнакомый мне лакей. – Сара Морган?

Чем ближе он подходил, тем сильнее она хмурилась.

– Что-то случилось?

Я услышал напряжение в ее голосе. Оливер, видимо, тоже, потому что взял ее за руку и сжал ладонь.

– Там у бокового входа какой-то человек хочет увидеть тебя, – виноватым тоном сказал лакей. – Я говорил ему, что лучше позвонить, но он не уходит. Боюсь, по-моему, тебе придется с ним разобраться.

– Конечно.

Мы шли ко входу, а Сара мрачнела все сильнее.

– Есть идеи, кто это может быть? – спросил Оливер.

– Вообще никаких.

– Я бы не стал волноваться по этому поводу. Оливер успокаивающе улыбнулся и отпустил ее руку, но никуда не ушел. Это хорошо. Правда, сколько бы Оливер ни старался, у меня оставалось дурное предчувствие.

И я не ошибся. Как всегда.

Только мы подошли к воротам, Сара резко остановилась, увидев того, кто звал ее. Мужчина в поношенных джинсах, свитере и пуховике переминался с ноги на ногу, словно замерз. Или нервничал.

– Дэвид? – Сара удивленно округлила глаза.

– Твой бывший, – напряженным голосом сказал Оливер.

– Я не… не знаю, что он здесь делает, – растерянно пробормотала Сара.

Прижавшись к ее ноге, я старался показать ей, что я рядом.

– Так и думал. Но раз он утверждает, что не уйдет, пока ты не поговоришь с ним, думаю, надо узнать, зачем он тут, – сказал лакей, открывая ворота, чтобы впустить Дэвида. – Я буду недалеко, если понадобится помощь.

– Сара!

Дэвид побежал вперед и сжал ее в объятиях. Оливер сделал шаг назад, он уже давно не улыбался и смотрел очень серьезно.

– Что ты тут делаешь? – спросила Сара, прижатая лицом к его плечу.

Я не мог понять, рада она видеть Дэвида или нет. Вроде бы не должна, но ведь она не оттолкнула его.

Судя по лицу Оливера, он тоже не понимал.

– Увидимся… увидимся позже, Сара, – воскликнул он.

Сара обернулась, вырвалась из рук Дэвида.

– Ох, да. Конечно. Спасибо, Оливер.

И повернулась обратно к бывшему.

Я смотрел, как Оливер уходит опустив голову, и надеялся, что все мои старания не пропали даром.

Сара повела Дэвида в сады, чтобы не стоять на месте во

время разговора. Я, конечно же, семенил рядом с ней, ведь она все еще держала мой поводок. Было страшно – вдруг она отправит меня в Комнату корги. Мне ужасно не хотелось оставлять ее с бывшим наедине.

«Он совсем не похож на Оливера», – подумал я, рассматривая его. Волосы темные, но на этом все сходство заканчивается. Дэвид ниже ростом, полнее, голубые слезящиеся глаза смотрят неуверенно. Когда Оливер смотрит на тебя, в его взгляде слабости нет. Он знает, чего хочет, и много работает для достижения своей цели. А Дэвид, насколько я знал от Сары, не ценит того, что имеет. Даже если бы я ничего не слышал о нем, чутье подсказало бы мне – этому типу не стоит доверять.

Надо найти способ увести Сару от бывшего.

– Зачем ты здесь, Дэвид? – снова спросила Сара, когда мы немного отошли от дворца и любопытных глаз.

Она остановилась посередине дорожки, как раз рядом с кустом, в который я любил залезать больше всего.

Я слегка потянул поводок, но Сара стояла на месте и смотрела на Дэвида. Ох, не нравится мне это.

Пытаясь как-нибудь извернуться и сорваться с поводка, прицепленного к ошейнику, я принялся вертеть головой во все стороны. Освободившись, я залезу в свой куст, Саре придется доставать меня, и она напрочь забудет об этом своем Дэвиде.

– Я видел открытку, которую ты послала моей маме, – возбужденно воскликнул он. – И, конечно, понял, что она означает.

Сара нахмурилась.

– А именно?..

Я озирался по сторонам, по-прежнему пытаясь найти способ сбежать и увести Сару. Может, если дернуться очень сильно, очень резко… Все еще думая, куда бежать, я вдруг заметил кое-что странное. Неужели там, за кустом, кто-то подслушивает?

– Она означает, что ты все еще думаешь обо мне, хотя и уехала в Лондон. Что мы все еще связаны. Созданы друг для друга.

Дэвид подвинулся ближе, и я метнулся обратно, чтобы встать между ними и не позволить ему подойти *слишком* близко к моей Саре. Или, если точнее, к Саре Оливера.

– Я понял – она означает, что ты тоже меня любишь.

– Что ты сказал?

Сара отшатнулась, и Дэвид чуть не споткнулся об меня, пытаясь придвинуться ближе. Я был рад, что смог помешать ему.

Но вдруг мое внимание переключилось. Тот куст только что шевельнулся? Да! Шевельнулся. Там точно кто-то прячется. Но

кто? И зачем?

Я всматривался в плотную массу зеленых листьев до тех пор, пока наконец не разглядел мелькнувший рыжий локон и женское лицо.

Джессика. Что она тут делает? Пусть я мало знал о ней, но уже не сомневался – девушка ищет способ навредить Саре после того, как Оливер вывел ее на чистую воду на коридорной вечеринке.

Но не об этом сейчас стоило волноваться. Мне нужно увести Сару прочь от Дэвида, пока он не разрушил все, что было у нее с Оливером.

– Я совершил ошибку, упустив тебя, – искренним тоном сказал Дэвид.

Но я все равно ему не поверил. Человек, заставивший Сару чувствовать себя такой ничтожной, по-моему, не заслуживает второго шанса.

– Сейчас я знаю это. Понял, как сильно все еще люблю тебя, когда ты ушла. И, увидев открытку, догадался: это знак – знак, что ты чувствуешь то же самое. И поэтому, конечно, не мог не приехать.

Он толкнул меня ногой в бок, отбросил в сторону и двинулся к Саре. Я возмущенно взвизгнул, но, когда повернулся, собираясь хорошенько укусить его за лодыжку, было слишком поздно.

Дэвид целовал Сару.

Он крепко прижимал ее к себе, обнимая за спину, и я не видел Сариного выражения лица, потому что его тупая большая башка заслоняла ее лицо. Я гавкнул так громко, как мог, пытаясь заставить Сару очнуться от наваждения, которое он на нее напустил, но ничего не помогало.

Ужасно! Я так старался показать Саре, какой замечательной может быть ее жизнь во дворце и насколько она ее заслужила – а теперь она просто вернется к человеку, который говорил ей прямо противоположное.

И тут, как назло, из-за куста вылезла Джессика с ухмылкой на лице. Я попытался сорваться с поводка, чтобы догнать ее и не дать навредить Саре. Но моя подруга все еще крепко держала поводок, и я не мог никуда деться.

Бросив последний взгляд на целующуюся пару, Джессика побежала к дворцу, а Сара даже не заметила, что та была рядом. К своему ужасу, я знал, куда она идет – или, скорее, кому расскажет об увиденном.

Оливеру.

Это катастрофа.

Эми

Эми всегда считала, что воскресное утро предназначено для лежания в постели, кофе и неспешных размышлений. А если неделя выдалась тяжелой, то для блинчиков.

После ужасного звонка Джима накануне вечером она решила, что сегодня именно такое утро. Поэтому, пока кофе фильтровался, приготовила тесто для своих знаменитых блинчиков, надеясь, что в бутылке осталось еще достаточно сиропа, чтобы хватило на троих.

Соки, обычно не интересовавшаяся готовкой, если та не включала рыбу, терлась о ноги Эми, пока она ходила по кухне. Эми начала подозревать, что кошка назначила себя хранительницей очага в отсутствие Генри – или просто пользовалась свободой.

В любом случае, Эми радовалась ее компании, хотя с Соки было не так, как с Генри. Начать с того, что кошка не любила гулять, и Эми недоставало ежедневного глотка свежего воздуха и возможности подумать. Она прикидывала, не пойти ли на улицу *без* собаки, но все не могла собраться. Люк даже разрешил ей позаимствовать Дейзи вчера на перерыве, но его собака интересовалась белками и запахами куда меньше Генри. К тому же Эми жутко боялась потерять чужое животное и не могла расслабиться всю прогулку.

Услышав об этом, Люк рассмеялся.

– Значит, в следующий раз пойдем вместе, – сказал он, и Эми улыбнулась.

– Это свидание, – ответила она.

И следующие три часа думала о том, сколько смыслов он найдет в ее неосторожных словах, нечаянно сорвавшихся с языка.

Она покачала головой. Надо сосредоточиться на готовке, а не сохнуть по разведенному доктору, который просто проявил к ней доброту, так как знал, через что она проходит.

– О, блинчики!

Энтузиазма, с которым Клэр запрыгнула на стул, хватило, чтобы сделать утро Эми лучше – и отвлечься от переживаний по поводу того, что она сказала Люку.

Даже Джек казался не таким мрачным, когда протопал вниз по лестнице. Сын посмотрел на нее долгим взглядом, и Эми задержала дыхание, ожидая, что же он скажет. Очередную тираду по поводу отца? Или – чем черт не шутит – извинится?

Оказалось, ни то, ни другое.

– Сходить за воскресными газетами? – спросил он, уже

надевая кроссовки.

– Было бы хорошо, – неопределенно ответила Эми. – К твоему возвращению я уже начну переворачивать блинчики.

Воскресные газеты были еще одной семейной традицией. Джим любил по воскресеньям читать новости по бумажным изданиям, а не с телефона или планшета, как в остальные дни недели. Джеку нравились обзоры мультиков, фильмов и музыки, а Клэр любила рассматривать шикарные фотографии в цветных вкладышах. Эми же нравились полчаса тихого семейного счастья воскресным утром, когда они все вместе сидели за столом.

– Мы не покупали воскресных газет несколько месяцев, – сказала Клэр, когда Джек захлопнул за собой входную дверь. – После… ну после папиного ухода.

– Да, – подтвердила Эми. – Не покупали. Но здорово, что Джек предложил принести ее, правда? Ведь он обычно ходил за ней с… – она остановила саму себя, чтобы не сказать «Генри».

Потому что для семейной идиллии недостает не только Джима.

Эми вздохнула и снова вернулась к тесту для блинчиков. Не всё сразу.

Джек вернулся с газетами и с музыкальным журналом в придачу. Они с Клэр уселись за стол и погрузились в чтение, а Эми нагрела сковородку и приступила к жарке блинов.

– О-о-о, смотрите! – Клэр подняла повыше цветной вкладыш, чтобы Эми тоже могла увидеть. – Рождество в Виндзорском замке! Спорим, у них там суперские украшения? Даже лучше, чем на деревьях, которые мы видели у Букингемского дворца.

«Явно лучше, чем крошечная искусственная елка и полгирлянды из остролиста у нас дома», – подумала Эми. Она даже не успела вытащить из гаража того плетеного оленя Клэр. Да и купленные шоколадные елочные игрушки дети уже съели. Поглядев на дерево, Эми поняла, что, если бы они развесили все сладости, веток даже не хватило бы. А искусственная гирлянда, которую Эми обычно оборачивала вокруг перил, поредела – и, скорее всего, в этом виноват Генри. Поэтому сейчас, глядя на нее – наполовину облетевшую и все еще ронявшую листья, – Эми каждый раз вспоминала Генри, и тоска по нему вспыхивала с новой силой. А это глупо. Нельзя так раскисать из-за искусственных гирлянд.

Клэр продолжала охать и ахать над фотографиями из Виндзорского дворца. Эми нагнулась над ней, ставя тарелку с блинчиками на стол, и посмотрела.

– О, глянь на корги! – у Эми сердце сжалось, так они

походили на Генри. – И дорги тоже очень милые.

– Смотри, песик в короне! – Клэр ткнула в страницу и нахмурилась. – Подожди…

Она быстро перелистала страницы и нашла большую фотографию корги в короне, на этот раз сидевшего на троне, как на стуле, и, высунув язык, улыбавшегося в камеру.

– Смотрите! Джек, смотри! Это Генри!

Сердце Эми екнуло от слов Клэр и ее уверенности. Разве это возможно?

Но нет. Нереально. Генри, конечно, сбежал, но не мог же он каким-то образом добраться до Виндзорского замка, правда?

– Это просто корги, Клэр, – осадил ее Джек. – Конечно, он похож на Генри.

– Он не просто похож на Генри. Он и есть Генри. – Клэр так безоговорочно поверила в это, что не смутилась ни на миг. – На нем даже ошейник, который я купила на прошлое Рождество!

Ошейник, согласилась Эми, был узнаваем. Красный, из искусственной крокодильей кожи, с золотой пряжкой и золотым жетоном, на котором написано «Генри». Клэр сама откладывала деньги на покупку, чтобы песик тоже мог открыть рождественским утром особый подарок. Конечно, Генри куда больше заинтересовался собачьим шоколадом, который купил ему Джек, но все равно. Важна была сама идея.

И в этом случае сходство.

Эми наклонилась ближе, пригляделась к фотографии и увидела, что жетон с именем перевернут, поэтому прочитать его нельзя.

– Он здорово похож на Генри…

Просто вылитый. Впрочем, Эми никогда не умела как следует отличить одну собаку от другой, если они не стояли рядом. Как-то раз чуть не увела с дрессировочных занятий другого корги, когда Генри был еще щенком. Наверное, не стоит ей в этом доверять.

Эми покачала головой.

– Клэр, это не может быть он. Такое просто невозможно.

– Почему? – спросила Клэр. – Это же королевские корги, а мы потеряли его у Букингемского дворца. Конечно, может!

– А ты не думаешь, что королева заметила бы, если бы у нее вдруг появилась лишняя собака? – спросил Джек.

– Может, и нет! Дворец-то большой…

Клэр хваталась за соломинку, и все видели это. Вернее, все, кроме нее самой.

– Я напишу ей. Попрошу вернуть своего песика.

– Напишешь кому? – спросила Эми. – Стоп, ты хочешь

написать королеве?

– Да!

Клэр вскочила и побежала к ящику со всякой мелочевкой, где они хранили конверты и марки (вместе с использованными батарейками, неработающими фонариками и наполовину сожженными свечами для торта).

– Хотя нет, это глупо.

– Очень глупо, – согласился Джек и принялся уплетать целую стопку политых кленовым сиропом блинчиков, возвышавшуюся на тарелке.

Эми строго взглянула на сына.

– В смысле, что пройдет слишком много времени, пока письмо привезут и она его прочитает. Вы ж знаете, как работает почта на Рождество. У меня есть идея куда лучше.

– Какая? – сразу напряглась Эми.

– Я собираюсь сделать то, что делают все, когда надо привлечь внимание крупной компании или важного человека, – счастливо заявила Клэр. – Напишу в твиттер!

Генри

Я уже нацелился цапнуть Дэвида за лодыжку, как Сара его оттолкнула.

– Нет, – она отпрянула, вытирая рот.

Волосы у нее выбились из привычного аккуратного хвостика, а щеки полыхали краской, но скорее от злости, чем от страсти, понял я.

Мне стоило больше верить в Сару. *Конечно*, она не собиралась принимать этого идиота обратно. С чего бы? Особенно сейчас, когда мы с Оливером показали, что она достойна куда большего.

– Нет? В каком смысле?

Ответ совершенно ошарашил Дэвида. Щеки у него тоже покрылись ярким румянцем, но я не сомневался, что от стыда. Так ему и надо.

Я сел у ног Сары, чтобы не дать Дэвиду снова к ней подобраться, и ухмыльнулся.

Сара больше ему не принадлежит. Она наша.

– В смысле «нет», – сказала Сара твердо и ясно. – Я не буду тебя целовать. Я больше не люблю тебя – на самом деле не уверена даже, что любила когда-то. Как я могла любить того, кто говорил, что я недостаточно хороша, что я толстая, бесполезная и зря занимаю место?

– Не гово… – запротестовал Дэвид.

– Нет, – отрезала Сара, – говорил. Я знаю это, потому что твои слова врезались мне в память и отпечатались в сердце. Я не забыла ни одной ужасной вещи, которую ты когда-либо говорил мне, и вспоминаю их в сотню раз чаще, чем хорошие. И не то чтобы хороших вообще много нашлось.

– Но я пытался помочь тебе!

– Помочь мне? – У Сары глаза на лоб полезли от возмущения. – И как это, черт возьми, могло помочь?

– Ну понимаешь… я тебя мотивировал. Старался подстегнуть твои амбиции. И не хотел сделать тебе больно, – юлил Дэвид, но я видел, что его дело плохо.

Сара уже не велась на такие оправдания.

Она даже засмеялась ему в лицо.

– Ты разве не видишь? От этих слов только хуже! Я значила для тебя так мало, что ты мог говорить те гадости, вообще не волнуясь, как я чувствую себя из-за них! – Она покачала головой. – Ты не любишь меня, Дэвид. Просто ты не можешь смириться с тем, что я сбежала от тебя и живу здесь собственной жизнью, строю свое будущее, то есть совершаю поступки,

которые, по твоим словам, никогда не смогла бы. Тебя бесит, что я доказываю, как ты неправ, каждую секунду, каждый день. Просто живя своей жизнью, какой выбираю ее *сама*.

Сара покраснела от холода – или от праведного гнева, я не знал наверняка. В любом случае она выглядела прекрасно. Ее светлые волосы нимбом окружали лицо, а глаза сияли решимостью.

В слезящихся глазах Дэвида с каждой секундой росла неуверенность.

– Но открытка, которую ты послала…

Сара прервала его.

– Я послала рождественскую открытку твоей матери, ведь она, в отличие от тебя, всегда была ко мне добра. Мне не хотелось, чтобы она считала, что, уехав, я просто забыла об этом. Я не такая.

– А мне ты не послала ничего, потому что?.. Сложно было задать вопрос глупее…

– Потому что, если честно, Дэвид, я едва ли вспоминала о тебе с приезда в Букингемский дворец.

Видно, до него начало доходить. Но Дэвид не мог не попытаться в последний раз.

– Сара, я…

Она не дала ему продолжить.

– Нет. Что бы ты ни сказал, я больше не обязана слушать. Ты плохо со мной обращался, и теперь я знаю, что заслужила больше, гораздо больше, чем отношения с тобой. И я этого добьюсь. А значит, тебе пора уходить.

Если б я мог аплодировать, я бы так и сделал. Зато я мог вскочить и счастливо залаять.

И тут мне вспомнилось ликующее лицо Джессики, когда та бежала во дворец, и я понял, что моя работа не закончена. Надо исправить кое-что еще.

Я убедил Сару снять поводок и отпустить меня во дворец, потянув ее к ближайшей двери. Покачав головой, та освободила мой ошейник, и я помчался внутрь, предоставив ей одной показывать Дэвиду, где выход. Прямо сейчас, как я надеялся.

Мне не больше Сары хотелось проводить время в его компании.

Взбежав по лестнице, я помчался к комнатам слуг. Мне нужно найти Джессику и не пустить ее к Оливеру. Я боялся и представить, что она ему расскажет. Будем надеяться, тот слишком занят работой и Джессика еще не успела с ним поговорить.

Но я опоздал. Это стало ясно, как только я вбежал в коридор

для слуг и услышал ее голос.

– Ты бы видел их, Оливер, – с отвращением говорила Джессика. – Они целовались прямо в дворцовых садах. Демонстративно, напоказ. Если бы их увидел кто-нибудь из королевской семьи… – Ее передернуло.

– Мне не нужно знать такое, Джессика, – оборвал ее Оливер.

– Уверен? – переспросила та. – Только вот, кажется, ты очень сблизился с нашей Сарочкой. Наверное, тебе тяжело это слушать, понимаю. Но я решила, что тебе важно об этом узнать.

– Почему? Почему она вообще…

Он прислонился к стене и взъерошил свои аккуратные волосы.

– Потому что она использовала тебя, Оливер! Джессика тоже встала у стены очень близко к нему.

– Убедила тебя, что она – одна из нас, что собирается остаться здесь с тобой. Но она врала. Сара устроилась сюда, только чтобы заставить своего парня ревновать. А теперь, раз план сработал, уедет с ним обратно.

– Она так сказала? – спросил Оливер. – Ты действительно слышала это?

Джессика грустно покачала головой.

– Эх, Оливер, мне и не нужно было. Это видели все, кроме тебя. Сара никогда не вписывалась в нашу компанию, а может, и не хотела. Может, ее это и не заботило, ведь она знала, что не останется. Быть здесь – просто часть ее плана.

– Но Сара много работала, чтобы получить эту должность, – сказал Оливер. – Она хотела сюда, я знаю.

– Может быть. Но возможно, куда больше она хотела жить долго и счастливо со своим парнем.

Мне вдруг вспомнился разговор Сары и Оливера. Когда она рассказывала, к чему стремилась до работы во дворце. Дом, дети, муж в родной деревне. И по-моему, он тоже его вспомнил.

Оливер всерьез поверил, что она вернулась к своим старым мечтам, тем, которые оставила, когда устроилась на должность королевской горничной.

И я не знал, как сказать ему, что он ошибается. – Оливер, ты же знаешь, каково работать здесь, – сказала Джессика, все еще стоя слишком близко к нему, на мой взгляд. – Это по плечу только особенным людям.

– Я думал, что Сара именно *такая*, – с грустью произнес Оливер. – Я думал, она – особенная.

Джессика скорчила рожу. Оливер не заметил.

– Может, не настолько Сарочка и прекрасна, как ты думал.

– Может.

Но говорил Оливер неуверенно. Это хорошо.

– Тебе надо держаться с теми, кому точно можно доверять. С дворцовыми.

– Вроде тебя? – догадался Оливер.

– Именно, – улыбнулась она.

Она двинулась еще ближе, и Оливер сразу же отошел от стены.

– По-моему, нам обоим нужно вернуться к работе. Ты так не считаешь?

Он поднял брови, и Джессика покраснела.

– Ага. Точно. Увидимся позже, да?

– Ну, наверное, да.

Оливер смотрел ей вслед, пока она не ушла, а затем перевел взгляд вниз, где я сидел, глядя на него.

Я гавкнул, надеясь, что он поймет все, что я не мог сказать.

«Не переставай верить в Сару», – изо всех сил думал я.

Но Оливер не понял моего послания.

Он вздохнул.

– Не сейчас, Генри, хорошо? Мне надо написать рождественскую открытку. А то потом не хватит духу.

День десятый
Понедельник, 23 декабря

Генри

Ни Сары, ни Оливера я не видел до конца дня. А на следующее утро во дворце поднялась такая суматоха – я даже не пытался отвести их в тихое место, где они могли обо всем поговорить.

– Что это такое сегодня творится? – спросил я Уиллоу, пока мы смотрели, как слуги мечутся повсюду, носят мебель, серебро и непонятно что.

Как обычно, выйдя из Комнаты корги утром исследовать дворец, я увидел, что в парадных залах царит хаос. Мужчины и женщины в форменной одежде суетливо прибирались или расставляли столы и стулья. Один даже измерял расстояние между салфетками под тарелки и краем стола. Другой полировал стеклянную посуду, прежде чем расставить на столе.

Определенно необычный денек во дворце.

– Сегодня нельзя путаться под ногами, – сказала Уиллоу, осторожно отодвигаясь, чтобы сесть, опершись спиной о стену позади нас.

– Я думал, ты говорила, что, по правилам дворца, это прислуга должна не путаться под ногами у *нас*, – напомнил я.

– Обычно да, – согласилась Уиллоу. – Но завтра в Букингемском дворце проводится рождественский обед. Поэтому сейчас все прямо-таки сами не свои из-за приготовлений. По опыту безопаснее держаться в стороне.

Словно доказывая ее правоту, мимо пронеслась горничная с гигантским серебряным блюдом – очень похожим на одно из тех, которые я уронил со стола в свой первый день во дворце, – и чуть не наступила на меня. Я звонко гавкнул и поспешил убраться с дороги.

Мы с Уиллоу отступили в тихое местечко под изогнутой гигантской лестницей, откуда могли по-прежнему следить за всеми перемещениями, но без риска для жизни и лап. Я проводил глазами двух лакеев, которые перевозили гору чемоданов. За ними с пустыми руками шла элегантно одетая пара.

– А что особенного в рождественском обеде? – спросил я. – Кэнди вроде говорила, что королева уезжает на Рождество к какой-то Сандре?

– В Сандрингем, – поправила Уиллоу. – И да. Уезжает во дворец вместе с нами и несколькими близкими родственниками. Обед – что-то вроде предрождественской церемонии для всей королевской семьи, после которой Она покидает дворец.

Конечно. Разве Кэнди не говорила, что семейный обед обычно

проводится здесь? Наверное, он и будет завтра.

– По-моему, его всегда проводят раньше, – продолжила Уиллоу. – Вероятно, сейчас его отложили из-за Ее поездки.

Королева…

– Так Она вернется во дворец к этому обеду? От этой мысли у меня свело живот.

– О да, определенно, – Уиллоу многозначительно посмотрела на меня. – Она никогда его не пропускала. А только Она вернется…

– Помню.

По возвращении королевы определится моя судьба. Останусь ли я королевской собакой, или меня выпроводят отсюда? Если так, то куда? На улицу? В приют для собак?

Страшно даже представить, что будет.

Потому я решил и не представлять. Хотя бы пока не прижмет.

– А нам дадут вкусные объедки после этого обеда? – спросил я.

Уиллоу закатила глаза.

– Ты знаешь правила. Никаких объедков со стола.

Я вздохнул. Конечно, знаю. Но ведь сейчас Рождество! Эми всегда давала мне лакомые кусочки на праздник. Немного индейки, фарша, подливки – не такой, как у королевы, но очень даже вкусной. Я знал, что во дворце все иначе, но должны же быть исключения!

Кроме того, хотя Уиллоу и настаивала на том, что подбирать объедки запрещается, Кэнди уже проговорилась мне, что королева иногда дает им печенье за вечерним чаем. Я не мог не надеяться, что попробую *его*, прежде чем покину дворец…

– А кто приедет завтра? – спросил я, позволяя Уиллоу переключиться на ее любимую тему – перечисление Очень Важных Персон из королевской семьи, которых я никогда не встречал и с которыми никогда не сравнюсь по важности. Я перестал слушать уже через несколько имен. Они вообще-то не много для меня значили.

Раз Уиллоу отвлеклась, я мог лучше приглядеться к суматохе вокруг. Смотрел, как горничные и лакеи носятся мимо, занимаясь подготовкой к грандиозному, должно быть, обеду с кучей гостей. Дома на праздник обычно собирались только четверо Уокеров, бабушка, Соки и я. Здесь же планировалось принять, наверное, сотню гостей!

– Конечно, *их* в этом году не пригласят, – строго сказала Уиллоу. – После последнего раза – ни за что.

Я понятия не имел, о чем она. Но у меня был куда более важный повод для беспокойства: я увидел, как на другой стороне

зала по своим делам бежит Сара. Глаза у нее покраснели, и даже нос стал розовым. Как у Клэр, когда она плакала из-за гадостей, которые о ней говорили вредные девчонки из школы. (Эми никогда не разрешала их кусать, как бы мне ни хотелось, но запретить лаять и рычать на них не могла.)

– Извини, – сказал я Уиллоу, оборвав ее на полуслове. – Мне нужно кое-что сделать.

Я прошел за Сарой несколько комнат – и, кажется, миновал сотню пар ног, – прежде чем смог ее догнать.

– Ох! Генри! – она удивленно посмотрела вниз, когда я потерся о ее ноги. – Прости, что не успела погулять с тобой утром. Столько разных дел и…

– Сара! – крикнул кто-то. Услышав свое имя, она замолчала и обернулась. – Ты что, тратишь время на разговоры с собакой? А лучше день выбрать не могла?

– Конечно, не трачу, – соврала Сара. – Увидимся позже, Генри, – шепнула она и умчалась прочь.

Я вздохнул и снова прижался к стене, чтобы не путаться под ногами.

Видно, корги сегодня не на первом месте. Для всех.

Только после вечернего чая Саре удалось добраться до Комнаты корги. Моя подруга все еще казалась тихой и грустной, и я знал, что это из-за Оливера, а не из-за тяжелого дня во дворце.

Сара опустилась на пол, я подошел к ней и ткнулся головой в ногу, чтобы подбодрить.

– Ох, Генри. Когда же все пошло кувырком? Я положил голову ей на колени и посмотрел вверх большими глазами. Это был мой лучший взгляд, означавший: «Расскажи мне все». Он всегда действовал на родных. Даже на Джека. Разговорить Сару – плевое дело по сравнению с ним.

– Он послал мне открытку, понимаешь? Оливер. Написал, как рад нашему с Дэвидом воссоединению и счастлив, мол, что был моим другом во дворце. Другом!

Она изумленно покачала головой.

– И, что самое худшее, *никакого* воссоединения *не* было. Нет, погоди, это хорошо. Это самое лучшее. Я приняла верное решение и ничего в своей жизни не поменяла – только вот она разрушилась. Я по-прежнему здесь, совсем одна, и Оливер избегает меня.

Сара вздохнула и почесала меня между ушами, но я даже не мог насладиться этим, потому что слишком переживал за них с Оливером.

– Я всерьез думала, что между нами что-то есть, Генри. Честно. Но должна была догадаться. Не стоило надеяться. Такие, как Оливер Кинчен-Уильямс, всегда будут слишком хороши для меня. Друг – это большее, на что я могла рассчитывать.

Конечно, она была не права. Я знал, что не права. Но как объяснить это ей самой?

– Может, мне вообще не стоило приезжать во дворец.

Сара разрыдалась, и вдруг у нее на коленях оказался не я один. Рванувшись из корзины, Кэнди прижалась к Саре с другой стороны. Неожиданно для меня Уиллоу тоже спрыгнула на пол, куда степеннее подошла к Саре и сунула голову под ее ладонь.

Я поднял взгляд на единственную все еще не пустую корзину. Закатив глаза, Вулкан вылез и подошел к нам. Я почувствовал, как сердце наполняется гордостью за этих собак, моих друзей.

– О, вы… – начала Сара полным слез голосом. – Вы четверо – мои лучшие друзья во дворце.

– Похоже, она действительно в отчаянии, – пробормотала Уиллоу.

– Но мы поможем, – ответила Кэнди. – Мы всегда помогаем людям чувствовать себя лучше.

– Да мы в жизни не заставляли хоть кого-то чувствовать себя лучше, – более честно сказал Вулкан.

– Ладно, Генри поможет, – Кэнди ткнулась носом мне в бок. – *Генри* всегда утешает других. Это его талант.

– Я совсем не знаю, как утешить Сару, – признался я.

Эх, если бы узнать. Вот бы найти способ поговорить с ней, убедить, что ничего не потеряно. Убедить и Оливера.

Уиллоу коротко фыркнула.

– На мой взгляд, ответ очевиден.

– Да? – спросил я. – И какой он?

– Исправить то, что пошло не так, – Уиллоу пристально посмотрела на меня. – Проще простого.

Если б возможно было…

Стоп.

Есть шанс, что возможно.

Всего лишь шанс…

Я выпрямился и завладел вниманием других собак.

– Слушайте мой план.

Эми

– Клэр, не поможешь мне с продуктами?

Эми пыталась войти в дом, но из-за пакетов с трудом помещалась в дверном проеме. И куда Клэр вечно исчезает? Только что сидела рядом, а стоило Эми открыть багажник, чтобы достать продукты для праздника, – уже скрылась в доме. Как это дети научились оказываться за миллион миль от тебя именно в тот момент, когда их помощь действительно нужна?

– Подожди! – откликнулась Клэр из недр дома.

– Сложновато, – крикнула Эми в ответ. – Пакеты страшно тяжелые!

И где Джек, когда он нужен? Мальчики-подростки не самые полезные существа, но они весьма хороши в том, чтобы носить пакеты, – надо только этих подростков сперва найти. Сын обычно умудряется показаться ровно в тот момент, когда она заканчивает выкладывать покупки, и остаться ровно настолько, чтобы успеть стянуть какое-нибудь лакомство и испортить себе аппетит перед ужином.

Эми бросила эти пакеты на кухонный стол и повернулась, чтобы отправиться за остальными, как вдруг ее остановил радостный визг Клэр.

– Ответ пришел! – крикнула она через коридор.

Эми поспешила в гостиную, где дочь сидела на диване с ноутбуком на коленях.

– От кого?

И на что? В случае Клэр написать мог кто угодно: новый друг из школы, мальчик, который нравится какой-нибудь ее подруге, или учитель по поводу домашнего задания. В этот раз…

– От королевской семьи! Ну или от того, кто управляет их аккаунтами в социальных сетях, – Клэр повернула к Эми экран, чтобы показать уведомление. – Это же не может быть сама королева?

– Скорее всего, – согласилась Эми. – Она, наверное, слишком занята для твиттера. Так, а что там говорится? «@TheRoyalFamily ответил(а) на ваш твит». Очень содержательно.

– Подожди минутку, – сказала Клэр. – Это просто уведомление. Само сообщение должно быть… здесь.

Эми чувствовала тревогу где-то в районе живота, ожидая, когда Клэр откроет нужную вкладку в браузере и прочитает твит. Насколько ей хотелось надеяться, что эта затея обернется возвращением Генри домой, настолько же не верилось в такой исход. Даже *рождественские* чудеса теперь – крайняя редкость. И

вряд ли оно достанется именно семейству Уокер.

Как Эми и боялась, Клэр пробежалась глазами по сообщению, и ее лицо расстроенно вытянулось.

– Ответили, что я, мол, ошиблась, но они надеются на мое скорое воссоединение с питомцем.

Клэр говорила вообще безо всяких эмоций, но Эми знала, что она испытывает разочарование. Во многом потому, что и сама чувствовала его.

О Генри. Где же ты?

Эми крепко обняла дочь, забыв о покупках в машине.

– Попробовать стоило. Шансов почти не было, милая. Но ты хорошо постаралась. Мы больше ничего не можем сделать.

– Но, мам! Они ошиблись!

В голосе Клэр сквозило отчаяние, встревожившее Эми. Все надежды дочери основывались на нелепой идее, что Генри в Виндзорском замке, но, как бы чудесно это ни было, Эми понимала: их собаки там нет. И сейчас надо убедить Клэр в том же: только так девочке не станет больнее потом, когда не останется надежды, что Генри вернется домой.

Эми вздохнула. Как сильно ей хотелось, чтобы кто-то мог разделить ее бремя.

– Клэр, рассуждай логически, милая, – сказала она так деликатно, как могла. – Букингемский дворец – одно из самых строго охраняемых мест в мире. И даже умудрись Генри как-то попасть туда, кто-нибудь должен был заметить, что он не дворцовый. Королева же знает своих собак. И дворцовый персонал знает. Чтобы чужой собаке разрешили остаться во дворце… шансы просто микроскопичны.

– Я знаю, что это Генри, – упрямо сказала Клэр. – И я докажу.

Столько слов, а все впустую.

Оттолкнув Эми, Клэр снова согнулась над ноутбуком.

Эми посмотрела на нее долгим взглядом, поднялась на ноги и пошла заносить остальные покупки. В одиночку, раз у остальных сегодня другие приоритеты. Сейчас она сделала все, что могла. Клэр – девочка разумная. В конце концов она поймет, насколько нелепа ее идея. И Эми придется утешать дочь и утирать ей слезы.

Раскладывая последние продукты, Эми услышала, как вошел Джек. Закончив, пошла обратно в гостиную, чтобы проверить Клэр, – и остановилась на пороге.

На диване сидели ее дети: Клэр, поджав ноги, рядом с Джеком, к которому, видимо, перешли бразды правления над ноутбуком. Они что-то тихо обсуждали, показывали на экран, переговаривались.

Эми нежно улыбнулась. Ей, конечно, хотелось, чтобы это произошло не таким образом, но если иначе нельзя, то хорошо, что Джека и Клэр объединили тревоги последних месяцев.

Она просто надеялась, что дети пустят и ее в свою компанию.

– Чем это вы двое занимаетесь? – Эми прошла в комнату и села на край дивана рядом с ними.

– Собираем доказательства, – решительно сказала Клэр.

Этот тон всегда сулил неприятности.

– Доказательства чего?

– Того, что королева украла нашу собаку, – ответил Джек.

Эми поморщилась.

– По-моему, это не…

– Смотри!

Клэр развернула ноутбук к Эми экраном, и та увидела, над чем они трудились.

Фотографии двух корги рядом: первый снимок – собака в короне из воскресной газеты, второй – Генри на прошлое Рождество в бумажной короне и ошейнике, который купила Клэр. В таком же, что и на королевском псе.

– Как они могут это отрицать? – спросила Клэр. – Это же явно один и тот же пес!

– И другие пользователи теперь тоже это видят, – сказал Джек. – Я выложил эти фотографии рядом, и все начали репостить и комментировать страницу «По следам Генри».

Ох, как нехорошо. Эми готова на все, чтобы Генри вернулся домой целым и невредимым, но ей не хотелось, чтобы в сочельник к ней под дверь пришла полиция – спросить, почему она обвинила королеву в похищении собаки. Это считается изменой? Эми не знала, но так рисковать ей точно не хотелось.

– Может, не стоит привлекать слишком много внимания? – начала Эми, но Джек перебил ее нетипичным для себя радостным возгласом.

– И фото только что одобрили на новостном сайте, куда я отправил! – победно воскликнул он. – Генри точно станет вирусным постом.

– Отлично, – сказала Эми слабым голосом и пожалела, что не купила больше глинтвейна.

Ничем хорошим это точно не кончится.

Генри

Нужно было немножко подождать, прежде чем приводить план в действие, но я решил, что это к лучшему. Больше времени, чтобы разъяснить его остальным.

Уиллоу план нравился меньше всех.

– По-моему, это немного унизительно, – сказала она.

– И я не понимаю, зачем нам вмешиваться, – добавил Вулкан. – Разве люди не могут сами решать свои проблемы?

– Сара была добра к нам, – вставила Кэнди. – Мы тоже должны быть к ней добры.

– Но она – *прислуга*, – заныл Вулкан.

Видимо, он никогда не сможет преодолеть этот барьер.

– Она – мой друг, – твердо сказал я. – Мы поможем ей. И вот каким образом.

Мы решили воплотить план в жизнь попозже, после ужина, руководствуясь теорией, что все дела идут легче на сытый желудок. Плюс кормить нас – обычно обязанность Сары, и я практически уверен, что Оливер тоже закончит работу к этому времени. Все сложится идеально.

Но внезапно возникло препятствие, грозившее срывом плана.

– Хорошие новости! После еды вас всех хорошенько вымоют и причешут к завтрашнему возвращению Ее Величества. – Сара пыталась говорить радостно, но я видел, что выходит у нее не очень.

Последнее официальное подтверждение, что королева точно вернется завтра во дворец, не улучшило моего настроения.

Мы с Кэнди переглянулись. Я тихонько покачал головой – мол, не сейчас. Придется подождать, пока остальные трое не станут безукоризненно чистыми и аккуратными. Тогда у меня появится отличный шанс исполнить план. (Возможность увильнуть от еще одного сеанса купания была дополнительным бонусом.)

Один за другим мы шли за Сарой куда-то, где нас купали, стригли, расчесывали и сушили. Учитывая, что всего несколько дней назад нас уже привели в полный порядок в салоне, я надеялся, что это не займет много времени. Но все равно каждый миг, каждую секунду напряженно ожидал, когда же приступлю к воплощению своего замысла. Исправлю положение Сары раз и навсегда.

Наконец наступила моя очередь. Сара подошла ко мне с поводком в руке, готовая вести туда, где ждал собачий парикмахер. Она приблизилась, и я кивнул остальным собакам.

– Вы знаете, что делать.

Сара наклонилась, чтобы пристегнуть его, а я ждал, ждал, ждал… Пора!

В тот момент, когда она уже почти защелкнула карабин на ошейнике, я воспользовался тем, что в таком положении она не может быстро выпрямиться, и, неожиданно вывернувшись у нее из-под рук, помчался прочь.

– Генри! Генри!

Я едва расслышал ее крики из-за того, что Уиллоу, Кэнди и Вулкан залаяли одновременно.

Они задержат Сару, я знал – ровно настолько, чтобы дать мне фору. Мне не хотелось слишком вырываться вперед, иначе как Сара узнает, куда за мной бежать. Но и лапы у меня слишком короткие, чтобы я мог оторваться без *небольшой* помощи.

Лай утих, и я понял – Сара у меня на хвосте. Теперь собакам надо просто отвлекать остальной персонал. Меньше всего мне охота, чтобы какой-нибудь лакей решил помочь ей и поймал меня, прежде чем я доберусь до нужного места.

Я помчался по залам, наклонив голову, даже не глядя на слуг, разбегавшихся у меня из-под ног. Времени беспокоиться из-за них у меня не было.

– Генри! – услышал я чье-то возмущенное восклицание.

– Этот проклятый корги, – пробормотал кто-то другой. – Зачем ей вообще сдался еще один?

В Синей гостиной я врезался прямо в двух лакеев, которые несли гигантское украшение из гирлянд – белые свечи и красные ягоды остролиста разлетелись во все стороны. Я виновато гавкнул и продолжил бежать, хотя слышал, как они выкрикивают мое имя.

Было приятно, что все во дворце меня знают. Видимо, за десять дней я произвел здесь некоторое впечатление. Хотя не думаю, что кто-либо из них теперь решит заступиться за меня перед королевой.

Затем я оказался в Парадной столовой, где нырял под столы и стулья и огибал ноги, отчаянно пытаясь не останавливаться. Теперь мне не важно, что подумает королева; сейчас важнее всего Сара.

Обернувшись через плечо, я увидел, как она бежит за мной, стремительно сокращая расстояние. Нужно торопиться.

Я промчался через дверной проем, затем еще один, еще и уже скоро оказался в жилой части дворца. Где-то здесь точно должна быть лестница, которую я искал…

Там!

В коридор прислуги я поднимался только дважды, но этого хватило. Найти комнату Оливера оказалось посложнее. Все равно

– я по опыту знал, что, если лаять достаточно долго и громко, кто-нибудь выйдет посмотреть, что за шум. Одна за другой двери комнат открывались, лакеи и люди с кухни смотрели на меня – или кричали, в зависимости от характера.

– Генри? – Оливер стоял в открытых дверях своей спальни, недоуменно глядя на меня. – Что ты…

Пронесшись у него под ногами, я схватил одинокий ботинок, лежавший у гардероба. И побежал дальше, зная, что Оливер последует за мной. Он ведь, как я заметил, весьма щепетилен в вопросе внешнего вида – обувь у него всегда идеально начищена. Оливер не даст мне испортить ботинок, как Эми не позволила бы унести ее лучшую туфельку на каблуке!

Вниз по лестнице я слетел быстро, умудрившись промчаться мимо Сары и обогнать ее прежде, чем она вообще поняла, что произошло.

– Генри! – крикнула она вслед. – Вернись сейчас же! Это всего лишь ванна, бога ради!

Тут я услышал грохот и звук удара.

Резко остановившись, повернулся, чтобы проверить, как она.

Оливер оказался быстрее, чем я предполагал. После, вероятно, весьма эффектного столкновения они с Сарой сидели практически на головах друг у друга, перепутав руки-ноги, у основания лестницы.

Я подождал и услышал, как Оливер спросил:

– Ты не ушиблась?

И Сара ответила:

– Нужно догнать Генри.

У них все нормально. А значит, пора улепетывать.

Я вновь помчался по коридорам, обратно в парадные залы, между столов, стульев и ног, наступив на несколько укатившихся ягод остролиста.

Добежав до парадной лестницы, шарахнулся в сторону, чтобы не врезаться в лакея, и случайно зацепился ошейником за край гирлянды, обернутой вокруг перил.

– Генри! – услышал я голос Сары за спиной. Времени распутываться не было, поэтому я дернулся вперед – и влетел прямо в высокого лысоватого незнакомца в сером костюме.

– Какого черта!

Тот обернулся посмотреть, что в него врезалось, но, увы, только сильнее запутался в гирлянде.

– Ваше Высочество! – воскликнул Оливер, останавливаясь, чтобы помочь освободиться члену королевской семьи, приехавшему на обед. Упс.

Избавившись от гирлянды, я погнал дальше, но чуть-чуть

медленнее, чтобы убедиться, что Сара и Оливер не потеряют меня. Конечно же, через несколько мгновений они уже оказались прямо за мной.

Мой план почти исполнен. Я свел Оливера и Сару ради общей цели – поймать меня. Все, что нужно, – это доставить их именно туда, куда я хочу.

Добежав до Большого холла, я резко притормозил прямо у главного входа. Я уже тяжело дышал, напрягая все силы, но не сомневался, что гонки того стоили. Снег как раз начал падать, белые хлопья и снежинки сверкали при свете рождественских гирлянд. Это был идеальный зимний вечер – идеальный для романтики.

Подняв голову, я нашел то, что искал, – то, что увидел, еще когда исследовал дворец в первые свои дни здесь. Омела. Каждой собаке известно, что она означает.

Сара и Оливер подбежали ко мне, оба немного запыхавшись, и остановились рядом.

– Генри! О чем ты думал? – набросилась на меня Сара, но тут же присела проверить, все ли со мной в порядке.

Я сидел не двигаясь и пялился в потолок.

– На что он смотрит? – нахмурился Оливер. Они проследили за моим взглядом, и я поймал момент, когда им на глаза попалась омела. Сара покраснела. А Оливер заулыбался.

– По-моему, он пытается на что-то намекнуть, – сказала Сара, все еще не отрывая взгляда от большого венка над головой.

Оливер отошел на шаг назад.

– Кажется, это неуместно. Учитывая обстоятельства. Раз ты… ну, вернулась к своему бывшему…

– Но это неправда! – запротестовала Сара. – Не знаю, что ты слышал или видел, но между мной и Дэвидом все кончено. Совершенно. Так я ему и сказала, когда он пришел увидеться. Моя жизнь теперь здесь.

– Правда? – Оливер подвинулся ближе. – Ты уверена?

– Сильнее, чем когда-либо.

Сара улыбнулась Оливеру, и тот ответил ей улыбкой.

Я терпеливо ждал. Знал ведь, что сейчас будет. Так происходило во всех фильмах, которые мы смотрели с Эми и Клэр. Омела плюс снег плюс признание от чистого сердца равно…

Медленно, несмело Оливер наклонил голову. Взял Сару за подбородок, потянулся к ней и поцеловал.

Я улыбнулся.

Вот зачем я оказался в Букингемском дворце, хотя и сам об этом не догадывался.

Мое дело сделано. Можно больше не волноваться за Сару.

Оставив их целоваться под омелой в свете трех сверкающих елок, озарявших светом все вокруг, я направился в Комнату корги. Мне хотелось еще одну ночь провести в корзине рядом с собаками, которые стали моими друзьями – или, в случае Вулкана, перестали быть врагами.

Завтра приедет королева.

И кто знает, что случится тогда.

День одиннадцатый
Вторник, 24 декабря, сочельник

Генри

Спалось мне на удивление хорошо (спасибо Кэнди, которая снова забралась в мою корзинку), но, когда я проснулся, в животе от волнения уже порхали бабочки. Сегодня я узнаю свою судьбу. Сразу после завтрака Сара заглянула к нам, чтобы вывести на прогулку перед возвращением королевы.

Я не мог не заметить, что моя подруга очень уж сияла для человека, который вчера полвечера гонялся за мной по дворцу.

– Ах, проказник, – усмехнулась она, пристегивая поводок. – Никуда не сбежишь сегодня утром, да? Кажется, вчера ты добился того, чего хотел. Или чего *я* хотела.

Она поцеловала меня между ушами и пошла с нами в сады.

Должен заметить, я гордился тем, как закончился вчерашний вечер. Очевидно, Оливер и Сара разрешили все свои недопонимания и, мне казалось, больше не позволят никаким глупостям разлучить их. Они ведь созданы друг для друга. И я рад, что просто помог им понять это.

Единственный минус – теперь ничего не отвлекало меня от мыслей о скорых переменах.

– Ты готов? – спросила Кэнди, когда мы шли по свежевыпавшему снегу. – В смысле к встрече с Ее Величеством.

Серьезно обдумывая вопрос, я посмотрел по сторонам. Вот он я, иду по землям вокруг самого роскошного здания, в котором мне было суждено побывать. Я, Генри Уокер, живу во дворце. Я ел из блестящей серебряной миски только что пойманного и приготовленного кролика. Меня купали и по каждому дюйму моей шерсти проходились расческой. Я спал в специальной корзинке, приподнятой над полом, чтобы меня не продуло. Даже носил корону.

Скоро я увижу королеву Англии. И Она решит мою судьбу.

– Не знаю, – честно ответил я.

Можно ли вообще быть готовым к такому?

– Наверное, все зависит от того, что она скажет, когда обнаружит в доме самозванца, – сказал Вулкан с еле заметной ухмылкой.

– Генри – не самозванец, – возразила Кэнди.

– Скорее… нежданный гость, – добавила Уиллоу.

И это было очень мило в сравнении с тем, что она говорила в первое время.

– *Незваный* гость, – пробурчал Вулкан.

С ним все оставалось по-прежнему. На мой взгляд, Вулкан вообще не изменится. Ни для кого. Но когда я узнал о нем

немножко больше – о его утрате и сильной тоске, да и помня его доброе отношение к Саре вчера вечером, – мне было легче не обращать внимания на его колкости.

– Так или иначе меня тут быть не должно, – я пнул кучку снега, лежавшую на дорожке.

Если королева прогонит меня, я не буду скучать по изысканной еде, Комнате корги и всему такому. (Ладно, может, только по подливке. Да, точно буду скучать по подливке. А вдруг она разрешит мне взять с собой рецепт?) Я буду скучать по друзьям, которых тут нашел. По Оливеру и Саре. По Кэнди и Уиллоу. Даже по Вулкану. (Окей, по Вулкану, скорее, нет.)

Может, *я* и *готов* встретиться с королевой. Только вот не знаю, готов ли попрощаться.

После прогулки Сара повела было нас обратно в Комнату корги, но вдруг к нам подбежал взмыленный Оливер.

– Что случилось? – Сара сразу же бросилась к нему и коснулась его руки.

Тот улыбнулся и тряхнул головой.

– Ничего страшного. Просто обычная суета перед рождественским обедом. Вот что важно: нам сейчас передали, что королева вернется во дворец раньше, чем планировалось.

Он сверился с часами.

– На самом деле минут через пять. Придется тебе вести собак прямо к парадному входу, чтобы встретить ее.

У Сары расширились глаза.

– Мне? Ты уверен? Я никогда не…

– Они тебя любят, – перебил Оливер ласковым тоном. – Больше, чем всех остальных слуг здесь, если начистоту. Особенно Генри. Только с тобой собаки будут ждать смирно – никто другой не поручится за это после тех вчерашних проделок!

– Тогда хорошо, – согласилась Сара.

Как по мне, она все еще казалась немного испуганной.

– Будьте паиньками, – шепнул я остальным собакам и увидел, как Вулкан закатил глаза.

Я знал, что, если валять дурака, можно навлечь на Сару – или на себя! – неприятности.

Она, не снимая поводков, повела нас к парадному входу. Там вовсю шла подготовка к прибытию королевы, не говоря уже о приезде других гостей на обед. Сара осторожно встала с краю, а мы терпеливо уселись у ее ног. Я заметил, как она подняла глаза на омелу и улыбнулась.

Сердце бешено колотилось, уши были прижаты к голове. Вот и он. Миг, которого я боялся и на который надеялся, попав во дворец. В любую секунду я узнаю свою судьбу.

Среди собравшихся слуг прокатилась волна шепота, когда длинная черная машина въехала в только что открывшиеся ворота. Я не сказал ни слова, но все собаки, Кэнди, Уиллоу и Вулкан, сгрудились впереди меня – не знаю точно, чтобы защитить или спрятать. Но я все равно ценил эти старания. Пусть даже не ждал, что они помогут.

Машина плавно остановилась прямо у входа, Оливер стремительно подошел к задней дверце и открыл ее. Я увидел, как оттуда показалась миниатюрная седоволосая старушка в лавандовом пальто, и слуги принялись кланяться и приседать.

Ее Величество Елизавета Вторая, Божьей милостью Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и иных своих царств и территорий Королева, Глава Содружества, защитница веры. (Да, Уиллоу заставила меня запомнить Ее официальный титул. Хотя одному небу известно, когда это могло бы мне пригодиться, по ее представлению. Не собирался же я производить впечатление на королеву и гавкать его сейчас, правда?)

Она и сама по себе впечатляла – не потому что была высокой или грозной, скорее наоборот. Достоинство, спокойствие и авторитет, заключенные в таком миниатюрном теле, делали ее только внушительнее.

Так же и с корги, наверное.

Тут королева сделала то, отчего все – кроме нас, собак, – пришли в замешательство. Она заглянула в машину и достала маленькое пушистое создание. Корги по имени Монти, предположил я. Пес, чье место во дворце я занял, а никто даже и не заметил.

Конечно, все продолжали молчать, но я видел, как Сара бешено металась взглядом от нашей четверки к собаке в руках Ее Величества. Оливер, по-прежнему державший дверцу машины, приоткрыл рот.

Да, это *тот самый* момент.

Ее Величество подошла прямо к нам, опустив Монти, Другого Корги, на лестницу. По очереди поприветствовала Уиллоу, Вулкана и Кэнди.

А затем посмотрела на меня.

Не зная, что делать, я уставился на нее в ответ. «Пожалуйста, – мысленно взмолился я. – Пожалуйста, не выбрасывайте меня. Помогите мне отыскать мою семью или позвольте остаться. Только не выгоняйте на улицу одного, без друзей и семьи. Пожалуйста».

Королева выпрямилась и повернулась к собравшимся слугам.

– Кажется, в мое отсутствие у нас завелся новый корги.

И вот тут воцарился настоящий хаос.

Довольно долго никто не мог понять, что именно случилось. А пока ничего не было ясно, королева забрала нас пятерых в свой кабинет. Но слухи разнеслись по дворцу очень быстро.

Тем временем Уиллоу, Кэнди и я объяснили события последних полутора недель ошеломленному Монти.

– Так ты сбежал? От своей семьи? – спросил он. – Зачем?

– Я сбежал не от них, – пояснил я. – Просто было так шумно, и я увидел симпатичного толстого голубя – отличную добычу… а потом еще сады, где я не бывал…

– В общем, его сгубило собственное любопытство, – неодобрительно фыркнул Вулкан.

Монти, кажется, произвел на него не намного лучшее впечатление, чем я, несмотря на свою превосходную родословную – или, скорее, родословную почившего хозяина.

Через какое-то время в кабинет королевы зашла сконфуженная женщина в синем костюме.

– Сьюзен Йейтс, мэм, – сказал лакей у двери, представляя вошедшую. – Менеджер по маркетингу Букингемского дворца.

Сьюзен сделала реверанс и, бегая взглядом по комнате, стала ждать, когда королева заговорит с ней.

Ее Величество отложила ручку и направила на Сьюзен все внимание.

– Мы уже выяснили, откуда взялся этот довольно милый корги?

Я ухмыльнулся, глядя на Вулкана. Комплимент от королевы перекрывал все его язвительные комментарии.

– Мы считаем, да, Ваше Величество.

Сьюзен шагнула вперед и дрожащей рукой протянула ей стопку бумаг.

– Выяснилось, что маленькая девочка недавно писала нам по поводу виндзорских снимков собак в воскресной газете. Видимо, ее семья гуляла с псом у дворца чуть больше недели назад, тот сбежал, и с тех пор они его ищут. Девочка узнала своего питомца, Генри, на фотографиях и отправила в твиттере сообщение на аккаунт королевской семьи, спрашивая, не может ли это быть ее собака.

Клэр! Клэр увидела мои фото и поняла, что это я! Эта новость заставила мой хвост заходить ходуном от счастья.

– И, полагаю, ей ответили, что это невозможно? – сухо спросила королева.

– Да, мэм, – поморщилась Сьюзен.

– Я по-прежнему не вполне понимаю, как прислуга могла не заметить, что у нас здесь, во дворце, появилась лишняя собака.

– Ох… ну… кажется, возникла некоторая путаница из-за вашего нового корги, – пояснила Сьюзен, покраснев.

– Из-за Монти? – королева подняла брови. – Так вы полагаете, что это *Монти* виноват?

– Нет! Конечно же, нет, мэм. Просто прислуга еще не познакомилась с Монти, и, найдя другого корги в садах, они подумали, что это, наверное, он и что вы решили все-таки не брать пса с собой в поездку.

Королева облокотилась о стол и посмотрела на Сьюзен.

– И никто не заметил, что на собаке жетон с именем «Генри»?

Сьюзен покраснела еще сильнее.

– Как я и сказала, произошла путаница. Видимо, как из-за имени нового пса, так и из-за его местонахождения.

Монти известил нас по своем прибытии, что его полное имя Монтегю Геркулес Генри Пентроус-Смит, и меня совсем не удивляло, почему никто во дворце его не запомнил. И вообще «Генри» было *одним* из его имен.

– Я вижу, – королева чуть кивнула головой. – Персонал проявил себя не с лучшей стороны, не так ли? Но, уверена, сегодня на рождественском обеде он восстановит свою репутацию.

– Не сомневаюсь, мэм, – сказала Сьюзен, кивая с каким-то чрезмерным энтузиазмом.

– Но сперва стоит решить вопрос с Генри, вы не считаете?

Королева встала из-за стола и подошла туда, где я лежал, свернувшись калачиком, позади остальных. Кэнди попыталась прикрыть меня, но королева аккуратно подвинула ее.

Я встал, готовый встретить свою судьбу.

– Он – весьма красивый пес, – сказала королева, гладя меня по голове. – И завел себе много друзей здесь во дворце, насколько я слышала.

– Да, мэм, – подтвердила Сьюзен, не упоминая о вчерашней беготне по всему дворцу, что было мило с ее стороны.

Королева вздохнула.

– Но будет дурным тоном держать собаку вдали от семьи. Особенно в такое время года.

Она выпрямилась и снова повернулась к Сьюзен.

– Думаю, лучше вам найти способ вернуть Генри домой к Рождеству. Как вы считаете?

Я гавкнул, что согласен. Я еду домой!

– И посмотрите, можем ли мы как-то загладить вину перед этой семьей за похищение их питомца? – добавила королева. – Не очень-то хочется прославиться таким поступком.

Эми

Эми бросила сумку на кухонный стол и сняла с шеи шарф. Наконец-то сочельник. С рождественскими покупками, слава богу, покончено, и хирургия закрыта до 27-го. Она официально свободна от работы минимум шестьдесят часов, каждый из которых планирует расслабляться.

Ну после того, как закончит заворачивать подарки.

Рождественские блюда уже стояли готовые в холодильнике – разнообразия меньше, чем обычно, следует признать, но все равно дети любят жареную курицу больше, чем индейку. Наверное. К тому же никому не нужен сразу рождественский пирог *и* рождественский пудинг. Люк даже вручил ей бутылку ее любимого вина, и это было мило.

Подарки в рождественских чулках, может, и скучнее, чем в прошлые годы, но всем ведь нужен гель для душа и витамины – они точно пригодятся. Джек и Клэр сами решили, что хотят на Рождество, и пусть Эми могла предложить каждому только по одному подарку, она знала, что он будет желанным. Даже для Соки Эми приготовила баночку особой кошачьей еды в качестве рождественского угощения и новую мышку-пищалку.

Это будет тихое, спокойное семейное Рождество. Даже бабушка уехала в круиз с тетей Мэри. Но это ничего; Эми нравилась идея отмечать только втроем. Позади тяжелые месяцы, все совсем не так, как в прошлом году. Кажется, будет правильно провести это время вместе, рядом друг с другом, накапливая силы, чтобы ворваться в новый год и сделать его прекрасным.

Да, скромное семейное Рождество – это идеально.

И только Генри по-прежнему не хватает.

Эми отодвинула эту мысль на задний план, потому что зазвонил телефон. Прошло уже почти две недели. Если Генри сегодня не найдет путь домой, скорее всего, они не увидят его до Рождества. Или вообще никогда. Но в ближайшее время Эми не планировала говорить это детям. Рождество – пора надежд. И она позволит надеждам жить немного дольше.

– Слушаю, – сказала она, поднимая трубку и мысленно прикидывая, когда начинать готовить печенье для рождественского ужина.

– О, здравствуйте. Могу ли я поговорить с мисс Клэр Уокер?

Обладательница благовоспитанного голоса на другом конце линии как будто стыдилась своего вопроса.

Эми нахмурилась, напрочь забыв про духовку и приготовления. Кто может звонить Клэр в сочельник?

– Могу я узнать, с кем говорю?

– Это Сьюзен Йейтс из Букингемского дворца.

О господи. Что еще натворили ее дети? Так и знала, что эта интернет-кампания до добра не доведет! У Эми пересохло во рту, она пыталась подобрать правильные слова, способные исправить какие угодно недоразумения.

– Да. Конечно. Послушайте, если вы насчет твитов…

Джек высунулся из гостиной, и Эми замахала рукой в сторону лестницы, одними губами говоря: «Приведи Клэр! Быстрее!» Тот ничего не понял, но все равно побежал по лестнице, и Эми надеялась, что за сестрой.

– Послушайте, мисс Йейтс, моей дочери Клэр всего двенадцать, она убивается из-за потери собаки, – продолжила Эми, надеясь сыграть на сочувствии.

– Я понимаю, миссис Уокер. Поэтому-то и звоню…

– Ох, знаю, знаю, мне так жаль! – перебила Эми. – Почему-то Клэр убеждена, что собака на фото – Генри, она верит в это. Я пыталась говорить с ней… но сейчас Рождество, дочь так держится за свою надежду.

Джек и Клэр с грохотом спустились по лестнице и остановились внизу, слушая разговор.

– Кто это? – тихо спросила Клэр.

Эми прикрыла трубку рукой.

– Букингемский дворец!

Клэр вытаращила глаза.

– Вот черт, – пробормотал Джек. – Сейчас нам влетит.

– Я все понимаю, миссис Уокер, – сказала Сьюзен. – И обещаю, что из-за твитов не будет никаких проблем. Ну, по крайней мере, у вас. Если можно, дайте мне поговорить с Клэр. Буду весьма рада лично сообщить ей новость.

Заинтригованная, Эми протянула телефон дочери.

– Да? – негромко сказала Клэр.

Она некоторое время слушала молча, кивая каким-то словам Сьюзен, и глаза ее распахивались все шире и шире.

– Что такое? – громко прошептала Эми.

Но Клэр не ответила.

Джек стоял вплотную к сестре, пытаясь разобрать, что ей говорят, но, судя по тому, как он качал головой, ничего не получалось.

Что вообще происходит? Может ли… Эми почувствовала, как в ней начала зарождаться надежда, но усилием воли подавила ее. Не стоит ожидать слишком много и вообще надеяться, когда речь о чем-то важном. Разочаруешься, и только.

Нет, наверное, королева услышала о пропавшем песике и

захотела послать открытку на Рождество или что-то в этом роде. Вот и все. И открытка будет милым рождественским сюрпризом для всех них, разве не так?

Но тут у Клэр открылся рот, и она, вся засветившись, приподнялась на цыпочки.

– Спасибо вам! Спасибо, спасибо, спасибо!

Девочка положила трубку и бросилась Эми на шею.

– Что произошло? – недоуменно спросил Джек.

– Они нашли Генри! – закричала Клэр. – Он возвращается домой. Сегодня!

– Не думаю, что готова с ним попрощаться.

Сара сидела рядом со мной на коленях в Комнате корги и гладила снова и снова, словно я не мог уйти, пока она касается моей шерсти.

Оливер положил руку ей на плечо.

– Никто никогда не бывает готов сказать «прощай».

– Он прав, – сказала Кэнди.

Собака сидела недалеко – не в своей корзине и не вплотную ко мне, но близко.

– Прощаться тяжелее всего.

– Когда пришлось прощаться с Холли в прошлом году…

Уиллоу покачала головой.

– Она тоже была из последних королевских корги, до Монти – и… хм… тебя. Мы знали, что после ее смерти у нас, скорее всего, не появится новых братьев или сестер. Что остались только мы трое.

Я слышал боль в ее голосе и знал: Вулкан тоже чувствует ее. Кэнди говорила, что он был куда ближе с Холли, чем кто-либо.

– А затем появился ты, – добавила Кэнди. – И все изменилось.

– С Монти тоже изменится, – сказал я, немного смущенный таким проявлением чувств.

Монти еще не появлялся в Комнате корги, его пока расчесывали слуги.

– Он – не ты, – просто сказала Кэнди.

Вулкан закатил глаза.

– Эти двое пытаются сказать, что дворец без тебя будет не таким. А хорошо это или плохо… наверное, зависит от того, у кого спрашивать.

Я рассмеялся. Умеет Вулкан касаться чувствительных тем.

– Я тоже буду скучать, – сказал я. – По всем вам.

– Даже по Вулкану? – спросила Кэнди.

– Даже по Вулкану.

Я уперся головой Саре в колено и тихонько заскулил, чтобы показать, что буду скучать по ней больше всех. Мы присматривали друг за другом, когда оба были новенькими во дворце, немного напуганными и неуверенными. От мысли, что я больше никогда ее не увижу, у меня сжималось сердце.

– Знаешь, если бы не Генри, не думаю, что у меня когда-либо хватило бы смелости заговорить с тобой, – призналась она Оливеру.

– Если бы не Генри, у нас не было бы такой романтической

истории про первый поцелуй, – ответил он, и Сара рассмеялась.

– Я серьезно, – сказала она. – Он дал мне уверенность, которую я не могла найти сама. Заставил поверить, что здесь мое место.

– А я-то думал, это моя заслуга. – Оливер притворился было обиженным, но Сара сжала его ладонь.

– Твоя тоже, – признала она. – Ты сделал это место для меня домом. Заставил поверить, что я могу остаться… и захотеть остаться! Но Генри… он заставил меня поверить в себя.

– Значит, мы много ему задолжали, – сказал Оливер. – Потому что я не могу представить свою жизнь без тебя. Но еще я знаю, что ты нашла свое место не только благодаря мне или Генри.

– Да? – недоуменно спросила Сара.

– Ты нашла его сама. Сама. Много работала, была приветливой, не изменяла самой себе и покоряла окружающих. Включая нас с Генри.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, а Вулкан с отвращением повернулся к ним спиной.

– Это невыносимо, – сказал он. – Когда ты уже уходишь? А этих с собой ты заберешь?

– К сожалению, нет, – ответил я. Тут как раз дверь открылась, и показался лакей, одетый в теплое зимнее пальто. – Но, кажется, ответ на твой первый вопрос – сейчас.

Сара и Оливер поднялись, причем она взяла меня на руки.

– До свидания, Генри, – сказала моя подруга, уткнувшись в мою шерстку. – Я буду скучать.

– Мы можем увидеться снова, если приедем к нему домой, – предложил Оливер. – После рождественских каникул.

Я вскинул уши и гавкнул в знак согласия.

Сара рассмеялась.

– Кажется, Генри нравится эта идея. Как и мне. Она надела на меня теплую куртку, спустила на пол и, прицепив поводок, передала его лакею.

– Пока, Генри, – Оливер почесал мне между ушей и отошел, взяв Сару за руку, пока меня выводили из комнаты.

К моему удивлению, четыре собаки пошли следом.

– Нельзя вам всем ехать в Суррей, – сказал им лакей. – Ее Величество будет слишком скучать.

Все равно они спустились со мной до бокового входа, где сели и стали ждать.

Пока лакей убеждал меня выйти за дверь, я улучил момент и оглянулся на друзей. На Уиллоу, научившую меня всему, что я знал о дворце и королевской семье. На Кэнди, поднимавшую

настроение, когда я грустил, и с которой сблизился больше всех. На Вулкана, который… в общем-то, вредничал все время, но, кажется, по-настоящему расстроился из-за моего отъезда, когда пришла пора. Даже на Монти, чье отсутствие помогло мне попасть во дворец.

– До свидания всем, – сказал я.

Глаза защипало. Я словно катался по свежесрезанной траве летом. Может, просто снежинка залетела?

– До свидания, Генри, – сказала Уиллоу.

Один за другим (по старшинству, конечно) они подошли ко мне и тронули за лапу.

– Удачи, – пожелал Вулкан немного хриплым голосом.

– Буду скучать, – прошептала Кэнди.

Монти ничего не сказал, он просто продолжал смотреть на меня с таким же удивленным выражением, какое, кажется, было у него всегда.

Я поднял глаза и увидел, как Сара пытается удержать слезы, а Оливер обнимает ее за плечи. Хоть я и буду ужасно скучать по Саре, я был рад, что она встретила Оливера. Теперь, когда они нашли друг друга, у них впереди только хорошее.

А теперь пора уходить.

На душе было немного тяжело, когда я в последний раз смотрел на Букингемский дворец из отъезжающей машины. Он весь светился в темноте зимней ночи, как гирлянды на деревьях Лондона. Я знал, что такого места нет на всем белом свете. И даже если я больше никогда не ступлю сюда лапой, мне на всю жизнь хватит историй о Рождестве, когда я стал королевским корги.

Букингемский дворец и все мои друзья почти сразу скрылись из виду, а я на большой скорости помчался в единственное место во всей стране, где хотел встретить Рождество.

Домой. К семье.

Наконец-то.

По пути в Редхилл я почти задремал. За окном была темная и холодная ночь, сверкающий снег лежал повсюду. Но когда мы приблизились к моему району, я вскочил и стал смотреть в окно. Вот начальная школа Клэр, куда я ходил с ней по утрам, когда она была младше. А вот хирургия, где работает Эми. Там парк, в котором так здорово гулять. А это – магазин на углу, Джек водил меня туда каждое воскресное утро покупать газеты. А там…

Наша входная дверь, с блестящей серебряной цифрой семь.

Я дома.

Стоило большой черной машине остановиться, дверь

открылась, и мое сердце наполнилось радостью. Вот они – Эми, Джек и Клэр, ждут в рождественских пижамах, оставшихся с прошлого года.

Только водитель выпустил меня из машины, я спрыгнул на землю и понесся к ним. Джек схватил меня на руки и крепко прижал к себе, а Эми и Клэр гладили и говорили, как же они соскучились.

Вот бы я мог сказать им то же самое, но, по-моему, они это и так знали.

– Простите, мэм, – обратился к Эми привезший меня лакей.

– Спасибо вам огромное, что вернули нашего Генри домой! – Эми потянулась обнять изумленного лакея. – Вы и представить не можете, сколько он для нас значит.

– Э… мы были рады, – ответил лакей. – Он определенно оживил обстановку во дворце.

– Не сомневаюсь, – проворчала Эми, но она улыбалась, глядя на меня.

– Вообще-то, мы привезли кое-что для вас, – продолжил лакей. – Из дворца. В благодарность за то, что позволили одолжить своего песика.

– Одолжить? – начал Джек, но Эми шикнула на него.

– О, это очень мило. Не стоило…

Эми прервалась, когда появился водитель, которого было едва видно из-за гигантской корзины с крышкой. Лакей подбежал помочь нести ее.

– Вау, – Клэр пялилась во все глаза. – Генри и правда произвел впечатление во дворце.

– Кажется, да, – согласился Джек. – А нас награждают за то, что мы позволили ему погостить, или за то, что забираем обратно?

Эми рассмеялась.

– Это не важно. Я просто рада возвращению Генри.

Но никто не был рад сильнее, чем я сам.

Лакей и водитель поставили гигантскую корзину на кухонный стол, дали Эми четкие указания не открывать ее до завтра, и уехали во дворец.

И тогда остались только мы, Уокеры – все, кроме Соки, которой я еще не видел.

– Ну, чем будем заниматься сейчас? – спросил Джек, садясь на ступеньки, чтобы снова меня погладить.

– Сегодня сочельник, – сказала Клэр. – И Генри дома. Давайте займемся чем-нибудь всей семьей.

Эми улыбнулась.

– Горячий шоколад и рождественский фильм? А для Генри

собачий шоколад.

– Супер! – Клэр побежала в гостиную. – Чур, мне лучшее место. Пойдем, Генри! Можешь сесть со мной.

Я гавкнул в знак согласия и побежал следом. Да, хорошо быть дома.

День двенадцатый
Среда, 25 декабря, Рождество

– Ага. Значит, ты вернулся.

Рождественским утром я проснулся от взгляда ворчливой пушистой кошки, с мрачным видом сидевшей у моей корзины. Я словно никогда и не уезжал. Снова закрыл глаза.

– Кажется, так. Где ты была вчера, Соки? Пропустила мое грандиозное возвращение домой.

– Ты же меня знаешь, – сказала Соки и по-кошачьи изящно махнула лапой. – Ненавижу эти бурные эмоциональные сцены. Кроме того, я слышала, как они говорили о твоем возвращении. Подумала, что они во мне так сильно уже не нуждаются.

– Сильно не нуждаются?

Я надеялся, что Соки попытается приглядеть за семьей в мое отсутствие, но не очень-то верил, что она справится.

Соки вздохнула:

– Я не понимала, сколько всего людям *нужно*, пока ты не исчез. Кажется, даже хорошо, что ты вернулся. Значит, мне снова можно заниматься своими важными делами, а не нянчиться с семьей.

Важными делами Соки, насколько я мог судить по жизни с ней, было дремать, зевать, есть и бродить по окрестностям с таким видом, словно она тут хозяйка.

– Что ж, мне бы не хотелось отвлекать тебя от *действительно* важных дел, – сказал я. – Поэтому буду счастлив снова взять на себя ответственность за семью.

– Рада слышать, – сказала Соки и грациозной походкой отправилась к своему привычному месту – батарее в прихожей, чтобы свернуться там клубочком.

Я смотрел ей вслед, раздумывая, скучала ли на самом деле по мне кошка.

Эми первой спустилась по лестнице и, задержавшись, чтобы приласкать меня, пошла к плите.

– Как же здорово, что ты дома. Ты – наше рождественское чудо, Генри.

Я ткнулся носом ей в руку, чтобы показать, как сильно и сам рад быть дома.

– А уже можно открыть подарки? – спросила Клэр, вприпрыжку спускаясь по лестнице следом.

Она тоже остановилась, чтобы погладить меня.

– Скоро я расчешу тебе шерстку, Генри. Даже не пытайся меня остановить.

Эми улыбнулась ей:

– И тебя с Рождеством.

Клэр закатила глаза.

– С Рождеством, мам, – сказала она и обняла Эми. – Но серьезно. Подарки.

– Ты ведь помнишь, что в этом году каждому от меня только по одному? – встревоженно спросила Эми.

Обычно рождественским утром детей ждали целые горы свертков. Но теперь все, кажется, изменилось.

– Помню, мам. Но возвращение Генри – единственный подарок, который мне *действительно* хотелось.

Клэр снова опустилась рядом со мной и обняла.

– Отличная выходит экономия! – пошутила Эми.

– Но это не значит, что я не хочу открывать подарок из дворца, – ответила Клэр.

– Ах, этот…

Обе они обернулись и посмотрели на гигантскую корзину, обернутую красной и зеленой бумагой и завязанную лентой-шотландкой. Эми закусила губу.

– Тогда пойди приведи брата. Он никогда не простит, если мы откроем подарок без него.

Клэр помчалась наверх, чтобы разбудить Джека, Эми стала доставать из холодильника еду на завтрак, а я тем временем воспользовался возможностью обнюхать корзину и попробовать понять, что внутри.

Оберточная бумага пахла дворцом. Тем же запахом рождественских елок, средством для полировки, которым пользовалась Сара, и каким-то более сильным ароматом, который напоминал мне о самом месте. Но за ними я чувствовал и другие – пряные, фруктовые, сладкие и вкусные. Мне кажется, Джек и Клэр *ужасно* обрадуются, когда откроют подарок.

– Он идет. – Клэр перепрыгнула последние несколько ступеней. – А *теперь* можно?

– Подождите меня. – Джек не спеша приплелся на кухню и плюхнулся на один из деревянных стульев около стола.

Я прыгнул ему на колени. Сегодня мне почему-то хотелось все время быть поближе к моей семье.

Джек крепко обнял меня, я знал: он чувствует то же самое. Конечно, я скучал по всем ним, но за Джека волновался больше остальных. Мальчику нужен его пес, особенно если этот мальчик скоро станет мужчиной. Только со мной он мог разговаривать, и мне хотелось быть рядом.

– Здорово, что ты дома, Генри, – шепнул Джек мне на ухо.

Клэр дождалась разрешения матери и стала разрывать оберточную бумагу, а Джек, перегнувшись через меня, принялся

развязывать ленту. Эми отошла от холодильника и отодвинула себе стул, поэтому, пока Джек возился с крепко затянутым бантом, я перепрыгнул с его колен на ее.

Наконец бумага упала, мы все сели и уставились на подарки.

Это была не просто корзина. О, в ней, конечно, лежали рождественский пирог, кексы, паштеты, конфеты и разные аппетитные вкусности, но это было не все. Туда положили и булочки на завтрак, испеченные на королевской кухне, фрукты и варенье. Из корзины смотрели елочные игрушки, как во дворце: красные короны, расшитые золотом. Рождественские хлопушки, печенье, набор колокольчиков, чтобы играть рождественские песни. А в самом центре – несколько обернутых коробок. Переглянувшись, Эми, Клэр и Джек выхватили по одной, сорвали с них бумагу и, смеясь и шутя, стали рассматривать.

– Что у тебя? – спросила Клэр, повернувшись к Джеку.

– Какая-то настольная игра. У тебя?

– Тоже – «Клуэдо».

– И у меня игра.

Эми подняла повыше коробку с рисунком из ярких разноцветных треугольников.

– Кажется, по развлечению на каждый день. Теперь мы можем устроить свое королевское Рождество!

– Тут что-то еще, – сказала Клэр, заглянув в корзину поглубже и вынырнув оттуда с большим красным рождественским чулком.

На нем была желтая нашивка.

– Он для Генри!

Она протянула мне чулок, и я ткнул в него лапой.

– Кажется, стоит помочь ему, – засмеялась Эми.

Клэр с улыбкой достала из чулка коробочки с шоколадными собачьими лакомствами в форме рождественских пудингов и мягкую игрушку-индейку. Проглотив сразу несколько угощений, я устроился в корзине с игрушкой.

– Стойте, тут второй подарок для Генри.

Джек поднял еще один квадратный сверток, тоньше остальных, завернутый в зеленую бумагу.

– Написано «От Сары и Оливера». Это еще кто такие?

– Понятия не имею, – наморщила лоб Эми. – Откроешь для него?

Джек разорвал обертку, и оттуда показался серебристый уголок.

– Тут рамка.

– С фотографией, – подметила Клэр. – Думаю, подарок – она!

– Это, видимо, другие дворцовые собаки, – сказала Эми, всматриваясь. – А те двое, наверное, Сара и Оливер.

Звонко гавкнув, я поднялся в корзине. Это ведь *мой* подарок – я хочу посмотреть!

– Вот, Генри, гляди, – засмеялась Эми.

Она опустила рамку на пол передо мной.

– Но потом мы переставим ее в более безопасное место.

Я снова сел в корзине и уставился на снимок. Сара и Оливер в окружении Уиллоу, Вулкана, Кэнди и Монти. Непонятно, когда только они умудрились снять это фото, но я очень обрадовался. Теперь у меня осталось напоминание о моем волшебном Рождестве во дворце, хотя я знал, что и так никогда его не забуду. Но сейчас, со всеми этими объятиями, ласками и обещаниями расчесать, я чувствовал себя гораздо более важной и царственной особой с Уокерами, чем когда-либо во дворце.

Улыбнувшись, я обнял свою игрушечную индейку и посмотрел на фото. Родные рядом со мной шутили и смеялись, и на миг мне показалось, что я никогда не покидал дом.

Ясно было лишь одно. Я точно знал, что никогда больше не покину их.

Эми

Эми с улыбкой смотрела, как Джек и Клэр спорят, кому взять собаку Скотти в «Монополии». Они уже сыграли в «Клуэдо», поедая дворцовые булочки (Клэр выиграла), и опробовали «Тривиал Персьют», когда Эми заканчивала готовить ужин, чтобы поставить в духовку. Пока блюда готовились, у всех появилось время сходить в душ и переодеться – Генри же дремал в корзинке с игрушечной индейкой.

А Эми… ну, ей выдалось несколько минут немножко поплакать от сильнейшего облегчения и счастья, потому что все, кажется, вернулось на свое место. Генри дома, и великолепная корзина из дворца более чем восполнила недостающие подарки под елкой. А лучше всего то, что дети были по-настоящему счастливы впервые за несколько месяцев.

Возможно, просто возможно – это Рождество все-таки не будет катастрофой, как она боялась.

Ее телефон звякнул, и, взяв его, она увидела сообщение от Люка. Эми написала ему утром, пожелав счастливого Рождества – и рассказав фантастические новости о Генри.

«Вау! Какой прекрасный рождественский подарок. Жду не дождусь услышать обо всех приключениях Генри с королевской знатью… Я уезжаю на пару дней, но, может, мы с тобой выведем Генри и Дейзи погулять первого января? Или у тебя другие планы?»

Эми задумалась. Дети будут у Джима и Бонни. И сама она говорила, что хочет начать новый год с чистого листа, смотреть в будущее…

Она написала ответ и пристально вгляделась в текст, не посылая его. Хватит ли смелости? Сделав глубокий вдох, Эми нажала «отправить».

«Это свидание».

Люк ответил почти сразу.

«На что я и надеялся :-*»

Эми улыбнулась экрану телефона. Да, Рождество теперь совсем не похоже на катастрофу.

Во время обеда были традиционные хлопушки с дурацкими шутками (даже в привезенных из Букингемского дворца шутки были ужасные) и бумажные короны. Эми скинула под стол для Генри остатки курицы, хотя знала, что Джек и Клэр сделали так же. Он заслужил.

Клэр надела Генри на голову корону и сделала несколько его фотографий в окружении семьи, чтобы выложить на странице «По

следам Генри» – рассказать всем, кто продолжал искать его или помогал в последние дни, что эта история наконец-то закончилась счастливо. Клэр даже написала твит во дворец, чтобы поблагодарить их за возвращение Генри.

– Хочешь, чтобы мы убрали со стола, мам? – спросил Джек, когда они расправились с последним куском рождественского пудинга.

Эми с изумлением уставилась на него.

– Да, было бы замечательно. Спасибо. Но может, сделаем это позже? Я подумала, давайте сначала отправимся с Генри на рождественскую прогулку? Кажется, в этом году мы просто обязаны сесть и послушать речь королевы. Согласны?

– Конечно, – улыбнулся Джек.

– А я успею сначала позвонить Люси по скайпу? – спросила Клэр. – Хочу показать ей елочные игрушки из дворца.

Эми сверилась с часами.

– Десять минут, – разрешила она, и Клэр бросилась вверх по лестнице.

Налив себе бокал красного вина, Эми пошла в гостиную, зная, что Клэр потребуется, скорее, двадцать. Убедилась, что запись работает, – просто на случай, если они опоздают на речь королевы. Генри точно заслужил побегать и попрыгать в снегу. А вот может ли их местный парк сравниться с дворцовыми садами – уже другой вопрос…

Сложно было поверить, что Генри – *их* Генри – жил в Букингемском дворце почти две недели и никто даже не заметил этого. Представить его бродящим по парадным залам, лающим на членов королевской семьи… уму непостижимо. Но кажется, он счастлив вернуться домой – и Эми была еще более счастлива, что он здесь.

Она включила телевизор и как раз садилась на диван, когда телефон зазвонил. Со вздохом поднялась – и поняла, что Джек ее опередил.

– Да?

Эми замерла в дверях, стараясь угадать, кто же это. «Может, мама, – подумала она, – звонит из круиза?»

Но тут она встретилась с Джеком взглядом и увидела, как в его глазах сменяются сотни эмоций разом. Значит, не бабушка.

– Привет, пап, – сказал Джек, и Эми все поняла.

Затаив дыхание она ждала, что же сейчас будет. Джек снова наорет на Джима? Повесит трубку, как делал каждый раз после ухода отца? Или рождественские чудеса продолжатся?

– Ага. С Рождеством, – сказал Джек. – Эй, а ты слышал новости о Генри?

И тут Эми поняла, что все будет в порядке.

Прислонившись головой к дверному косяку, она чуть отпила вина, слушая, как Джек взахлеб рассказывает отцу о приключениях Генри.

– Нет, клянусь! Вчера ночью его вернули, да еще из дворца прислали громадную корзину подарков и записку с извинениями, что «одолжили» собаку!

Наступила еще одна пауза, но и это был хороший знак, она значила, что Джек действительно слушал Джима. Такого тоже раньше не бывало.

– Первого января? – переспросил Джек, посмотрев на Эми.

– Тебе решать, – шепнула та.

Потому что Джек прав: он уже почти взрослый, может сам решать, каких людей впускать в свою жизнь.

Она просто надеялась, что сын выберет нужных. И надеялась, что сама поступит так же.

Эми знала – их ждет много перемен и трудностей, но только теперь чувствовала себя действительно готовой встретить их. Она справится с Джимом и Бонни, с тем, что Джек становится взрослым и Клэр растет с каждым днем, с работой, с Генри и Соки, с домом и всем, что ей выпадет. И преодолеет все трудности, сохранив счастье и любовь в семье, не забывая, как ей повезло, что они есть у нее.

Будущее открыто перед ней, и, думая о нем сейчас, Эми чувствовала только радостное волнение.

– Да. Наверное, я смогу, – улыбнулся Джек. – Отлично. Значит, там и увидимся. Пока, пап. Хочешь поговорить с Клэр? Окей.

Он побежал по лестнице с трубкой в руке звать сестру, а Эми улучила момент опуститься на диван и посмотреть телевизионную программу на сегодня. Вдруг скоро будет какой-нибудь хороший фильм, который можно посмотреть вместе?

Эми села, Генри запрыгнул к ней и свернулся рядом. Она погладила его за ушами, чувствуя огромную радость, что песик снова дома, на своем месте. Он ведь тоже часть семьи.

– Мы скучали по тебе, Генри, – шепнула она. – Без тебя это Рождество не было бы семейным.

Генри

Клэр и Джек, улыбаясь, вместе спустились на первый этаж, и Эми, кажется, стала волноваться еще меньше. Я сел и навострил уши, готовый услышать слово, которого так ждал.

– Гулять, Генри? – спросила Клэр, и я спрыгнул с дивана, лая в знак согласия.

Снег покрыл все за окном, и мир казался сказочно белым. Надев пальто, куртки и шарфы, Джек и Клэр смеялись по дороге в парк, то и дело пытаясь засунуть снег друг другу за шиворот.

А я – я спокойно шел рядом с Эми, впитывая все знакомые виды, запахи и звуки родного города. Она не спустила меня с поводка, когда мы пришли в парк, – и, думаю, ее можно понять, – но зато со счастливым видом бегала за мной, пока я заново знакомился с разными уголками парка и заветными местечками между деревьями и скамейками.

Все казалось более-менее таким, каким и было – не считая снега. Интересно, у Кэнди и остальных в Сандрингеме тоже лежит снег?

Интересно, думают ли они вообще обо мне этим Рождеством?

Джек взял мой поводок, и мы вместе помчались по парку, Клэр – за нами, а Эми, очистив скамейку от снега, села наблюдать. Здесь гуляло много других собак с хозяевами, и я гавкал всем и каждому поздравления с Рождеством.

Эми объявила, что пора идти домой слушать речь королевы, когда мои лапы уже замерзли и гудели, а я устало сопел и был счастлив до невозможности.

Вернувшись, Клэр и Джек успели повесить одежду, добежать до гостиной и прыгнуть на диван, ко мне и Эми, и как раз пошли начальные титры Би-би-си. На экране появилась знакомая фигура за знакомым столом, а позади елка, мигавшая гирляндами.

– Вот Она! – сказала Клэр. – Как же странно знать, что Генри правда *встречался* с Ней.

– Тс-с-с, – шикнула Эми. – Я хочу услышать Ее речь.

Я тоже. Ведь мои друзья любили Ее больше всех на свете, и для меня это имело куда большее значение, чем королевой чего Она там была. Именно Ее Величество отправила меня домой к семье. Помогла сделать наше Рождество настоящим Рождеством.

И меньшее, чем мы могли отплатить, это послушать Ее.

Я подобрал под себя лапы, чтобы согреться, и весь обратился в слух.

Рождество для многих из нас – это семейное время, время быть вместе. Но мы всегда должны помнить о тех, чьи семьи

далеко, особенно в трудный час.

Ее Величество была такой спокойной, такой сильной. Вот бы с Ней рядом сидели собаки и я бы снова их увидел.

– Семья – это не только кровное родство. Наши общины, школы, церкви, работа, целая страна – все они своего рода семьи. У каждого из нас куда больше семей, чем можно сосчитать: это те сообщества, в которых мы ищем поддержки, и те, которые нам должно поддерживать в ответ.

Этот год во многом был годом испытаний для нашей страны. Но в худшие времена мне давала силы великая надежда. Надежда на будущее и на наше государство, на отдельных личностей и людские сообщества – будущее в поступках множества разных семей, вместе образующих нашу страну. Доброта и сострадание объединяют наш народ, кто бы ни пытался разделить нас.

На этих словах Эми обняла Клэр за плечи и прижала покрепче. Джек придвинулся с другой стороны, и мы все замерли, обнявшись. Семьей.

Тут на диван запрыгнула Соки и, кинув быстрый взгляд в мою сторону, уселась с противоположного края, около Джека. Даже она чувствовала необходимость быть с нами сегодня.

– В это Рождество, возможно, сильнее чем в прежние, мы нуждаемся друг в друге, – продолжила королева. – И я знаю, что как семья, как страна мы даруем и получаем помощь, надежду и тепло. Мы держимся вместе даже в тяжелые времена. И потому каждый день будем и дальше создавать страну – и семью, – которую с гордостью сможем оставить детям и внукам.

Эми поцеловала дочь в макушку, а я с чувством ткнулся ей в ногу.

Мы снова были рядом, все мы. И глубоко в сердце я знал – я вернулся домой и нам ничего больше не страшно.

Вместе.

notes

1

Игра слов: фамилия Walkers звучит как walkers – «сопровождающие» (*англ.*).

2

Имя Квентин у англичан ассоциируется с положительным характером. (*Примеч. ред.*)